

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет»

На правах рукописи

БАБЕЙКО Екатерина Николаевна

**ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ «СМОЛЕНСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА» В.Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Максимчук Нина Алексеевна

Смоленск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СТРУКТУРЕ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА	15
1.1. Понятие языковой картины мира в современных лингвистических исследованиях.....	15
1.2. Региональная, диалектная, фразеологическая картины мира и их взаимоотношения.....	19
1.3. Паремиологический компонент диалектной картины мира и проблема классификации фразеологических единиц.....	24
1.4. Языковой статус пословиц и поговорок и их лингвистическая квалификация.....	29
1.5. Собрания пословиц и поговорок в русской лексикографической традиции.....	35
1.6. «Смоленский этнографический сборник» В.Н. Добровольского	39
1.7. Диалектные паремии «Смоленского этнографического сборника» и их лингвистические характеристики.....	42
1.8. Лингвокультурологический аспект описания фразеологических единиц и методы их лингвокультурологического анализа.....	48
1.9. Системные объединения фразеологических единиц.....	53
Выводы по первой главе.....	60
ГЛАВА 2. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СОБРАНИЯ В.Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ	63
2.1. Структура и состав фразеосемантических блоков «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского.....	63
2.2. Пословицы и поговорки фразеосемантического макроблока <i>Человек</i> : лингвокультурологический анализ.....	67

2.3. <i>Судьба</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	69
2.4. <i>Жизнь и Смерть</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта.....	71
2.5. <i>Счастье – несчастье</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	81
2.6. <i>Молодость – старость</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	89
2.7. <i>Любовь</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	94
2.8. <i>Дружба</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	97
2.9. <i>Мужчина – женщина</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	101
2.10. <i>Семья – брак</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	107
2.11. <i>Семейные отношения</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	126
2.12. <i>Своё – чужое</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	140
2.13. <i>Деньги</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	142
2.14. <i>Пища – работа</i> в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта	148
Выводы по второй главе.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	165
ПРИЛОЖЕНИЕ А (СПРАВОЧНОЕ) ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК	185

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультурологическая направленность изучения языка в течение нескольких последних десятилетий способствовала появлению обширных научных исследований о языковой картине мира. В отечественной лингвистике известны работы Г.А. Брутян, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Г.В. Колшанского, Ю.Н. Караулова, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, В.В. Морковкина, В.Н. Телия, И.А. Стернина, Е.С. Яковлевой, И.Л. Бурич, А. Зализняк и др.

В современной лингвистике существуют различные определения и классификации языковой картины мира. По определению В.А. Масловой, языковая картина мира – «... это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с её духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова, 2007, с. 88].

Национальная специфика каждого народа находит своё отражение в языковой картине мира, поскольку именно язык является главным средством формирования и хранения знаний человека об окружающем мире. Более того, по образному выражению В.В. Морковкина, «...язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении её к непрерывной культурной традиции соответствующего народа» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 47–48].

Знания, зафиксированные в языке, могут быть как универсальными, общенациональными, так и специфическими. Присущая же языку специфика может быть обусловлена многими факторами (географическим положением, историей, религией и т.д.).

Термин *языковая картина мира* по отношению к производным, которые могут выделяться с помощью лингвистических и экстралингвистических характеристик языковой системы, является родовым [Новикова, Черемисина, 2000]. Оперирование тем или иным экстралингвистическим признаком позволяет говорить о различных видах реализации языковой картины мира, одной из которых является языковая картина мира, выделяемая по территориальному признаку. При этом территориальный диалект, «...со специфическими этнографическими особенностями... является универсальной формой накопления и трансляции... языковой картины мира диалектоносителей, что проявляется, в первую очередь, на его лексико-фразеологическом уровне» [Брыкина, 2003, с. 5]. Ограниченность сферы употребления, самобытность, своеобразность, доступность понимания лексических единиц определённому кругу носителей языка (жителям конкретной местности) определяют существование *диалектной языковой картины мира*.

Картиной мира диалекта называется присущее данному диалекту как подсистеме конкретного языка определённое устройство системы понятий, отражающее специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта [Закуткина, 2001].

Диалектная картина мира, являясь своеобразным фрагментом национальной картины мира, характеризуется специфическими чертами и заслуживает отдельного изучения и описания.

Диалектная картина мира, как и другие, неоднородна, она включает элементы различных языковых уровней (фонетического, лексического, грамматического, синтаксического, паремиологического, синтаксического и др.), изучение которых позволяет из уникальных фрагментов воссоздавать и описывать картину мира, принадлежащую тому или иному территориальному языковому сообществу, языковому коллективу. В частности, изучение географически обусловленного лексического и фразеологического наследия даёт возможность расширить представление об универсальном и специфическом в различных территориальных воплощениях национальной культуры.

В центре данного исследования находится фразеологический компонент *диалектной картины мира*, ограниченной территорией Смоленского края. Её выделение определяется географическим положением и сферой распространения соответствующего языкового материала.

В современной лингвистике чрезвычайно возрос интерес к фразеологическому уровню, содержащему обширные возможности лингвокультурологического изучения языковых репрезентаций картины мира. О лингвокультурной значимости фразеологии говорится в трудах В.Н. Телия, В.А. Масловой, В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, И.А. Стернина, А.В. Кунина, З.Д. Поповой и мн. др.

В.С. Виноградов отмечает, что во фразеологизмах, «...многие из которых сохраняют образно-структурную мотивировку, отражены не только материальные и духовные объекты, которые обладают национальной спецификой, но и нравственные, моральные, психологические оценки, характеристики, пристрастия, составляющие понятия национального духа и национальной личности» [Виноградов, 2003, с. 103-104]. В.А. Маслова, рассматривая фразеологизмы, говорит о том, что фразеологическая семантика отражает достаточно долгий процесс развития культуры народа, поэтому фразеологизмы «... фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова, 2007, с. 82].

В.Н. Телия квалифицирует фразеологические единицы как «зеркало», в котором отражается национальное самосознание лингвокультурной общности [Телия, 1996, с. 32]. Фразеология, обладая национальным культурным колоритом, воссоздаёт и передаёт национально-культурное самосознание, народный менталитет. При изучении и описании фразеологических единиц обнаруживаются своеобразные культурные стереотипы, позволяющие в своей совокупности воссоздать присущую тому или иному народу национальную картину мира. Именно фразеологический состав является безграничным языковым богатством народа, которое создавалось на протяжении веков, поскольку во фразеологизмах содержится многовековой опыт общественного разума [Николаенко, 2005].

Уникальным лингвокультурным потенциалом для изучения и описания национального самосознания обладает диалектная фразеология, которая удивительным образом сочетает в себе общенациональные и региональные черты, «...именно данный языковой пласт наиболее последовательно фиксирует историко-культурные изменения как на региональном, так и на общенациональном уровнях, переосмысливая их в системе ценностных координат определённых лингвокультурных сообществ» [Данилевская, 2014, с. 175]. Народное мировосприятие, отражённое в языке определённых регионов, в совокупности формирует национальную ментальность. Поэтому изучение диалектной фразеологии с точки зрения репрезентации в ней национального опыта позволяет восстановить историческое прошлое, культуру, мировосприятие, нравственные установки наших предков, от ценностей которых современное общество всё более и более отдаляется. Способность фразеологии транслировать национально-культурное самознание народа обуславливает аксиологическую ценность диалектного материала, поскольку любой национальный язык обладает «...тщательно отобранной, отшлифованной фразеологией, которая создавалась, накапливалась в течение веков и составляет неотъемлемую часть его выразительных средств» [Мельниченко, 2007, с. 33].

Р.Н. Попов отмечает: «Если лексика народных говоров в значительной мере уже описана, то лексикографическая разработка их фразеологии, по существу, только начинается» [Попов, 2000, с. 295]. Вопросы диалектной фразеологии рассматриваются в трудах Л.А. Ивашко, А.И. Фёдорова, В.П. Филина, Л.Л. Касаткина, М.Н. Копыленко, С.С. Кузнецовой и других. Русской диалектной фразеологии посвящены диссертации: Л.А. Ивашко «Диалектная фразеология и её формирование на базе народной речи» [Ивашко, 1994], С.Н. Аверина «Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка» [Аверина, 2005], И.А. Кобелева «Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты» [Кобелева, 2012] и др.. Фразеология отдельных диалектов описана в диссертационных работах З.В. Сметанина «Фразеология ярославских и костромских говоров, характеризующая человека»

[Сметанина, 1996], Л.К. Алахвердиева «Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения» [Алахвердиева, 2000], В.Ю. Краева «Диалектная фразеология русских говоров Алтая» [Краева, 2011], Р.В. Ширшаков «Типы диалектных слов в пензенских говорах» [Ширшаков, 2011], С.О. Кипарисова «Рязанская диалектная фразеология» [Кипарисова, 2019] и др. Ценность таких работ велика, поскольку «...глубокое, спокойное исследование раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры народа, пестует трепетное уважение к её уникальности» [Гачев, 1988, с. 429].

Особое значение в составе диалектной фразеологии имеет её паремиологический фонд, а именно, пословицы и поговорки как концентрированное отражение народного мировоззрения.

Изучение диалектной паремиологии возможно, в первую очередь, благодаря существованию паремиологических сборников, составленных на основе записей живой речи носителей диалекта. Это сборники И.М. Снегирёва [Снегирёв, 1831], В.И. Даля [Даль, 1862], И.И. Иллюстрова [Иллюстров, 1910], М.А. Рыбниковой [Рыбникова, 1958] и др. Однако далеко не все территории России имеют записи фразеологического материала, собранные в момент его живого функционирования. Жители Смоленского края обладают таким ценным наследием благодаря этнографической деятельности фольклориста, краеведа, собирателя народной фразеологии Владимира Николаевича Добровольского, составителя «Смоленского этнографического сборника» [Добровольский, 1894].

Вклад В.Н. Добровольского в этнографическую, фольклорную и лингвистическую науку значителен: исследователь сумел зафиксировать культурно-языковую и этнографическую ситуацию переломной эпохи на рубеже XIX – XX веков на территории обширного, богатого и интересного в культурно-историческом плане Смоленского края. Это делает «Смоленский этнографический сборник» уникальным источником, исследование и научное описание содержания которого является важным компонентом при изучении и описании картины мира жителей Смоленского края в её историческом развитии. Значительное

место в материалах В.Н. Добровольского занимают записанные автором пословицы и поговорки. Вышесказанным обосновывается выбор **темы** исследования.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью описания русской диалектной фразеологической картины мира, одним из значимых компонентов которой является фразеологический состав смоленских говоров, отражающий культурные установки, ценностные ориентиры, стереотипы, жизненные постулаты носителей смоленского диалекта.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые последовательному лингвистическому и лингвокультурологическому анализу подвергается паремиологический материал «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894].

Цель работы состоит в комплексном многоаспектном описании и анализе пословиц и поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского как фрагмента диалектной картины мира Смоленского края.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать языковые черты смоленского диалекта, формирующие фонетико-грамматические особенности диалектных паремий;
- 2) выявить и охарактеризовать особенности диалектной лексики в составе выделенных паремий;
- 3) дать общую характеристику фразеологического компонента смоленской диалектной картины мира, представленного в «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894];
- 4) выделить пословицы и поговорки, характеризующие макротему *Человек*, и структурировать полученный материал с учётом тематической классификации В.Н. Добровольского и необходимых уточнений;
- 5) произвести лингвокультурологический анализ паремий, выделяя в каждой тематической группе ключевые понятия, определяющие базовые ценности смоленского крестьянина XIX века;

б) сопоставить проанализированный паремиологический материал с материалом одноимённых групп в собрании «Пословиц русского народа» В.И. Даля [Даль, 1989];

7) охарактеризовать этнокультурное своеобразие смоленской диалектной паремиологии с учётом регионального и общенационального компонентов её семантики.

Объектом исследования является фразеологический фрагмент диалектной картины мира как части общенациональной картины мира.

Предметом исследования служат лингвистические и лингвокультурологические характеристики пословиц и поговорок макротемы *Человек* в «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894].

Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: если подвергнуть комплексному лингвистическому и лингвокультурологическому анализу пословицы и поговорки «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского в сопоставлении их с паремиями одноимённых тематических групп «Пословиц русского народа» В.И. Даля, то можно не только описать особенности диалектной фразеологии Смоленского края, но и охарактеризовать фрагмент картины мира носителя смоленского диалекта на фоне общерусского паремиологического материала.

Теоретическую базу данной диссертации составляют:

исследования фразеологического состава языка (Н.М. Шанский, В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский, А.А. Реформатский, Л.А. Булаховский, А.И. Молотков, В.И. Кодухов, В.П. Жуков, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, З.Д. Попова, М.М. Копыленко, Ю.А. Гвоздарев, Л.И. Ройзензон, В.Н. Телия, Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, В.М. Мокиенко, В.П. Аникин, Г.Л. Пермякова, А.А. Потебня и др.);

работы по лингвокультурологии (В.Н. Телия, В.А. Маслова, А. Вежбицкая, В.В. Красных, Д.О. Добровольский, В.И. Зимин, Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьев и др.);

работы по диалектологии (М.А. Алексеенко, К.И. Демидова, Н.А. Закуткина, Н.А. Максимчук, В.И. Чагишева, А.С. Данилевская, Л.А. Ивашко, О.А. Радченко и др.);

исследования языковой картины мира (Г.А. Брутян, Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Морковкин, Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Яковлева, А.А. Зализняк, В.И. Карасик, Г.В. Колшанский, Н.А. Максимчук и др).

Источником исследования послужил «Смоленский этнографический сборник» В.Н. Добровольского, часть III [Добровольский, 1894].

Материалом исследования являются 773 пословицы и поговорки «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, относящиеся к макротеме *Человек* в рамках следующих фразеосемантических групп: Судьба, Жизнь – Смерть, Молодость – Старость, Судьба, Любовь, Дружба, Счастье – Несчастье, Семья – Один, Брак, Мужчина, Женщина, Муж – жена, Невеста, Невестка, Своё – Чужое, Работа, Пища, Деньги [Добровольский, 1894].

Отбор материала обусловлен тематикой паремий, которые характеризуют философские категории, актуальные в любое время, и составляют основу мировоззрения людей всех эпох. Данные понятия опосредованным образом отражают систему ценностей, взглядов и жизненных ориентиров общества на протяжении многих столетий. Поскольку в современной языковой ситуации наблюдается утрата многих языковых единиц, культурно значимых понятий недавнего и более отдалённого прошлого, лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок указанной тематики позволяет сделать выводы об устойчивости и изменчивости базовых понятий русского народного самосознания, мировоззрения и мировосприятия, отражаемых в русской национальной картине мира.

При анализе паремиологического материала использовались следующие **методы**:

- аналитический, состоящий в комплексном анализе описываемого языкового материала;
- описательный метод;

- сравнительно-сопоставительный, направленный на сопоставление общенациональных и региональных паремий;
- метод контекстуального анализа;
- метод лингвокультурологического анализа;
- метод экстралингвистической интерпретации фактов.

Теоретическая значимость исследования. Изучение и описание диалектного паремиологического материала позволяет расширить представления о диалектной фразеологии, вносит вклад в описание диалектной картины мира Смоленского края как составной части картины мира русского народа. В научный оборот вводится диалектный паремиологический материал, ранее не являвшийся объектом специального комплексного исследования.

Практическая значимость состоит в том, что материал и результаты исследования могут использоваться при составлении лингвокультурологического комментария к «Смоленскому этнографическому сборнику» Владимира Николаевича Добровольского, в практике вузовского преподавания в спецкурсах по диалектологии, фразеологии, лексикологии, лингвокультурологии, этнографии. Материалы исследования могут быть полезны учителям русского языка общеобразовательных школ, а также историкам, краеведам, психологам, социологам, экскурсоводам смоленских краеведческих музеев.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фонетико-грамматические особенности смоленского диалекта не только во всей полноте отражаются в пословицах и поговорках собрания В.Н. Добровольского, но и, как правило, организуют их ритмико-произносительную структуру;

2. Хотя число пословиц и поговорок, в которых роль ключевых слов выполняют лексические, семантические, этнографические диалектизмы, достаточно велико, основную часть паремий сборника В.Н. Добровольского составляют те, диалектный характер которых проявляется на фонетико-грамматическом уровнях;

3. Тематическая группировка пословиц и поговорок, представленная В.Н. Добровольским в «Смоленском этнографическом сборнике», может быть уточнена и дополнительно структурирована на основе полевого метода в современной фразеологии с использованием понятий *фразеосемантическая группа, фразеосемантический блок, фразеосемантический макроблок*;

4. Применение полевого подхода при структурировании паремиологического материала «Смоленского этнографического сборника» позволяет установить, что самым крупным многоуровневым объединением в его составе является фразеосемантический макроблок *Человек*;

5. В качестве источника сопоставления для выявления специфических черт смоленской диалектной фразеологии может быть использован сборник «Пословиц русского народа» В.И. Даля, представляющий широкую картину русских народных речений, собранных автором на различных российских территориях;

6. Сопоставление паремиологического материала сборника В.Н. Добровольского с материалом одноимённых групп в собрании В.И. Даля позволяет выявить как общенародные, так и специфические черты смоленской диалектной картины мира, определить особенности мировосприятия носителей смоленского диалекта, выражаемые, в частности, в системе образов-метафор в составе диалектных паремий;

7. Паремии «Смоленского этнографического сборника» отражают культурные установки, мировоззрение, стереотипы, жизненные постулаты носителей смоленского диалекта, центральным понятием паремиологической картины мира которого является Семья.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в публикациях, включая статьи в рекомендованных ВАК РФ журналах «Вестник Волгоградского университета» (Волгоград 2012), «Вестник Бранского государственного университета» (Брянск, 2012), «Известия Смоленского государственного университета» (Смоленск, 2019), и в докладах на межвузовских и региональных конференциях:

«Русский язык в современном мире» (Смоленск, 2009, 2019),

«Русский язык и духовно-нравственное состояние общества» (Смоленск, 2010);

межвузовской научно-методической конференции «Обучение русскому языку как иностранному и как родному посредством диалога культур» (Москва, 2011),

пятых Жуковских чтениях (Великий Новгород, 2011),

международной научно-практической конференции «Слово в языке, речи, тексте – 2011» (Брест, 2011),

V международной научно-методической конференции «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» (Брест, 2011),

«Конкурс молодых учёных» (Смоленск, 2012, 2020),

VI Международной научно-методической конференции (24-25 января 2020 г.) (Воронеж, 2020),

международной научно-практической конференции «Фразеология и паремология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)» (24-25 сентября 2020 г.) (Кострома, 2020),

международной научной конференции: XIV Поливановские чтения (29-30 октября 2020 г.) (Смоленск, 2020),

международной научно-практической конференции XV Поливановские чтения (12-13 ноября 2021 г.) (Смоленск, 2021);

«Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин» (Смоленск 2021).

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложения: Приложение А «Тематические группы описанных пословиц и поговорок».

Глава 1. Фразеологические единицы в структуре диалектной картины мира

1.1. Понятие языковой картины мира в современных лингвистических исследованиях

Фразеологические единицы, являясь важным источником ценной информации о культуре народа, занимают весьма значимое место в языковой картине мира. Понятие «языковая картина мира» – одно из базовых понятий лингвокультурологического описания и исследования, актуального для лингвистики последних десятилетий.

Возникновению этого термина предшествовало появление в конце XIX столетия понятия «картина мира», которое обусловлено развитием естествознания, физики. Впервые этот термин был истолкован немецким физиком Генрихом Герцем как совокупность внешних и внутренних образов, объектов [Герц, 1938]. Определяя картину мира в общих чертах, можно квалифицировать её как совокупность знаний и представлений человека, общества и народа в целом об окружающей действительности. Картину мира определяют «как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции» [Топоров, 1988, с. 161].

«Картина мира» многогранна, включает как объективные, так и субъективные представления человека о различных сферах жизни, она является объектом изучения ряда наук, например, философии, культурологии, физики, истории, лингвистики и др. Это обусловило существование, выявление и описание исследователями различных картин мира.

В научный оборот термин «языковая картина мира» впервые был введён Людвигом Витгенштейном в работе «Логико-философский трактат», в котором картина мира была определена как дух народа, его мировоззрение, отражённое в языке [Витгенштейн, 1994]. Само понятие «языковая картина мира» восходит к идеям В. Фон Гумбольдта о внутренней форме языка, и к гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В. фон Гумбольдт первый лингвист, ука-

завший на национальное содержание языка и мышления: «...различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985; 324]. Э. Сепир отмечал междисциплинарную связь, которую нужно учитывать при исследовании и описании языка: «...современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом...он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдалённой перспективе – с физиологией и физикой» [Сепир, 1993, с. 231].

Исследованию языковой картины мира посвящены труды В.А. Масловой, Ю.Д. Апресяна, Г.А. Брутян, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, А. Вежбицкой, Е.С. Яковлевой, Г.В. Колшанского, Ю.Н. Караулова, И.Л. Бурич, А. Зализняк и др.

В.А. Маслова отмечает прежде всего многоплановость, многокомпонентность языковой картины мира и предлагает такое определение: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с её духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова, 2007, с. 88]. А. Вежбицкая поддерживая идею многокомпонентности, говоря о совокупности всех составляющих и представлений языковой картины мира, акцентирует внимание прежде всего на историческом компоненте: «...языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности» [Вежбицкая, 2000, с. 35].

В.Н. Телия, подобно А. Вежбицкой, ориентируется на исторический компонент и языковую картину мира квалифицирует как исторически сложившуюся в обыденном сознании языкового коллектива и отражённую в языке совокупность образов, понятий, стереотипов и символов, которые представляют знания определённого народа об окружающем мире. Данные знания, полученные в процессе по-

знавательной деятельности человека, оцениваются им в соответствии с системой норм в обществе и фиксируются в значении языковых единиц [Телия, 1996].

Д.Ю. Апресян называет языковую картину мира «наивной», подчёркивает её донаучный характер и определяет как, «...отражённые в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995, с. 39]. А. Зализняк истолковывает языковую картину мира как «... систему, объединяющую своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, отражённую в их языковой практике» [Зализняк, 1999, с. 45]. Е.С. Яковлева языковую картину мира определяет как «... зафиксированную в языке и специфическую для мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996, с. 41].

С точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковая картина мира – это одна из разновидностей опосредованной картины мира, под которой лингвисты понимают результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, материализующими существующую в сознании когнитивную картину мира. Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, отражающих особенности этнического восприятия мира, это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определённом этапе развития народа [Попова, Стернин, 2007].

Углублённое изучение работ, посвящённых языковой картине мира, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время исследования проходят двух направлениях. Ряд лингвистов (В.А. Маслова, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина) описывают систему представлений, отражённых в языке, посредством семантического системного анализа. Другие учёные (А. Вежбицкая, Е.С. Яковлева, И.Б. Левонтина, А. Зализняк, А.Д. Шмелёв) изучают лингвоспецифические концепты, свойственные только данному языку, «ключевые» только для описываемой культуры.

Нам представляется важным отметить следующее. Каждый язык отражает свою уникальную картину мира, в которой языковая личность весьма интуитивно и естественно строит своё высказывание в соответствии с уже существующей картиной мира. Именно в этом проявляется специфическое национальное восприятие мира, зафиксированное в языке. С помощью языка формируются, существуют и хранятся знания человека о мире.

Совокупность знаний, представлений народа, сохранённых и вербализированных с помощью языка, является языковой картиной мира. В современных исследованиях при описании языковой картины мира целесообразно и важно выявлять и описывать не только универсальные, общие языковые выражения понятий окружающей действительности, но и особое, специфическое отражение мира, зафиксированное в отдельном языке.

Поскольку языковая картина мира характеризуется тем, что «... способ концептуализации действительности включает как универсальные, так и национально специфичные для каждого языка компоненты» [Апресян, 1995, с. 350–351], закономерно и обязательно выделение общезыковой картины мира и национальной языковой картины мира. Общезыковая картина мира универсальна, применима ко всем народам и языкам, отражает общие понятия и представления. И для русского человека, и для француза, например, такими понятиями являются понятия «далеко – близко», «тепло – холодно», «светло – темно» и др., то есть представления о подобных универсалиях понятны и одинаково позиционируются и принимаются всеми людьми в мире. Национальная языковая картина мира своеобразна и отличительна у каждого народа, в каждом языке, она выражает свои неповторимые и особые представления о жизни. Отметим, что термин языковая картина мира является родовым по отношению к производным, которые могут выделяться с помощью языковых и экстралингвистических характеристик языковой системы [Новикова, Черемисина, 2000].

Существуют обширные классификации языковых картин мира, зависящие от признаков, положенных в основу (языковых или экстралингвистических). Так, с учётом такого экстралингвистического признака, как, например, сфера речевой

деятельности человека, и в общеязыковой, и в национально-специфичной языковой картине мира выделяется профессиональная языковая картина мира, жаргонная языковая картина мира, детская языковая картина мира, научная языковая картина мира, религиозная картина мира, диалектная языковая картина мира. Выделение последней означает возможность описания языковой картины мира смоленских, псковских, вологодских, уральских и других говоров, распространённых на конкретной территории в рамках определённых географических координат. Признаком, ограничивающим рамки картины мира, может быть и временной фактор, на основе которого выделяются, например, языковые картины мира XVIII века, XIX века, XX века и др.

1.2. Региональная, диалектная, фразеологическая картины мира и их взаимоотношения

Национальная языковая картина мира формируется веками, включает как общеязыковые, так и определённые специфическими признаками компоненты. Таким признаком может являться, например, территория. На основе данного ограничительного параметра образуется один из фрагментов национальной картины мира – региональная картина мира, которая, в свою очередь, включает фрагмент, представляющий диалектную картину мира. Считаем необходимым рассмотреть соотношение понятий *национальная языковая картина мира* и *диалектная картина мира*, *региональная картина мира* и *диалектная картина мира*.

Диалектную картину мира образуют диалекты. Русский язык включает огромное количество диалектов, объединяющихся в северное или южное наречие, в среднерусские говоры. Изучение диалектов позволяет описать историю языка, определить существующие правила и законы современного языка.

К.И. Демидова предлагает такое толкование *диалектной картины мира*: «Диалектный вариант национального образа мира, отражённый в совокупности коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций диалектного сообщества, как схема восприятия действительности, формировавшаяся в течение

многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией, имеющего свою историю, определённые природные, экономические, хозяйственные условия жизни, что и определило особенности мировосприятия, мировидения, мироощущения диалектного сообщества определённой территории. И этим же объясняется одна из особенностей ДЯКМ: её неоднородность на разной территории» [Демидова, 2011, с. 5–6].

Н.А. Закуткина указывает на естественный характер диалектной картины мира, именно этим, с точки зрения лингвиста, она и отличается от общезыковой картины мира. Диалектная картина мира формируется в ограниченном диалектном обществе, в ней как в зеркале отображается уклад, быт, мировоззрение сельского человека, она является «особым субстратом картины мира общеупотребительного языка» [Закуткина, 2001]. Называя диалект «особой формой освоения действительности», исследователь делает вывод, что способ познания и представления мира в диалектной картине мира может быть поставлен на один уровень с общезыковой картиной мира, а в некоторых сферах и выше [Закуткина, 2001].

Данилевская А.С. в статье «Смеховое начало во фразеологизмах русских говоров Сибири и Приамурья» отмечает, что «Диалектная фразеология входит в общезыковую картину мира, дополняя её, заполняя лакуны, тем самым помогая глубже понять язык и самого человека» [Данилевская, 2012, с. 298]. Диалектная картина мира, будучи фрагментом национальной картины мира, уникальна, имеет свой путь и свою историю развития, на которые, безусловно, оказывала влияние общезыковая картина мира. Для диалектной картины характерны следующие особенности: естественный характер, отсутствие кодификации, парцеллирование объектов познания, антропоцентризм, субъективизм, консерватизм и др. [Радченко, 2004]. В связи с такой многоплановостью диалектных картин мира, набором их специфических признаков возникает безусловная необходимость и важность исследования всего многообразия диалектных языковых сообществ, сочетание которых и формируют национальную картину мира языка.

Если сопоставить термины *региональная картина мира* и *диалектная картина мира*, часто используемые как синонимичные, то считаем целесообразным

акцентировать внимание на их различном объёме. *Региональная языковая картина мира* является широким понятием, поскольку в ней выделяются общерегиональные компоненты и компоненты, характерные только для данной территории, это территориальный фрагмент языковой картины мира. Региональная картина мира описывает всю указанную территорию в совокупности всех её особенностей, которые определяются территорией, историей, политическими, экономическими факторами, природными условиями и др., в том числе, диалектными особенностями языка. *Диалектная картина мира* может не совпадать с административно-географическим положением региона, выходить за её пределы или же, напротив, сосредоточиваться на ограниченной территории. Диалектная картина мира принадлежит диалектоносителю, однако, стоит отметить, что не все представители (жители) региона являются диалектоносителями.

В качестве единиц репрезентации диалектной картины мира, как и любой другой, выступают фонетические, лексические, словообразовательные, грамматические, синтаксические, фразеологические, топонимические, ономастические и другие языковые единицы. Их детальное исследование позволяет из фрагментарных описаний сформировать общее и целостное понимание языковой картины мира конкретного диалекта, определённого языкового сообщества.

Поскольку «...фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [Маслова, 2004, с. 84], то, убеждены, выделение *фразеологической языковой картины мира* указывает на закономерное выделение и изучение *диалектной фразеологической картины мира*, которая важна в воссоздании уникального и самобытного самосознания и мироощущения диалектоносителя. Однако фразеология во фразеологической картине мира может быть представлена как в широком смысле (включая все воспроизводимые в языке единицы), так и в узком смысле – пословицами и поговорками. В рамках нашего исследования позволим представить следующую

структуру исследуемого объекта: *диалектная фразеологическая (паремиологическая) картина мира*.

Об особом значении исследования диалектной паремиологической картины мира говорит Н.А. Максимчук: «Изучение и описание диалектного паремиологического материала является необходимым элементом в исследовании русской ментальности, в анализе самосознания русского народа. В полномасштабном плане задача состоит в том, чтобы, проанализировав диалектный фразеологический (паремиологический) материал и сопоставив его с общерусским, выявить паремиологическое ядро и диалектные варианты (периферию). Последовательное сопоставление периферийных областей позволит выявить уровень сходства и различия в мировидении и мировосприятии носителей разных диалектов, что может стать основой построения шкалы русской ментальности, отражающей диапазон взглядов и суждений об определённых понятиях, оставляющих носителей этих взглядов в системе общенациональных ценностей» [Максимчук, 2016, с. 217–218].

Ценность изучения диалектной паремиологической картины мира закономерна, обусловлена её этнокультурными особенностями и антропоцентричностью. Диалектный паремиологический материал является своеобразным исконным началом, выразителем национального миропонимания, мироощущения.

Среди современных лингвистических исследований диалектного материала мало работ, в которых был бы представлен многоаспектный, широкий анализ диалектной картины мира. Между тем «...способность паремиологических единиц быть средством выражения специфики национальной культуры и ментальности может проявляться и быть исследована на разных уровнях: общенациональном и региональном, внешнем и внутреннем, функциональном и семантическом, с учётом того, что эти уровни могут взаимодействовать» [Максимчук, 2016, с. 218].

Стоит особо отметить диссертационную работу Е.В. Брысиной «Этнолингвокультурологические основы диалектной фразеологии Дона» [Волгоград, 2003]. В работе выявлено своеобразие донской диалектной фразеологии, доминантные концепты («человек», «война», «конь», «служба», «атаман»), которые связаны с военной ролью казачества. Кроме того, автор диссертации сформулировал метод

этнолингвокультурологического описания диалектной фразеологии, который подразумевает «...анализ языкового материала с обязательным привлечением сведений по истории, культуре, основам социальной организации данного субэтноса» [Брысина, 2003, с. 8]. Т.Ю. Бахасва разрабатывает идеографическую классификацию устойчивых сочетаний русских говоров Красноярского края [Спб, 2005]. В диссертационном исследовании С.М. Беляковой на материале фразеологии говоров юга Тюменской области предлагается трансформация «образа времени» в диалектной картине мира [Екатеринбург, 2005]. Диалектная фразеология русских говоров Алтая изучена в одноимённой диссертации Краевой В.Ю. [Баранул, 2007]. Исследователь предлагает лингвокультурологическую интерпретацию фразесемантических полей темы «человек». В диссертации Н.Л. Дружиной на материале русского, белорусского, немецкого языков проведён лингвокультурологический анализ семантического поля «Семья» [Минск, 2020].

Как отмечалось выше, русская диалектная языковая картина мира понятие широкое, она складывается из множества диалектных языковых картин мира областей России, среди которых Смоленская область занимает своё особое место.

Уникальность и ценность сохранённого этнографического материала Смоленского края обусловлены его пограничным положением, богатой историей. На протяжении многих веков именно Смоленский край играл особую роль в благополучии, истории и судьбе России, её свободе. Перед русским человеком стоял выбор: или сражаться, защищать всеми силами свою землю и свободу, или сдать-ся и подчиниться врагу, стать рабами. Именно Смоленская земля выдержала испытания всех врагов России, через неё прошли монгольские, польские, французские, немецкие захватчики. Жители Смоленского края всегда мужественно защищали свою Родину.

Такая богатая история, пересечение культур, языков естественным образом отразились в мировосприятии, мироощущении, характере и, конечно, языке. Богатый, культурно значимый, национально-специфический диалектный паремиологический материал, позволяющий представить изучение семантики пословиц и

поговорок на общенациональном и региональном уровне, содержится в «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894].

1.3. Паремиологический компонент диалектной картины мира и проблема классификации фразеологических единиц

Комплексное изучение и описание одного из компонентов русской национальной диалектной картины мира, в частности, диалектной языковой картины мира Смоленского края, предполагает исследование её фразеологического компонента, что, в свою очередь, требует предварительной характеристики фразеологических единиц.

Системность языка обуславливается его уровневым строением. Наряду с основными языковыми уровнями (фонетико-фонологическим, лексико-семантическим, морфологическим, синтаксическим) выделяют промежуточные уровни (морфонологический, словообразовательный, фразеологический и др.) [Кодухов, 1974, с. 137]. В теории языковых уровней много спорных и до сих пор не решённых вопросов: проблема целесообразности дифференциации основных и промежуточных уровней, проблема количества языковых уровней, их классификации. Одной из таких проблем является проблема уровневой квалификации фразеологического материала.

Впервые в отечественном языкознании на целесообразность выделения фразеологии как языкового уровня русского языка и как самостоятельной лингвистической дисциплины в 1928 году в статье «О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского языка» указал Е.Д. Поливанов [Поливанов, 1968]. Примерно до 40-х годов XX века фразеология не считалась самостоятельной дисциплиной. Только благодаря работам В.В. Виноградова [Виноградов, 1977 и др.] в науке появились тенденции разграничения фразеологизмов и лексических единиц. Исследователи языка стали заниматься определением признаков, по которым можно дифференцировать фразеологизм и слово.

В результате достаточно неоднозначной квалификации фразеологических единиц и фразеологии как науки в лингвистике обозначился весьма спорный вопрос о том, к какому языковому уровню правильнее относить фразеологические единицы. Ряд учёных (А.И. Молотков, А.В. Кунин, В.Л. Архангельский и др.) выделяют фразеологический уровень или «фразеологический пласт» (подсистему) (И.И. Чернышева), обозначая уникальность фразеологизмов, их особые содержание, форму, функции. Другие учёные придерживаются противоположной точки зрения, считая, что фразеологизмы эквивалентны словам, «...не представляют собой системного материала языка и являются языковыми излишками» [Никитин, 1996, с. 7]. В.И. Кодухов, Р.Н. Попов и другие исследователи относят фразеологические единицы к промежуточному ярусу языка, говорят о гибридности фразеологизмов: «...фразеологические единицы двойственны: с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное устойчивое сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением, функционируя как и обычные номинативные единицы – лексемы» [Кодухов, 1974, с. 147]. Эту точку зрения разделяет В.П. Жуков, отмечая, что «...синтагматические связи фразеологизмов имеют ограниченную сферу приложения... их синтагматика целиком осуществляется за счёт слов» [Жуков, 2006, с. 23].

Таким образом, проведённый общий анализ научной литературы позволяет сделать следующее заключение: в современной науке до сих пор не сформировалось единого мнения по поводу уровневого положения фразеологии, однако все исследователи отмечают особые свойства и функции фразеологических единиц.

Не существует в лингвистике и точно установившейся всеми принятой фразеологической теории. Предмет, задачи, объём и методы изучения фразеологии определены не однозначно, нет полного описания вопросов, касающихся важных особенностей фразеологизмов, классификации фразеологических единиц и т. д. С развитием лингвистической науки менялось понимание лингвистами предмета фразеологии. В трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы и В.В. Виноградова предметом фразеологии называется фразаема, уже к концу XX века исследователи стали проводить параллели фразеологических единиц с ре-

чью, общением, деятельностью, культурой, психикой, этносом и другими научными категориями.

Существует «узкое» и «широкое» понимание объёма фразеологии. «Узкое» понимание основано на теории В.В. Виноградова, сформировалось в результате лексикографических разработок словарей, в которые не включались устойчивые выражения, равные предложению. Представители «узкого» подхода к фразеологии: Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, А.И. Молотков, А.Г. Руднев и др.

«Широкое» понимание фразеологии связано с развитием исторической фразеологии. Объектом исследования являются как фразеологические единицы, построенные по модели предложения, так и фразеологические единицы, равные словосочетанию. Представители: В.Л. Архангельский, Н.М. Шанский, А.А. Реформатский, Л.А. Булаховский и др.

Результатом расхождения в понимании предмета и объёма фразеологии стал другой спорный вопрос, касающийся основных категориальных признаков фразеологических единиц. От квалификации определяющего признака понимание фразеологии расширяется или сужается.

В.В. Виноградов главным признаком фразеологических единиц называет их эквивалентность (тождественность) слову, синонимическую взаимозаменяемость слова и фразеологического оборота [Виноградов, 1977].

Ряд исследователей отмечает особый комплекс признаков фразеологизмов. Н.М. Шанский, С.Г. Гаврин, Л.И. Ройзензон и другие называют основным свойством фразеологизма воспроизводимость. Кроме воспроизводимости, Н.М. Шанский называет такие свойства, как устойчивость состава и структуры, целостность значения, непроницаемость [Шанский, 1969]. О воспроизводимости, а также связи с автором или источником, отдельнооформленности, специфическом значении говорит исследователь исторической фразеологии С.Г. Шулежкова [Шулежкова, 2002]. Р.Н. Попов, Б.А. Ларин, А.М. Бабкин основным признаком фразеологизма называют метафоричность. А.И. Молотков считает главными признаками фразеологических единиц «лексическое значение, компонентный состав и грамматические категории, присущие определённой части речи», так как, с точ-

ки зрения учёного, фразеологизм по форме представляет собой словосочетание, а по значению – слово [Молотков, 1977]. В качестве дифференциальных признаков фразеологизмов выдвигались также идиоматичность (А.И. Смирницкий, А.А. Реформатский, Л.А. Булаховский), образность (Ю.Р. Рудов, А.И. Ефимов, Ю.Р. Гепнер), семантическая целостность (И.С. Торопцев), лексическая неделимость (Е.А. Иванников), сочетаемость лексем и семем (М.М. Копыленко), внутрикомпонентные связи (В.Л. Архангельский) и другие.

Учитывая всё вышеуказанные критерии, главными дифференциальными признаками фразеологических единиц, позволяющими определить только им присущие особенности, мы будем считать устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, целостность значения, образность, эмоционально-выразительный характер.

Проблема основных признаков фразеологических единиц определяет существование различных подходов к их классификации. В российской фразеологической науке первая классификация фразеологических единиц с точки зрения структуры была предложена С.А. Абакумовым [Абакумов, 1942]. С точки зрения семантической спаянности учёный выделяет, во-первых, идиомы, представляющие собой словосочетания, значения которых не вытекают из значений составляющих его компонентов. Во-вторых, словосочетания – названия, состоящие из нескольких слов (*Чёрное море, рабочий факультет*). Однако, как нам кажется, данная классификация не учитывает всего разнообразия фразеологических единиц.

Уже в 1940-е годы В.В. Виноградов выдвинул классификацию фразеологических единиц, основанную на концепции швейцарского лингвиста Ш. Балли [Балли, 1955]. Согласно концепции Балли выделяется три группы лексических единиц: 1) обычные сочетания; 2) фразеологические сочетания – образуются в результате слияния двух понятий в одно; 3) фразеологические единицы – обозначают одно единое целое (*faire table rase – очистить место*) [Балли, 1955]. Классификация В.В. Виноградова стала основой развития российской фразеологии. С точки зрения семантической слитности компонентов лингвист выделяет три категории фразеологизмов – «фразеологические сращения, фразеологические един-

ства, фразеологические сочетания» [Виноградов, 1947]. Пословицы и поговорки в явном виде учёный не выделяет в отдельную группу. В состав фразеологических единств В.В. Виноградов включает пословицы, поговорки типа: *час от часу не легче*; а поговорки типа *как бы не так* – относит к фразеологическим сращениям.

Далее классификация фразеологии В.В. Виноградова была модифицирована многими учёными. Так, Н.М. Шанский продолжает классификацию В.В. Виноградова и выделяет четвёртую группу – фразеологические выражения, к которым относит пословицы и поговорки. Фразеологические выражения – это «...устойчивые в своём составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но состоят целиком из слов со свободными значениями» [Шанский, 1963, с. 44].

Противоположную теорию, совершенно не совпадающую с концепцией В.В. Виноградова, предложил А.И. Молотков [Молотков, 1977]. Эта теория положена в основу Фразеологического словаря под его редакцией [ФСРЯ]. Что важно, А.И. Молотков исключил пословицы и крылатые слова из состава фразеологических единиц.

Достаточно спорную, на наш взгляд, теорию фразеологии, отличную от теории В.В. Виноградова, предложил И.Е. Аничков [Аничков, 1997]. Термин «идиома» исследователь применяет практически ко всем видам словосочетаний (свободным сочетаниям, пословицам и идиомам). Главная идея работ И.Е. Аничкова заключается в том, что любое словосочетание в той или иной степени является связанным [Аничков, 1997].

«Широкий» подход в понимании фразеологии представлен в работах В.Л. Архангельского [Архангельский 1964]. По мнению учёного, устойчивые словосочетания – «фраземы» (по структуре словосочетания) и «устойчивые фразы» (по структуре предложения) относятся к фразеологии.

Д.Н. Шмелев обозначает три группы фразеологических единиц на основе особенностей связей их компонентов: фразеологизмы с парадигматической связанностью, фразеологизмы с синтагматической связанностью, фразеологизмы с де-

ривационной связанностью [Шмелев, 1977]. Отметим, что именно Д.Н. Шмелев ввёл термин «фразеосхема».

Б.А. Ларин систематизировал фразеологические единицы, оперируя принципами исторической фразеологии, выделил следующие типы словосочетаний: переменные словосочетания, метафорические сочетания, третий тип словосочетаний равен фразеологическим сращениям [Ларин, 1977].

Оригинальные классификации фразеологических единиц разработаны Ю.А. Гвоздаревым [Гвоздарев, 1977]. В первой семантической классификации были учтены экстралингвистические признаки, языковые признаки, существование семантических вариантов. В основе второй классификации фразеологизмов Ю.А. Гвоздарева – категории глобальности и неглобальности значений, двувершинных и одновершинных сочетаний.

Семантическую классификацию фразеологизмов встречаем также в работах З.Д. Поповой и М.М. Копыленко [Копыленко, Попова, 1978]. Генетическая классификация разработана в трудах С.Г. Гаврина [Гаврин, 1979].

Таким образом, в отечественной лингвистике предлагались разнообразные классификации фразеологических единиц. С нашей точки зрения, именно четырёхкомпонентная классификация Н.М. Шанского является наиболее целесообразной в целях нашей работы. Принимая за основу традиционно сложившиеся во фразеологической науке определения фразеологических единиц, мы основываемся на следующем толковании: фразеологизм – это воспроизводимая и довольно устойчивая в речи, раздельнооформленная единица языка, которой свойственно целостное, фразеологически связанное значение и эмоционально-экспрессивная выразительность [Шанский, 1969].

1.4. Языковой статус пословиц и поговорок и их лингвистическая квалификация

Описание и анализ пословиц и поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, с нашей точки зрения, необходимо предварить

лингвистической квалификацией, характеристикой и определением языкового статуса данных языковых единиц. Вопрос об отношении паремий и фразеологического фонда языка, как было отмечено выше, является достаточно дискуссионным. Лингвисты не сходятся в вопросах отнесения пословиц и поговорок к языковым или речевым единицам языка, их квалификации и определения.

В «Очерках по общей фразеологии» М.М. Копыленко и З.Д. Поповой отмечается, что «... идиоматичность сочетаний лексем, взятая за основу выделения фразеологизмов, заставляет с одной стороны, признать фразеологичность предложно-падежных форм, а с другой – фразеологичность воспроизводимых фраз, в том числе пословиц и поговорок» [Копыленко, Попова, 1978, с. 97].

Л.И. Ройзензон отмечает, что пословицы имеют «один смысл – фразеологический» [Ройзензон, 1973, с. 56]. Современный лингвист В.Т. Бондаренко в статье «К вопросу о лингвистической сущности пословицы» разделяет данную точку зрения, учёный отмечает, что «...пословица и фраза – это единицы одного фразеологического уровня, их органическое единство нельзя разрывать» [Бондаренко, 1990, с. 15].

В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин сопоставляя фразеологизм с пословицами и поговорками, отмечают: «...если первые называют отдельный предмет и явление, то вторые – отношения между предметами и явлениями, то есть комплексные ситуации» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 65]. Учёные относят паремии к языковым единицам: «...по условиям своего бытования пословицы и поговорки не похожи на фольклор, они никогда не «исполняются», а существуют в языке и функционируют в нём так же, как и другие фразеологические обороты» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 73]. Отсюда следует вывод, что пословицы и поговорки не относятся к фразеологии, так как они эквивалентны не слову, а целому рассказу, и представляют достаточно законченную фразу с прямым значением.

Н.Н. Амосова определяет пословицы и поговорки как единицы «постоянного контекста» [Амосова, 1963]. З.Г. Тарланов в своём исследовании отмечает: «...принципиальное отличие фразеологизмов от пословиц состоит в том, что вся-

кий фразеологизм теоретически – это соединение постоянного содержания с постоянной формой» [Тарланов, 1993, с. 175].

Представители «узкого» подхода (А.И. Молотков, В.Н. Телия, Н.Н. Амосов, В.П. Жуков, А.М. Бабкин, В.М. Мокиенко и др.) исключают пословицы и поговорки из фразеологии. В.П. Жуков пишет, что «...от фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении», так как являются законченными предложениями [Жуков, 2000, с. 9]. Следует отметить, что данное утверждение применимо прежде всего к пословицам, поскольку поговорки не всегда имеют форму предложения. В.П. Жуков перечисляет конструктивные признаки, которые отличают пословицу от фразеологизма, «смысловую и интонационную завершенность, синтаксическую членимость» [Жуков, 2000, с. 9]. Очень важно, что основой пословиц и поговорок, в отличие от фразеологизмов, являются не понятия, а суждения [Жуков, 2000].

Говоря об отличительных признаках пословиц и поговорок, представитель «узкого» подхода В.Н. Телия отмечает, что воспроизводимость пословиц и поговорок отличается от воспроизводимости и идиоматичности слов и фразеологических единиц, поскольку формируется в фольклорной сфере и имеет оценочный характер [Телия, 1996].

Однако следует отметить, что значительная часть исследователей (В.В. Виноградов, Л.Г. Пермяков, В.Л. Архангельский, Н.М. Шанский, В.Н. Попов, Л.Б. Савенков и др.) называют пословицы и поговорки языковыми, а не речевыми единицами; главными дифференциальными признаками признают обобщённость, воспроизводимость и устойчивость в речи. Н.М. Шанский относит пословицы и поговорки к фразеологическим единицам, квалифицирует их как устойчивые в своём составе и употреблении фразеологические обороты, «...которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением» [Шанский, 1985, с. 62].

Учитывая аргументы представителей «узкого» и «широкого» подходов, основываясь на том, что мы разделяем позицию сторонников «широкого» понимания фразеологии, в нашем исследовании считаем целесообразным относить по-

словицы и поговорки к языковым единицам и рассматривать их в рамках фразеологической системы русского языка.

Нет чёткой позиции и в разграничении пословиц и поговорок. Вероятно, это связано с тем, что народ никогда сам точно не дифференцировал эти языковые единицы, кроме того, русскому языку свойственны явления переходности. Как отмечает А.Н. Тихонов, паремии «...тесно связаны и активно взаимодействуют на общей структурно-семантической платформе. Пословицы часто переходят в поговорки, поскольку имеют ряд общих черт» [Тихонов, 1996, с. 7].

Первые научные исследования, посвящённые пословицам, поговоркам, народным песням стали появляться в начале XIX века. Это были небольшие сборники с небольшими комментариями; чёткого разграничения паремий в них не обнаруживается.

Наиболее полная типологическая классификация пословиц и поговорок представлена в работах Г.Л. Пермякова [Пермяков, 1988]. Лингвист указывает, что пословица в отличие от поговорки грамматически завершена и имеет структуру предложения. Объединяющим признаком этих единиц исследователь называет образное значение пословиц и поговорок, обозначая их общим термином *паремия*.

Отметим, что в словаре В.И. Даля дано такое определение паремии: «церк. нравоучительное слово; места из Свщ. Писания, читаемые на вечерии по входе. Паремийник, книга, содержащая праздничные паремии» [Даль, 2006, с. 543]. Это своеобразный элемент богослужения, притча, которая в метафорической форме объясняет события, являющиеся источником нравственных уроков для человека. Содержанием древних паремий были события Ветхого завета [Кацюба, 2013]. В современном языкознании паремиями называют пословицы и поговорки народного происхождения, образующие самостоятельный пласт языковых выражений [Аппоев, 2012].

Однако не все лингвисты считают, что поговорки по структуре не являются предложениями, например, во «Фразеологическом словаре русского языка» указано, что пословицы и поговорки структурно организованы как предложение [Жуков, 2003]. Прежде всего, с точки зрения В.П. Жукова, пословица отличается

от поговорки тем, что у пословицы есть и прямое, и переносное значение [Жуков, 2006]. Об этом же семантическом признаке писал ещё А.А. Потебня. Учёный отмечал, что поэтический образ пословиц является или «... представителем тысячи отдельных мыслей», или может представлять «только себя самого» [Потебня, 1976, с. 521].

Известные паремиологи В.И. Даль, И.М. Снегирёв, М.А. Рыбникова считают, что пословицы и поговорки отличаются между собой планом выражения суждения об описываемых понятиях. А.Н. Тихонов, З.Г. Тарланов считают, что только пословицы относятся к фразеологии, так как обладают главными признаками фразеологизмов.

В.Т. Бондаренко указывает, что пословицы и поговорки относятся к периферии фразеологического пространства существенно друг от друга не отличаются [Бондаренко, 1990]. Эту же позицию обнаруживаем в лингвострановедческом словаре Ф.П. Фелициной, Ю.Е. Прохорова: «Пословицы и поговорки образуют единую (пословично-поговорочную) группу языковых афоризмов» [Фелицина, Прохоров, 1979, с. 7].

Обратимся к существующим в лингвистической литературе определениям пословиц и поговорок. В.И. Даль предложил такое толкование: «Пословица – коротенькая притча... Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми, как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [Даль, 1957, с. 14].

В словаре С.И. Ожегова пословица называется «народным афоризмом» и квалифицируется как: «...краткое народное изречение с назидательным содержанием...» [Ожегов 1994, с. 558]. Ю.Е. Прохоров, В.П. Фелицына [Фелицына, Прохоров, 1979] разделяют точку зрения В.П. Жукова, который отмечал: «Под пословицами в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, име-

ющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план, и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение» [Жуков, 1968, с. 11].

М.А. Мещерякова предлагает следующее определение: «Краткое, законченное, образное изречение обобщающего характера; поучительное жизненное наблюдение, применимое к самым различным случаям и ситуациям; малая жанровая форма фольклора. Пословицы по происхождению делятся на народные (фольклорные) и авторские (литературные)» [Мещерякова, 2000].

В учебном пособии под редакцией Н.И. Кравцова «...пословицей именуется краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное образное народное изречение, обладающее способностью к многозначному употреблению в речи по принципу аналогии» [Кравцов, 2003, с. 75].

Достаточно объёмную и многоплановую характеристику пословиц предлагает В.П. Аникин. По мнению учёного, главный признак пословицы – это внутреннее художественное единство, совокупность всех элементов пословицы способствует яркому и образному выражению главной мысли. Лингвист отмечает две формы построения пословиц – одночастную и двухчастную, основой композиции называет стилистические средства антитезу и сравнение [Аникин, 1988].

Многообразны и определения поговорок. Представим некоторые из них: «Краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [Ожегов, 1973, с. 520]; классическое определение В.И. Даля: «...окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольную, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно весьма ясно намекает» [Даль, 1957, с. 15].

В.П. Аникин истолковывает поговорку так: «Поговорка – это широко распространённое образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого обобщённого поучительного смысла и ограничиваются образ-

ным, нередко иносказательным, определением какого-либо явления» [Аникин, 1988, с. 15].

М.А. Мещерякова предлагает следующее определение: «Меткое образное выражение, не заключающее в себе обобщающего смысла. Является не законченным выражением, а только его частью. Может быть частью пословицы, самостоятельным выражением, придающим речи выразительность или заимствованием из литературного произведения» [Мещерякова, 2000, с. 33].

Таким образом, очевиден тот факт, что в лингвистике нет единой точки зрения как на квалификацию паремий, так и на разграничение пословиц и поговорок. Считаем, что признаки, позволяющие отличить пословицу от поговорки, достаточно условны, поскольку для фразеологического уровня характерна переходность. Практически все словари пословиц и поговорок содержат лингвистические комментарии с определением паремий. Очень часто авторы сборников руководствуются тематическим принципом, поэтому пословицы и поговорки чётко не разграничиваются и приводятся в одном списке.

1.5. Собрания пословиц и поговорок в русской лексикографической традиции

Пословицы и поговорки как яркий элемент русской народной речи привлекали внимание собирателей и исследователей с давних времён.

Первым сохранившимся собранием русских пословиц и поговорок является сборник «Повести и пословицы всенароднейшие по алфавиту» конца XVII века, включающий свыше 2500 пословиц и поговорок. Его составитель неизвестен.

Великий русский учёный М.В. Ломоносов и историк В.Н.Татищев были первыми в России, кто оценил значение пословиц и поговорок народа для истории и науки о языке. Первые печатные сборники пословиц и поговорок относятся к шестидесятым годам XVII века. Это, например, сборник Екатерины II «Выборные российские пословицы» 1782 года, 908 пословиц из «Письмовника» Н. Курганова [Курганов, 1769], «Собрание 4291 древних российских пословиц» [1770].

В 30-60-е годы XIX века из печати выходят более значительные исследования о пословицах и поговорках. Таким является сборник профессора Московского университета И.М. Снегирёва «Русские народные пословицы и притчи» 1848 года. Ему же принадлежат одно из первых лингвистических исследований «Опыт рассуждения о русских пословицах» [Снегирёв, 1823] и четырёхтомный труд «Русские в своих пословицах» [Снегирёв, 1831 – 1834].

В середине XIX века вышел самый известный сборник пословиц и поговорок – сборник Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 1861 – 1862]. В основе материал уже существовавших сборников прошлого века, рукописные записи, сделанные по всей России, и, конечно, живой русский язык. В 1861 – 1868 годах вышло первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, в который вошли пословицы и поговорки [Даль, 1861 – 1868].

Следует отметить, что именно сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля способствовал появлению интереса учёных к этнографии и фольклору. Уже в 1845 году было создано Русское географическое общество. Во второй половине XIX века члены Русского географического общества организовали сбор пословиц и поговорок. Так, например, известный путешественник Н. Потанин, путешествуя по Сибири, записал около 300 пословиц, поговорок и опубликовал их в 1864 году в VI выпуске «Этнографического сборника», издаваемого этим обществом, и во 2-м выпуске «Живой старины».

Во второй половине XIX века собиранием фольклорного материала занимались губернские статистические комитеты, участники Общества любителей естествознания. В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1863 год» был опубликован материал В.И. Ермакова «Историко-статистическое города Данкова» [Ермаков, 1863], который содержал 264 пословицы. Н.П. Булычёв в «Записках Уральского общества любителей естествознания» опубликовал более 300 пословиц и поговорок [Булычёв, 1896].

В конце XIX века и в начале XX века выходят такие, например, сборники и исследования: сборник «Меткие и ходячие слова» М.И. Михельсона [Михельсон,

1894], «Крылатые слова» С.В. Максимова [Максимов, 1890], исследование «Из лекций по теории словесности» А.А. Потебни [Потебня, 1894], работа И.Е. Тимошенко «Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок» [Тимошенко, 1987], объёмное исследование И.И. Вознесенского «О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа» [Вознесенский, 1908], статья Я. Кузнецова «Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам» [Кузнецов, 1903] и другие.

Интерес к народной фразеологии способствовал появлению организованного сбора устного народного творчества Н.А. Иваницкий (1847-1899) составил рукописный сборник пословиц и поговорок Вологодской губернии, М.А. Дикарев – собиратель этнографических материалов Воронежской губернии. Энтузиастом-собирателем произведений устного народного творчества является Владимир Николаевич Добровольский. О его работе и исследованиях будет сказано ниже.

В советскую эпоху в существующие сборники пословиц и поговорок вносились дополнения, определяемые временем и политической обстановкой, поэтому содержание многих позволяет оценить, какие пословицы и поговорки были актуальны для речи советского человека. Среди наиболее известных сборников отметим: «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» И.И. Иллюстрова [Иллюстров, 1940], «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной [Ашукин, 1955], «Народные пословицы и поговорки» А.И. Соболева [Соболев, 1956], «Русские пословицы и поговорки как исторический источник» М.И. Шахновича [Шахнович, 1937], «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII — XX веков» сборник Библиотеки Академии Наук [1961], «Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений» Н.Л. Пушкарёва [Пушкарёв, 1973].

Интерес к паремиологии способствует появлению самых разнообразных сборников пословиц и поговорок. Отметим, что далеко не все из них основательны и необходимы современному читателю, не всегда их материал отличается подлинностью, об этом говорит М.Е. Жукова [Жукова, 2008].

Большинство современных сборников, разумеется, ориентированы на широкую аудиторию, поэтому в них в занимательной форме представлена этимология паремий. Примером являются «Пословицы в нашей речи» (учебный словарь с комментариями на эстонском языке) У. Ая, Т.И. Никитиной, Е.И. Рогалёвой [Ая, Никитина, Рогалёва, 2012], «Фразеологический словарь для школьника» В.П. Фелициной, В.М. Мокиенко [Фелицина, Мокиенко, 2005], которые содержат толкования, иллюстрированные примеры и культурологические комментарии паремий.

Часто материал в таких сборниках сгруппирован по тематическому принципу. Среди наиболее известных изданий отметим: «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимина [Зимин, 1996]; сборник «Народная мудрость. Русские пословицы» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина, 2010]; «Словарь псковских пословиц и поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина, 2001], в который вошли пословицы и поговорки из современных псковских говоров и памятников письменности. Тематическая организация материала в сборнике «Народная мудрость» объясняется В.М. Мокиенко так: «Тематические доминанты являются эффективной реакцией на самые актуальные проблемы нашей жизни, её болевые точки и идеалы» [Мокиенко, 2011, с. 11]. Словарь «Пословицы и поговорки» В.И. Зимина и А.С. Спирина, по отзыву Л.Б. Савенковой, «...помогает составить лингвокультурный портрет русского народа, передать его взгляд на многие социально и культурно (в том числе этнически) значимые вещи, добавить штрихи к наивной картине мира, сложившейся в русском сознании» [Савенкова, 2002, с. 48].

Важно отметить, что первым в русской лексикографии словарём, в котором материал сгруппирован по стержневому принципу, является «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина, 2010]. Источником служили существующие фольклорные собрания, литературные произведения, материалы различных словарей, современная речь, средства массовой информации. Пословицы в сборнике содержат примечания с указанием места, времени, когда была сделана запись, что даёт возможность оценить «возраст» па-

ремиологической единицы, её актуальность. В ряду ценных источников аутентичного фразеологического материала выделяется «Смоленский этнографический сборник» В.Н. Добровольского.

1.6. «Смоленский этнографический сборник» В.Н. Добровольского

Владимир Николаевич Добровольский – выдающийся смоленский диалектолог, фольклорист-этнограф, член русского Географического общества. Работы учёного получили высокую оценку таких видных деятелей и учёных, как А.Н. Пыпин, Е.Ф. Карский, В.Ф. Миллер, А.А. Шахматов, Н.А. Янчук, В.М. Сидельников, П.В. Шейн и многих других.

В.Н. Добровольский родился 30 июля 1856 года в селе Красновятское Прудковской волости Смоленского уезда Смоленской губернии в семье юриста.

Интерес к народной литературе, жизни и быту крестьян появился у Добровольского в студенческие годы во время обучения в Московском университете. Лекции известных профессоров В.Ф. Миллера, Ф.И. Буслаева, занятия в этнографическом кружке в какой-то степени определили жизнь В.Н. Добровольского. Этнограф ездил не только по Смоленской губернии, но и по соседним областям, беседовал с крестьянами, записывал и собирал произведения устного народного творчества.

В результате длительных сборов этнографического материала вышла первая часть «Смоленского этнографического сборника», напечатанная в «Записках географического общества» в 1891 году. Рецензенты А.Н. Пыпин, В.В. Богданов высоко оценили работу этнографа. Материал был представлен в трёх разделах: первый – биографические рассказы крестьян, поверья, заговоры, легенды, предания и др., второй – сказки, третий – были.

Вторая часть сборника, включающая главным образом семейную обрядовую поэзию (крестинные песни, описание свадебного ритуала и свадебные песни, описание погребальных обрядов), была опубликована в 1894 году.

Третья часть этнографического сборника, в которую вошли пословицы, поговорки, различные народные выражения, заклинания, приметы, загадки, диалектные слова, прозвища, заговоры, была опубликована также в 1894 году. Материал записан с сохранением всех особенностей, многие записи В.Н. Добровольский сопроводил толкованием, указанием места, где записаны сведения.

Четвёртая часть этнографического сборника, состоящая из трёх разделов (первый – описание 27 различных крестьянских игр зимнего периода, второй – 1500 песен, третий – 36 духовных стихов), была опубликована в 1903 году и включала описания игрищ, песни и духовные стихи.

Четырёхчастный «Смоленский этнографический сборник» был признан одним из лучших изданий того периода, наиболее полно представлявших фольклор Западного края России [Добровольский, 1894].

Увлечение этнографией воодушевили В.Н. Добровольского выучить цыганский язык, чтобы лучше понять культуру этого народа. Результатом стал сборник «Киселевские цыгане. Цыганские тексты». Среди других важных работ Добровольского назовём следующие: лингвистическая заметка «О Дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке», «Некоторые сведения об Смоленском и Ельнинском кукольном театре». О том, что Добровольского привлекала не только этнография, но и флора, фауна родной страны, духовная жизнь народа свидетельствуют работы: «Насекомые и черви на родной земле», «Бобр в смоленской земле», «Суеверия относительно волков», «Данные для народного календаря Смоленской губернии» и др. Тематика сборников свидетельствует о широте исследовательских интересов учёного, поскольку естественно-этнографические и лингвистические материалы в работах В.Н. Добровольского дополняли друг друга.

В 1914 году был опубликован «Смоленский областной словарь», включающий как собственно русские диалектные слова, так и слова, характерные для белорусских и польско-литовских говоров.

Кроме того, помимо исследовательской деятельности В.Н. Добровольский занимался также педагогической и общественно-культурной деятельностью. С 1906 года он работал инспектором 7-го участка (Ельня) Смоленской дирекции народных училищ, читал лекции на общеобразовательных курсах. В.Н. Добровольский предложил образовать культурно-историческую секцию при Обществе изучения Смоленской губернии Смоленского университета.

В 1896 году за большое значение этнографических исследований В.Н. Добровольского включили в члены Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии при Московском университете.

Безусловно, вклад В.Н. Добровольского в фольклорную, этнографическую и лингвистическую науку значителен. Следует отметить, что исследования учёного имеют научную важность и в наше время. Благодаря этнографической деятельности собирателя фольклора современные учёные могут изучать быт, духовную культуру крестьян Смоленской, Калужской, Брянской, Орловской, Рязанской, Могилёвской губерний, проникать в самую глубь народной жизни, понимать её психологию, красоту поэтического творчества загадочной русской души.

Многоаспектный анализ паремиологического материала «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, его сопоставление с общенациональным паремиологическим наследием позволит выявить особенности диалектной языковой картины мира смоленского крестьянина, проникнуть в особенности способа *созерцания, ощущения, восприятия, постижения, осмысления, переживания, объяснения мира и себя в этом мире* [Морковкин, 1997]. Описание диалектной паремиологической картины мира смоленского крестьянина XIX века даёт возможность современным исследователям языка сформировать представления о русском национальном характере и менталитете в целом, проследить то, какие системы ценностных ориентаций человека существовали раньше, как они совпадают или не совпадают с существующими нравственными установками.

1.7. Диалектные поговорки «Смоленского этнографического сборника» и их лингвистические характеристики

На первом этапе исследования диалектных поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского обратимся к анализу их лингвистических характеристик [Добровольский, 1894].

Диалектными фразеологизмами «... принято считать словосочетания, не зафиксированные словарями литературного языка, а также имеющие лексическое отличие в компонентном составе и грамматическое отличие в структуре сочетаний» [Чагишева, 1975, с. 149]. Диалектная поговорковедология имеет ограниченный ареал употребления, весьма экспрессивна, насыщена яркими образами, гиперболами, отражающими народное восприятие окружающей действительности [Чагишева, 1975].

Важной характеристикой диалектных поговорок и пословиц, влияющей на их понимание и восприятие, является ритмическая организация поговорок, диалектная лексика в составе которых передаёт живую речь сельского жителя, сохраняя колорит деревенской жизни той эпохи, когда создавался сборник.

Ритмическая организация диалектных поговорок обусловлена фонетическими, морфологическими, лексическими, словообразовательными особенностями их состава. Поэтому для современного восприятия звучания записанных В.Н. Добровольским поговорок и пословиц следует определить основные черты диалектной лексики Смоленского края.

Прежде всего, обратим внимание на **графические особенности**, которые отражены только на письме и никак не влияют на произнесение слов и ритмическую организацию. Более того, они не относятся к собственно диалектным признакам, поскольку при записи диалектной речи, существующей в устной форме, собиратели опирались на соответствующие времени правила орфографии.

К таким признакам относится: буква *ъ* в конце слова после твёрдых согласных: 1) существительных, например, *уголь, языкъ, денегъ*; 2) местоимений, например, *нимъ, томъ, этомъ*; 3) кратких прилагательных, например, *багатъ*,

бѣдинъ, харошъ, глупъ; 4) предлогов, например, *къ обѣдни, ать чорта, съ нимъ, въ комъ*; 5) союза – *якъ*; использование буквы **Ѣ** в определённой группе слов: *Ѣсть, свѣтъ, хлѣбъ, мѣра, бѣдинъ, нѣту, вѣринъ, имѣя, милѣе, нѣтъ, дѣти* и др.; написание буквы *о* в ударном слоге после шипящих согласных (*чортъ, жонка, ничога*).

Также надо отметить, что при записи диалектного материала (без использования транскрипции) В.Н. Добровольский стремился как можно точнее передать на письме звучащую речь, что отражается, например, в написании *-тца* в глаголах на месте *-тся/ться* (*гадитца, радитца, ни надавитца*), написании на месте безударной *е* буквы *и* (*систра, жинихъ, сирябро, слипата, чирвякъ, гриха, дисять, дитѣнокъ, вилчали, нашему, жинатый*) и др.

В ряду собственно диалектных **фонетических признаков** выделим особенности, касающиеся произношения гласных. Известно, что смоленские говоры являются «акающими», «аканье» (неразличение безударных гласных *о* и *а*) является характеристикой и литературного языка. В сборнике В.Н. Добровольского таким образом передаётся устная речь, например, *галава, хазяйка, дачушка, палавина, галасокъ, патихоньку, багатый, атымить, адна, аткуда, мая, харошъ, гаворить, хадить, атдать, малились, каго*. Другая особенность в сфере произношения гласных – «диссимилятивное яканье» (в начале слова, в первом предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъёма совпадают в звуке [’а]), которое является яркой диалектной чертой смоленских говоров, например, *яго, яе, яму, тябе, якъ, гряхи, пясокъ, пяхухъ, зярно, сястра, свякрова, рябро, вяночикъ, бяремя, вяликъ, сляпой, улятить, умяреть, бяремъ, дяржи, дярись, ляжи, плятѣтца, вясною, нямнога*; в отрицательной частице *не* (*ня вѣрь, ня ѱскормишь, ня спить*). Однако данная особенность прослеживается в Сборнике не всегда, например, *себѣ, веселье, человѣкъ*. В этом случае можно говорить о «диссимилятивно-умеренном яканье». Нельзя не отметить, что некоторая непоследовательность в проявлении названного фонетического явления (как и некоторых других) могла быть результатом погрешности при осуществлении записи звучащей речи.

Следующим распространённым фонетическим признаком смоленских говоров является лабиализация безударного *о* (в первом, втором предударном слоге), например, *пуадья, пуадаить, пуминать, пумирать, лумать, пумыгай, хуть*. Намного реже встречаются примеры лабиализованного безударного *о* в последнем закрытом слоге (*пъд лаукуй, деукуй, маткуй*).

Ещё одним весьма распространённым фонетическим признаком смоленских говоров, обнаруживаемым в Сборнике, является произнесение *ы* на месте безударного звука *о, а*, например: *этымъ, адинокъму, молыдъ, старыя, добрыя, усякый, первыя, сямейкый, птичкый, мухый, перушкымъ, съ голыду, дѣтыкъ, колымъ, клечикымъ, зъ жонкыю, зъ маткыю, батькыю, съ голымъ носымъ, за пазухый, за мыря, спѣлысти, жаднысть, жалыстю, старысть, кайность, радысть, пумыгай* (чаще всего это формы прилагательных, числительных, формы существительных Р.п. и Тв.п., абстрактные существительные с литературным суффиксом *-ость*). Значительно реже встречаем звук *ы* на месте ударного *о* (*мыюсь, на тымъ, криви*).

В числе фонетических признаков, касающихся согласных звуков, следует назвать произнесение звука *у* *слогового* в начале слова на месте звука *в*, а также в качестве предлогов *в, во*, например, *уремени, усимъ, усе, усё, усякъ, усяго, уздумал, улѣзъ, уздыхаить, узялъ, уздыхаить, ураги; у кучу, у душу, у ратокъ, у саломку, у старысти, у дворъ, у ротъ, у воду, у сваимъ*.

На месте звука *в* в конце слова, в середине слова перед глухим согласным, в начале слова перед гласными произносится *у* *неслоговое*: *любоу, двароу, сыноу, прау, лаука, дѣука, воукъ, припраука, слауна, ваўвторникъ, страхоуна, ацоуьскый, паймауши, сеуши, няузойдить; ўсихъ, ўпасть, ўсякый, ўзила, ўсю*.

У *неслоговое* обнаруживаем также на месте предлога *в* (*ў службу, ў дружбу, ў магилу, ў гробъ, ў дамоуку, ў акошка, ў поли, ў доли, ў лужинки*).

Для смоленских говоров характерна также замена звука *л* звуком *у* *несловым* в конце слова, в середине слова перед глухими согласными в глаголах прошедшего времени мужского рода и небольшой группе существительных и прила-

гательных, например, *поўныя, поўна, ваўчиный, вазіў, искаў, жиў, радіўся, пригодиўся, сатваріў, заставіў, видиў, біў, спрасиў, маўчимъ, стрипянуўся*.

В начале слова перед лабиализованными гласными звуками *у, о* произносится звук *в*, например, *восень, вужин, вочи, вумы, вуглы, вуши, вудача, вумный, вумомъ, вучить*.

К рассматриваемой группе фонетических признаков также отнесём *цоканье* и *чоканье* (замену звука *ч* на *ц*, звука *ц* на *ч*), например, *цорный, цашка, дявоцкій; чарствія, зачати*).

На месте литературного *ч* в некоторых формах сравнительных прилагательных и наречий произносится *ш* (*легши, мягше, крепше*). Долгий звук *ч* обнаруживается в некоторых словах (*дявочча, сарочча, луччій, луччи*). На месте *сч* произносится звук *щ*, например, *щотъ, щитать*. Твёрдый звук *ш* произносится на месте *щ* (*таварыша, товаришымъ, тыша*).

Типичной чертой смоленских говоров, зафиксированной в сборнике В.Н. Добровольского, является произношение *х* на месте *г* *фрикативного*, например, *змохъ, лёхъ, друхъ, сапохъ, у чатверьхъ*, а также замена звука *ф* сочетанием *хв*, звуком *х*, например, *Хведъръ, хвартук, хвабрика, кохта*.

Среди фонетических признаков, влияющих на ритмическую организацию паремии, назовём ассимиляцию по разным признакам. Так, сочетания звуков *дн, бм* уподобляются следующему носовому согласному звуку, например, *ланна, холанна, анна, вренный; амман, амманула, оммаракъ*.

Другой вид ассимиляции – ассимиляция *[j]* предшествующему мягкому согласному, например, *зелья, братья, свинья, смятьтё, житьтё, рання*.

Весьма распространённым видом ассимиляции, который мы встречаем в Сборнике, является озвончение предлога *с*, приставки на *-с* перед согласными (*зъ горя, зъ наги, зъ ламатою; здѣлай, здалуку, звяжутъ, звязана, змохъ, збаронить*).

В группе признаков, влияющих на воссоздание живой речи смоленского крестьянина XIX века, необходимо выделить **морфологические признаки** диалектной лексики смоленских говоров. К ним относятся: во-первых, особые формы личных местоимений в косвенных падежах (*тябе / табѣ / тибѣ, мяне / мене /*

мине, яму, ёмь, яё), формы указательных местоимений (*тая, тэй, тымь, етыга, етыму*), вариативные особые формы местоимения *весь* (*увесь, ўсяго, ўси, ўсихъ, усякъ*) (здесь сочетаются фонетические и морфологические признаки); во-вторых, наличие союзов и частиц (*кали, ай, дакъ*); формы наречий (*тады / тада, нейди, нихай, кала, пакаместь, пакуль, ноничи, аткуль*); предлогов (*кала, абъ, съ-падъ*).

Для смоленских говоров характерно широкое употребление предлога *с / з*, соответствующее литературному *из* (*зъ малака, зъ бярѣсты, зъ дѣрева*). Литературному предлогу *за* в сочетании с некоторыми существительными соответствует диалектный предлог *у*, например, *у грибы, у ягоды, у дровы*.

В системе глагольных форм назовём следующие морфологические признаки. В неопределённой форме глагола на месте литературного *-ти* употребляется *-ть* (*заплесть, отнесть, мечь, падместь, унести, абресть*). В окончаниях глаголов 3-его лица единственного и множественного числа также последовательно употребляется *-ть* (*будить, знать, приилеть, дяреть, ходить, нясеть, вучить; идуть, гаворють, дадутъ, выручуть, патопють, придутьзавуть, ня знаютъ, вѣрють, захочуть, завуть, дѣлають, ходють*).

В некоторых глаголах повелительного наклонения 2 лица единственного числа обнаруживаем конечный *и*, например, *пагодъ, пасодъ, дагонь, загонь*.

В глаголах 1 и 2 лица вместо постфикса *-сь* употребляется постфикс *-ся* (*жанюся, висялюся, играюся, улыбаюся; катися, спрасия*).

Кроме того, следует отметить, что для некоторых глаголов смоленских говоров характерно своеобразие форм, например, *брить – брыть, брою, брыю, брыешь, броешь; дать – даси, атдаси; есть* (в значении «принимать пищу») – *еси, поеси, падъеси*.

В именах прилагательных, порядковых числительных, указательных местоимениях женского рода прослеживается последовательное употребление флексии *-ья*: *няпутныя, богатя, милья, старья, новья, казинья, шалыныя*; в форме родительного падежа – флексии *-ей* (*у харошей, у маладей, у друзей*).

В окончаниях множественного числа существительных на месте литературного окончания *-а* наблюдается употребление флексии *-ы*, например, *глазы, яйцы*,

лаўцы, рукавы, три разы, а также в некоторых формах разных частей речи (*тады, туды, аттуды, тымь, адны*).

В именах существительных множественного числа мужского рода на *-ья* (*стулья, братья, колосья*) обнаруживаем окончание *-ы* (*стулы, браты, колосы* и др.).

Весьма продуктивной в смоленских говорах является флексия *-у* в родительном и предложном падежах единственного числа, например, *у брату, у даму, у двару, у хляву, у Смаленску, ни слуху, ни сыску, ни духу, прослыху, ни розыму, сахару*. Распространённой флексией предложного падежа является флексия *-и* (*у гольави, у тѣли, у поли, у доли, у леси*).

В смоленских говорах имена существительные практически аналогично литературному языку распределяются по трём типам склонения. Однако встречаются отклонения от литературных норм, например, некоторые имена существительные женского рода, ранее относившиеся к склонению с основой на «*у долгое*», в говорах имеют тенденцию к переходу в первое склонение (*свекрова, церква, моркова, крова*), в первое склонение переходят также существительные третьего склонения, которые оканчиваются на два согласных звука (*жизня, балежня*).

Лексическое своеобразие состава анализируемых паремий во многом определяется наличием в их составе **диалектной лексики**. В пословицах и поговорках «Смоленского этнографического сборника» присутствуют диалектизмы, незнание которых весьма усложняет понимание общего содержания паремий. Примерами таких диалектизмов могут быть: *супоўные* люди (близкие, родные люди), *камель* (инструмент для поднятия судна), *скусинь* (вкусный), *шановать* (потчевать уважать, беречь), *андарак* (юбка из шерстяной многоцветной ткани, в разноцветную клетку синего, красного и зелёного цвета с вертикальными либо горизонтальными полосами, часто с пришитым к ней лифом), *забабоны* (вздор, пустяки), *кулешь* (жидкая каша), *аховый* (отчаянный, своевольный, плохой), *нахратный* (дерзкий, наглый), *рюмзы* (слёзы), *нягожа* (неудобно, неприлично), *бильма* (глаза), *кулупать* (ковырять), *шулудяк* (бедняк), *рюмза* (плакса), *натинка* (стебли и листья корнеплодных растений), *згорода* (изгородь, частокол), *плаха* (большая деревян-

ная колода; отрезок, обрубок дерева, расколотый пополам), *хатуль* (сумка), *кутья* (рисовая каша с изюмом), *нихай* (пускай), *учинить* (устроить), *вытницы* (поминальный плач), *салодка* (сладкая), *кво́ла / кво́лая* (слабая, болезненная) и другие.

Таким образом, необходимость учёта лингвистических особенностей диалектных паремий при их воспроизведении и описании является очевидной. Особая ритмическая организация пословиц и поговорок основана именно на диалектных особенностях смоленских говоров (фонетических, морфологических, лексических и др.), названных выше. Понимание значений диалектной лексики, правильное ритмически и фонетически оформленное прочтение пословиц и поговорок позволят проникнуть в истоки содержания паремии, её образного наполнения.

1.8. Лингвокультурологический аспект описания фразеологических единиц и методы их лингвокультурологического анализа

Национально-культурные и лингвокультурологические особенности языка наиболее ярко проявляются на тех языковых уровнях, единицы которых обладают образной формой. С этой точки зрения пристального внимания заслуживают фразеологические единицы, являющиеся одними из самых эмоциональных и выразительных средств языка.

Исследование национально-культурной специфики фразеологии, её лингвокультурологической ценности является актуальным в лингвистике на протяжении многих лет. Наиболее важными и известными работами в этом направлении являются работы В.Н. Телия, В.А. Масловой, А. Вежбицкой, В.В. Красных, Д.О. Добровольского, В.И. Зимина, Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьёва.

Лингвокультурологическое описание фразеологии стало активно развиваться в связи с образованием московской фразеологической школы В.Н. Телия. Последователи учёного занимаются изучением кодов и символов культуры, культурной семантики языка. В своей монографии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» В.Н. Телия предложила гипотезу и доказательство этой гипотезы о взаимовлиянии, взаимопроник-

новении языка в культуру, культуры в язык [Телия, 1996]. Лингвист отмечает: «Если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней, т.е. служить своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака» (а для знаков вторичной номинации – это и «буквальное значение» самого означающего) – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п. знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия, 1996, с. 215].

Среди средств выражения национальной и культурной специфики языка В.Н. Телия особо выделяет фразеологические единицы, поскольку «... именно фразеология наиболее ярко передаёт неповторимую самобытность языка и культуры. Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание (включающее также культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве» [Телия, 1996, с. 215]. В.Н. Телия подчёркивает, что фразеологизмы являются культурными знаками, образным выражением менталитета русского народа, стереотипов его мироощущения и мышления, «зеркалом», в котором отражается самосознание народа, представления о мире [Телия, 1996].

А. Вежицкая отмечает имитационный повторяющийся характер речедейательностных ментальных операций человека, употребляющего в своей речи слова и фразеологизмы родного языка [Вежицкая, 1999].

В.А. Маслова, признавая лингвокультурологическую значимость фразеологических единиц, отмечает взаимосвязь текста и культуры. С точки зрения лингвиста, именно тексты, а не язык, являются настоящими хранителями культуры народа, так как содержат различные «культурные коды». Тексты создаются из единиц разных уровней, в том числе – фразеологического [Маслова, 2004]. В.А. Маслова, анализируя фразеологизмы, отмечает, что фразеологические единицы включают особые «следы» национальной культуры. Изучением этих «следов» стоит заниматься современным учёным. Особое значение для выявления

культурной информации, национального колорита фразеологизмов имеет их внутренняя форма, поэтому при лингвокультурологическом описании фразеологии необходимо выявить «национально-культурную коннотацию» [Маслова, 2004]. Лингвист приходит к выводу, что «...фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова, 2004, с. 82].

Лингвокультурологический аспект изучения и описания фразеологии широко представлен в современных диссертационных исследованиях. Семантика и лингвокультурологическая значимость арготических фразеологизмов описана в диссертационной работе С.И. Красса [Красс, 2000]. Лингвокультурологическому и семантическому анализу фразеологизмов со значением процесса речи в русском и французском языках посвящено исследование М.Я. Крымской [Крымская, 2005]. Отражение во фразеологии ценностей и антиценностей – предмет изучения работы Р.Б. Каировой [Каирова, 2009]. Описание семантики и прагматики фразеологических единиц в лингвокультурологическом ракурсе, разработка экспериментальной лингвокультурологической методики во фразеологии представлены в диссертации М.Л. Ковшовой [Ковшова, 2009]. Проблемы влияния концептосферы культуры на формирование культурно детерминированных знаков – фразеологизмов, разработка нового подхода в понимании фразеологического значения, выдвижение интегрированного принципа описания фразеологии предложены И.В. Зыковой [Зыкова, 2014].

Таким образом, общий анализ существующих работ по описанию лингвокультурологической ценности фразеологических единиц позволяет сделать следующие выводы: фразеология любого национального языка является одним из источников получения информации о культуре народа; изучение и описание фразеологизмов необходимо для понимания менталитета народа, его мировосприятия, миропонимания, культурных и нравственных установок в разные исторические эпохи. Фразеологизмы весьма самобытны, специфичны, весьма колоритны и культурно информативны.

Приступая к исследованию диалектного фразеологического материала с целью выявления лингвокультурологической ценности пословиц и поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, необходимо обозначить существующие методы анализа лингвокультурологического материала.

Как указывает В.А. Маслова, любая лингвистическая методология может быть представлена в виде определённой цепочки: объект – принцип – метод – приём [Маслова, 2001]. Метод – это конкретный подход к изучению явлений, который включает в себя совокупность приёмов, позволяющих изучить и описать языковое явление [Маслова, 2001].

С нашей точки зрения, весьма основательная и логичная система методов лингвокультурологического анализа разработана Г.М. Алимжановой [Алимжанова, 2010]. Исследователь выделяет следующие методы:

1) Сопоставительно-функциональный метод, позволяющий выявить различия между двумя сопоставляемыми языками с точки зрения функционирования лингвокультурологических единиц;

2) Семиотический системно-структурный метод, направленный на системное описание языка и культуры и учитывающий структурную организацию и семантику;

3) Метод семантического лингвокультурологического поля (введён В.В. Воробьёвым) используется для описания единиц разносистемных языков, включает в себя «фокус порождения, восприятия и оценки культурных ценностей, выражаемых в языке» [Воробьёв, 2008, с. 112].

4) Методы полевой этнографии, позволяющие собрать материал для исследования (опрос, наблюдения, метод пережитков). Метод пережитков, описывающий явления прошлого, позволяет сделать выводы о разных исторических эпохах.

5) Экспериментальный метод, в ходе которого создаются условия, необходимые для изучения языковых явлений, которые интересуют экспериментатора с точки зрения проверки уже сформулированной научной гипотезы.

6) Метод интервью, позволяющий получить информацию от первоисточника.

7) Описательный метод, направленный на системное описание лингвокультурологических единиц. Таксономическое описание выявляет классы языковых единиц, их взаимосвязи, динамическое описание, описывающее правила, образующие правильные языковые единицы.

б) Дистрибутивный метод состоит в изучении дистрибуции (окружения) и контекста употребления языковых единиц.

Достаточно актуальным методом в лингвокультурологии, считаем, является метод компонентного анализа (термин введён У. Гудинафом), направленный на выявление минимального набора признаков группы языковых единиц, отличающих их от других единиц, и, наоборот, объединяющих с другими.

Весьма распространённым в настоящее время среди исследователей языка является концептуальный метод, который направлен на выявление содержания концептов и концептосферы. Описание концептов, смыслов, передаваемых конкретными словами, текстами или грамматическими категориями, позволяет выделить характерные признаки того или иного концепта, выявить то, как путём анализа концепта можно выявить особенности мировосприятия народа.

Интересна, на наш взгляд, методика доминантного анализа языкового материала, которая предполагает создание частотных словарей. Частотные лексемы этих словарей позволяют делать выводы о том, что среди них есть слова, являющиеся доминантами языковой картины мира.

Е.О. Опарина определяет методы лингвокультурологии как «...совокупность аналитических приёмов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры» [Опарина, 1999, с. 183]. Ведущим методом лингвокультурологии с точки зрения лингвиста является «процедура сопоставления групп или массивов языковых знаков со знаками (категориями, таксонами) культуры» [Опарина, 1999, с. 184].

Следует отметить, что методы лингвокультурологического анализа языка формулируются на основе принципов методологического исследования. В виду этого считаем возможным говорить об общелингвистических принципах, а именно, комплексном, интерлингвистическом, логическом, системно-семантическом,

экспериментальном, семасиолого-ономасиологическом, синхронически-диахроническом, а также о частнонаучных принципах. К числу последних отнесём:

- 1) Антропоцентризм.
- 2) Этноцентризм (введён и сформулирован Е.А. Селивановой) заключается в изучении взаимодействия этнических особенностей культуры, традиций, обычаев, сознания с номинативными принципами [Селиванова, 2000].
- 3) Функционализм (сформулирован В.В. Воробьёвым, состоит в раскрытии функций, характерных для лингвокультурем) [Воробьёв, 2008].
- 4) Инаковость – принцип, определяющий необходимость избегать оценочной характеристики «хорошо – плохо», опираться на идею инаковости, которая проявляется в том, что языковые явления одного языка отличаются от языка другого народа.
- 5) Экспланаторность – принцип, указывающий на обязательное выявление культурных различий в значении языковых единиц с различиями народного мировосприятия.

Таким образом, целесообразно отметить, что при лингвокультурологическом описании языковых единиц в современной науке используются лингвистические, культурологические, социологические методы, основанные на общих и частных методологических принципах. Наиболее целесообразны, с нашей точки зрения, комплексные анализ и описание языкового материала, поскольку именно многоаспектное рассмотрение, применение взаимодополняющих принципов и методов позволит получить полное представление об исследуемом явлении, определить особенности картины мира отдельного народа.

1.9. Системные объединения фразеологических единиц

Вопрос о системности фразеологии тесно связан с вопросом системности лексики. Одним из первых учёных, обративших внимание на данное свойство лексики, был М.М. Покровский, который отмечал: «... слова и их значения живут

не отдельно друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе независимо от нашего сознания, в различные группы, причём основанием для группировки и служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский, 1959, с. 82]. Данные идеи являются основой теорий семантических полей, лексико-семантических и тематических групп.

В отечественном языкознании изучение языковых группировок разных уровней обнаруживаем в трудах Д.Н. Шмелёва, Ф.П. Филина, Л.М. Васильева, В.И. Кодухова, А.А. Уфимцевой, Ю.Н. Караулова, А.В. Бондарко, Э.В. Кузнецовой и многих других. При этом, несмотря на существование большого количества посвящённых этой проблеме работ, отсутствует общепринятая позиция в определении принципов семантической организации лексической системы языка. Отсутствуют и общепризнанные определения выделяемых семантических категорий, часто взаимозаменяемо используются термины: *семантическое поле*, *лексико-семантическая группа*, *лексико-тематическая группа*; объединение слов в группы проводится на основе разных признаков, подходов и методов. Не существует однозначного и общепринятого определения лексико-тематической группы, часто используются взаимозаменяемые термины – *тематическая группа* и *лексико-тематическая группа*.

Так, Ф.П. Филин квалифицирует *тематическую группу* (ТГ) как «...группу слов, объединённых на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [Филин, 1957, с. 526].

В словаре О.С. Ахмановой отмечается, что «...в тематический ряд объединяются слова на основе смысловых связей, и они противопоставлены друг другу по одним семантическим признакам при общности других» [Ахманова, 2007, с. 118].

Д.Н. Шмелёв, отмечает, что «...выделение тематической группы осуществляется на внеязыковых критериях» [Шмелёв, 1977, с. 186], в то же время считает неправильным отказ от лингвистического анализа слов, объединённых в тематические группы, от поиска общих семантических составляющих.

Определяя понятие *лексико-семантической группы* (ЛСГ), Ф.П. Филин, Л.М. Васильев называют её разновидностью семантического поля. При сопоставлении понятий лексико-тематическая группа (ЛТГ) и лексико-семантическая группа (ЛСГ) Ф.П. Филин отмечает, что «лексические элементы с однородными сопоставимыми значениями» – признак лексико-семантической группы, в которую включаются синонимы, антонимы, а также другие группы слов, объединённые общностью семантических отношений [Филин, с. 526]. Ряд учёных (А.А. Уфимцева и другие) лексико-семантические группы и лексико-семантические поля считают равноправными объединениями слов и равноправными понятиями.

Более дифференцированно лексико-семантическую группу характеризует Л.А. Новиков, определяя её как «...относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент и типовые дифференциальные компоненты, объединённые общей семой, а именно – архисемой более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля» [Новиков, 1987, с. 73–74]. Э.В. Кузнецова также подчёркивает, что в состав лексико-семантической группы входят слова одной части речи: «ЛСГ представляет собой группу слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (компоненты) и типовые уточняющие дифференциальные компоненты, а также характеризующихся высоким схематизмом сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [Кузнецова, 1989, с. 7]. В работе Е.И. Зиновьевой «Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного» характеризуется структура лексико-семантической группы [Зиновьева, 2005].

В современной лингвистике лексико-семантическая группа квалифицируется как составляющая лексико-тематической группы. Так, например, Д.Б. Тотрова в своих работах отмечает, что «...понятия ЛСГ и ЛТГ соотносятся между собой как часть и целое, хотя едва ли возможно установить между ними точное логическое разграничение» [Тотрова, 2009, с. 7]. Нам представляется данное утверждение верным и весьма обоснованным, потому лексико-тематические группы считаем родовым понятием по отношению к лексико-семантической группе. В свою очередь, лексико-семантическое поле является родовым понятием по отношению к лексико-семантическим группам.

Теорию семантического поля, используемую для изучения системности языка, встречаем не только в лексикологии, но и в словообразовании («словообразовательное гнездо» [Тихонов, 1991]), в грамматике («функционально-семантическая категория» [Бондарко, 1976]), лингвокультурологии («лингвокультурологическое поле» [Воробьёв, 1997], лексикографии («идеографическое поле» [Морковкин, 1977]).

Ю.М. Караулов указывает на необходимость разделять словарный состав языка на семантические поля, лексико-семантические группы, тематические группы, ономастические группы, синонимические ряды [Караулов, 1972]. Л.М. Васильев, говоря о лексико-семантическом поле, отмечает, что «...термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединённых хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев, 1990, с. 102–104].

Теория поля, восходящая к работам немецких лингвистов Г. Ипсена и И. Трира, получила широкое развитие в лингвистике второй половины XX -го в., в том числе в трудах отечественных учёных. В связи с этим существует множество определений лексико-семантического поля. Л.А. Новиков семантическим полем называет «... множество языковых единиц, объединённых общим (инвариантным) значением» [Новиков, 1999, с. 238]. Подобное определение предлагает В.М. Кобозева: «...совокупность языковых единиц, объединённых общностью со-

держания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000, с. 98]. Е.И. Зиновьева отмечает, что лексико-семантическое поле «...объединяет вербальный ряд единиц – это слова и словосочетания, объединённые на основе общности выражаемого ими значения [Зиновьева, 2003, с. 109].

В трудах А.В. Бондарко предложена теория, основанная на системном принципе, введено и проанализировано новое понятие – функционально-семантическое поле. Исследователь отмечает: «Функционально-семантическое поле – это двустороннее содержательно-формальное единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко, 1988, с. 14].

Целесообразно отметить, что большинство учёных называет семантическим полем особую систему, состоящую из частей, которые взаимосвязаны системными отношениями [Смирнова, 1999]. Нам представляется применимыми к нашей работе концепции Ф.П. Филина, рассматривавшего лексико-семантическое поле как объединение с однородными, сопоставляемыми значениями, которые представляют собой специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития [Филин, 1982], и Ю.Н. Караулова, понимающего лексико-семантическое поле как «... иерархическую структуру множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» [Караулов, 1997, с. 458].

Отметим, что на начальном этапе формирования теории поля в качестве единиц семантических полей рассматривались только слова, являющиеся единицами лексического уровня, позже в семантические поля стали включаться словосочетания и предложения [Васильев, 1990]. В этом плане применение теории поля к фразеологическому материалу представляется вполне правомерным. Более того, в рамках исследования фразеологического материала с учётом взаимосвязей и взаимоотношений фразеологических единиц в 70-е годы сложился определённый

подход, предметом основного внимания которого стало *фразеосемантическое поле* (А.В. Кунин, Н.Н. Амосова, И.И. Чернышева, Л.И. Антропова, И.А. Бангерт, А.И. Пичкур и др.).

Фразеосемантическим полем (ФСП) в лингвистике традиционно называется совокупность фразеологических единиц, связанных определёнными системными отношениями и общим выражаемым семантическим понятием.

В современных исследованиях фразеосемантического поля сложилось два направления. Представители первого направления (работы М.И. Семко, Л.М. Золотовой, В.П. Губарева, Е.М. Ножина и других) считают фразеосемантическое поле частью лексико-семантического поля поскольку «... семантические группы лексики и фразеологии «сосуществуют», то есть с подавляющим большинством общих понятий соотносятся определённые круги как лексики, так и фразеологии. Вследствие этого представляется вполне реальным построение лексико-фразеологических семантических полей» [Ножин, 1966, с. 78].

В соответствии со вторым фразеосемантическое поле рассматривается как достаточно самостоятельная замкнутая система, которая связана экстралингвистическими и лингвистическими связями с лексико-семантическим полем (работы Л.А. Бутаревой, В.И. Смирновой, З.Ф. Скнар, В.Л. Дашевской и других).

Целям нашей работы в большей степени соответствует второе направление, позволяющее выстроить иерархическую систему, отражающую разнообразие связей и отношений фразеологических единиц как на собственно фразеологическом уровне, так и в аспекте межуровневых лексико-фразеологических отношений, что в полной мере относится к паремиологическому материалу, являющемуся предметом исследования.

Использование теории полей позволяет представить фразеологический фонд языка как достаточно полный и целостный комплекс, структурировать фразеологический материал, устанавливать иерархические взаимоотношения, определять характер индивидуальной и групповой семантики фразеологических единиц [Верещагин, Костомаров, 1982].

Пословицы и поговорки объединяются во *фразеосемантические группы* (ФСГ) и фразеосемантические поля на основе дифференциальных признаков и общей семантики. С одной стороны, каждая фразеологическая единица может быть рассмотрена как «автономный и неповторимо своеобразный мир» [Апресян, 1995, с. 117]. С другой стороны, характер семантики паремий, её многомерность обуславливают способность пословиц и поговорок проявлять, выводить на передний план разные смысловые оттенки в зависимости от группового окружения.

Традиция представлять паремиологический материал не разрозненно, а отражая связи, как известно, восходит к трудам В.И. Даля, так объяснявшего свой выбор организации материала в сборнике: «Расположение пословиц по смыслу их, по значению внутреннему, переносному, как притч, кажется самое верное и толковое... Не сомневаюсь, что это лучший из всех порядков, в каком бы можно было представить все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода» [Даль, 1984, с. 19].

Эту традицию продолжает В.Н. Добровольский и другие собиратели фразеологического материала. Записанные паремии В.Н. Добровольский объединил в 202 группы (например, группы *Знать – не знать*, *Вред*, *Крепостное право*, *Имя*, *Упрямство*, *Совесть*), расположив их в алфавитном порядке. Такое расположение затрудняет вычленение смысловой близости пословиц и поговорок тематически и семантически близких групп. Для решения этой проблемы считаем продуктивным использование объединений более высокого уровня, а именно, *фразеосемантических групп* и *фразеосемантических блоков* паремий.

В данной работе под *фразеосемантическими группами* будем называть те объединения паремий, которые выделены в Сборнике В.Н. Добровольского, *фразеосемантическими блоками (ФСБ)* – более крупные объединения фразеосемантических групп пословиц и поговорок, объединённых близостью, сходством или противоположностью семантики и отражающих категориальные представления об определённом фрагменте окружающего мира. Таким образом, фразеосемантическим группам свойственно наличие общего семантического признака, который и объединяет тематические группы в отдельные классы (блоки).

Считаем, что лингвистический и лингвокультурологический анализ, направленный на определение и описание групп пословиц и поговорок Сборника В.Н. Добровольского, выявление межгрупповых связей, общего и различного, позволит структурировать и систематизировать разрозненный и обширный паремнологический материал «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского с целью его лингвокультурологического анализа.

Выводы по первой главе

Проблемы фразеологии традиционно находятся в центре исследований многих лингвистов, которые предлагают порой совершенно различные критерии выделения фразеологических единиц, определения статуса фразеологизма. Для обозначения данных единиц используются различные термины: фразеологическая единица, фразеологическое выражение, фразеологический оборот, фразеологизм, устойчивое сочетание, идиоматическое сочетание, идиома, идиоматизм, паремия и др. Критериями определения фразеологизма называют воспроизводимость, раздельнооформленность, эквивалентность слову, целостность значения, идиоматичность, устойчивость состава и структуры и др. Существование в лингвистике различных классификаций фразеологического материала, критериев его выделения и изучения определило «широкое» и «узкое» понимание фразеологии. При «широком» подходе к обоснованию объема фразеологического уровня языка, которого мы придерживаемся, в состав фразеологии включаются пословицы и поговорки, которые и являются предметом исследования в нашей работе.

Пословицы и поговорки обладают высокой лингвокультурологической ценностью, их изучение и описание способствует проникновению в истоки формирования менталитета народа, его мировосприятия, миропонимания, культурных и нравственных установок, стереотипов, вербальным отражением существенной части которых являются паремии. Фразеологические единицы являются и одним из наиболее эмоционально выразительных, образных средств языка. Таким образом, фразеология национального языка является одним из источников информации о

культуре народа, а пословицы и поговорки – это концентрат народного мировоззрения, в содержании которого в ходе исторического развития, смены эпох и т.д. могут происходить некоторые изменения. Поэтому в современных исследованиях важно изучать фразеологический материал в широком антропоцентрическом плане, в общекультурном контексте взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. Важнейшим источником при решении этой задачи является изучение фразеологической составляющей русских народных говоров в рамках общей проблемы исследования русской диалектной картины мира.

Русская диалектная картина мира складывается из множества диалектных картин мира различных территорий России, одной из которых является Смоленская область. Комплексное изучение диалектной картины мира Смоленского края предполагает исследование её паремиологического компонента, выразителем которой и являются пословицы и поговорки (паремии) «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894].

Для современного восприятия и воссоздания звучания записанных В.Н. Добровольским пословиц и поговорок описаны фонетические, морфологические и лексические особенности диалектной лексики Смоленского края, нашедшие отражение в «Смоленском этнографическом сборнике» [Добровольский, 1894]

С целью структурирования описываемого материала в работе предлагаются следующие объединения: а) фразеосемантическая группа, б) фразеосемантический блок. Термином *фразеосемантические группы* обозначаются объединения паремий, которые выделены В.Н. Добровольским в качестве ТГ. Фразеосемантическим группам свойственно наличие общего семантического признака, который и объединяет тематические группы в блоки. *Фразеосемантические блоки* – это более крупные структуры, включающие ФСГ пословиц и поговорок, объединённых близостью, сходством или противоположностью семантики, и отражающих категориальные представления об определённом фрагменте окружающего мира.

Лингвистический и лингвокультурологический анализ фразеосемантических групп, выявление межгрупповых связей, общего и различного позволяет

структурировать и систематизировать разрозненный и обширный паремиологический материал.

Многоаспектный комплексный анализ пословиц и поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, сопоставление его с общенациональным паремиологическим наследием позволит выявить особенности диалектной языковой картины мира смоленского крестьянина, сформировать представления о русском национальном характере, менталитете, выявить систему нравственных установок, жизненных ориентиров, оценить степень их совпадения или несовпадения с нравственными установками, мироощущением современного человека.

Глава 2. Пословицы и поговорки собрания В.Н. Добровольского в лингвокультурологическом рассмотрении

Как отмечалась ранее, единицы языка обладают разной степенью лингвокультурологической ценности. Под лингвокультурологической ценностью единиц языка следует понимать их способность репрезентировать, сохранять и транслировать ценные знания о жизни, истории, культуре народа. В случае сопоставительного анализа языковых единиц с точки зрения их лингвокультурологической ценности безусловным лидером станут именно фразеологические единицы, так как «...фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова, 2004, с. 82]. Фразеологизмы – это особые знаки языка и культуры, отличающиеся национальным своеобразием и самобытностью.

Поскольку языковые единицы – это концентрированная форма выражения народного самосознания, для выявления, восстановления, реконструкции и описания его содержания требуется применение определённых методов двухуровневого анализа: 1) на уровне отдельной языковой единицы, 2) на уровне группы.

2.1. Структура и состав фразеосемантических блоков «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского

Собранный диалектный паремиологический материал «Смоленского этнографического сборника», как отмечалось выше, В.Н. Добровольский объединил в 202 тематические группы, расположив их в алфавитном порядке (*Баба, Баня, Богъ, Бобыль, Богачь, Борода, Борьба – драка, Бракъ, Братъ, Бѣдность – недостатокъ, Вдова, Вдовець, Вечеръ – утро – сумерки* и др.). Такое представление материала затрудняет вычленение смысловой близости пословиц и поговорок. В виду этого мы провели работу по установлению содержательных связей между

отдельными группами и на основе этих связей объединили их в более крупные единицы – *фразеосемантические блоки*.

1. *Птицы. Животные. Насекомые*: 22. Вши, черви. 73. Летучая мышь. 78. Медведь. 107. Паук – таракан – прус – блоха – медведок. 134. Птицы. 135. Пчела. 146. Рыба. 183. Уж – змея.

2. *Домашние животные и птицы*: 153. Скот. 67. Конь – езда. 69. Корова. 94. Овца – волк – собака. 148. Свинья. 71. Курица.

3. *Природа, растения, грибы*: 17. Вода. 38. Деревья. 178. Травы. 32. Гриб.

4. *Земледелие*: 56. Земледелие. 28. Горох. 31. Гречиха. 64. Картофель. 68. Конопля. 72. Лён. 91. Огородное. 93. Овёс. 136. Пшеница. 144. Рожь. 202. Ячмень. 173. Сено. 186. Урожай – неурожай.

5. *Погода. Явления природы*: 33. Гром-дождь. 131. Приметы погоды: Погода, весна, лето, осень, зима, времена года, урожай, приметы. Здоровье – нездоровье, 160. Солнце. 175. Теплота.

6. *Время*: 13. Вечер – утро – сумерки. 119. Поздно – рано. 152. Скоро – медленно, за время. 63. Календарь.

7. *Бог. Религия*: 3. Бог. 34. Грех. 120. Поп.

8. *Человек*: 27. Горе. 80. Молодость – старость. 155. Смерть. 161. Сон. 169. Судьба. 171. Счастье. 195. Человек. 46. Дряхлость, старость. 50. Жизнь.

9. *Обычаи, поверья, суеверия*: 121. Порядок – обычай. 39. Дивитца, глазить. 52. Заклятие. 53. Отклятие. 23. Ведьмак, дед. 197. Чёрт, домовый, идол. 179. Три.

10. *Мужчина – Женщина*: 1. Баба. 82. Мужик.

11 *Семья – брак*: 8. Брак. 81. Муж – жена. 86. Невеста. 192. Холостой – женатый. 149. Семья – один. 4. Бобыль. 11. Вдова. 12. Вдовец.

12. *Семейные отношения – родственники*: 9. Брат. 40. Дитя. 85. Наследственность. 76. Мать. 77. Мать – жена. 87. Невестка. 99. Отец – сын. 100. Отец – дети. 101. Отец – мать. Тёща. 142. Родитель. 143. Роды. Крестины. 151. Сирота. 172. Сын – дочь.

13. Чувства человека: 57. Злоба – гнев. 51. Зависть – доброжелательность. 74. Любовь. 92. Обида – отказ – согласие. 102. Огорчение. Страх. 103. Отрицание. 128. Предчувствие. 162. Сострадание.

14. Качества человека: 16. Внимательность, умелость. 24. Глухота, дурость. 26. Гордость. 30. Грамотный – неграмотный. 48. Дурость. Сумасшествие. 49. Жадность. 65. Качества людские: добрый, злой, ласковый, угрюмый. Упрямый, сквернословец, буян, беспокойный, тихий, ленивый, неловкий, вялый. Выскомерный, хвастун, честный, жадный, завистливый, сурочливый, хитрый, глупенький, плоско, больной, захудалый. 75. Ленивость. 98. Осторожность. 147. Решимость. 150. Сила. 154. Скупость, бережливость, расточительность. 157. Смелость, страх, решимость. 164. Спесь. 185. Упрямство. 188. Хитрость, расчёт. 158. Совесть. 196. Честь.

15. Имя: 61. Имя, 132. Прозвища.

16. Внешность человека: 6. Борода. 25. Голос. 60. Иканье, зевота, чиханье. 84. Наружность. 95. Одежда. 97. Организм. 125. Походка. 145. Рука.

17. Отношения между людьми: Борьба – драка. 36. Дача, дары. 42. Долг. 44. Драка. 66. Клятва. 92. Обида – отказ – согласие. 115. Побить – задать. 29. Гость. 116. Побои. 141. Расправа. Угроза. 165. Ссора. 167. Суд. 168. Суд – осуждение. 187. Утешение.

18. Друзья, соседи: 45. Друг. 117. Побратимство. 176. Товарищество. 163. Сосед.

19. Социальные характеристики человека: 5. Богач. 19. Воля. Зависимость. 20. Воровство. 21. Вред. 70. Крепостное право. 106. Пан. Барство. 88. Неожиданность. 89. Новое, старое. 96. Опытность. Пример. Привычка. 90. Нужда, потребность. 124. Похвала, похвальба, осуждение. 129. Приветствие, почтение. 130. Приговоры. 182. Удача – неудача. Борьба с препятствиями. 166. Старец. 200. Цыган – жид.

20. Качество жизни: 10. Бедность – недостаток.

21. Пища: 109. Пища. Вкус. Приправа. 110. Пища. Кушанья. 113. Пища. Работы. 114. Пища. Еда – питьё. 194. Чай.

22. *Быт*: 2. Баня, 15. Влазины. 35. Грязь – чистота. 43. Дорога – дома – свидание, 62. Кабак. 118. Пожар – огонь. 177. Торговля, 59. Игра. 189. Хозяйка. 190. Хозяин. 191. Чужой – свой. 140. Раздел. 133. Простор – теснота. 170. Сходка. 191. Хозяйство – хата.

23. *Занятие. Ремесло*: 54. Занятие, ремесло. 138. Работа. 139. Работник. 180. Труды.

24. *Отдых*: 137. Песни. 156. Смех. 174. Табак.

25. *Служба*: 83. Место, служба, люди. 159. Солдат.

26. *Надежда*: 79. Мечта, обещание, «если бы».

27. *Суд, оценка*: 14. Виновность, 18. Возмездие. Благодарность. 41. Долго – коротко, много – мало, тонко – толсто, то – не то, конец. 104. Ошибка, 105. Оценка. Важное – неважное. 108. Переход, 123. Послушание, 126. Правда, 127. Правда – пристрастие. 181. Тюрьма. 193. Хорошее – худое. 198. Чужое – своё.

28. *Знания, язык*: 58. Знать – не знать. 122. Пословица. 201. Язык.

Отметим, что подобное структурирование фразеологического материала показывает множественность связей и отношений паремий как в рамках фразеосемантических групп, так и на уровне фразеосемантических блоков.

Полагаем, что предложенная структура, характеризующая взаимоотношения фразеосемантических групп в рамках фразеосемантических блоков «Смоленского этнографического сборника», позволяет получить целостное представление о жизни смоленского крестьянина рассматриваемого периода, о многоплановости народного мировосприятия и мироощущения, обусловленного внешним миром.

Сопоставим фразеосемантические группы пословиц и поговорок общерусского сборника В.И. Даля и регионального сборника В.Н. Добровольского. Сборник В.И. Даля на сегодняшний день – один из самых крупных, известных и авторитетных источников русских пословиц и поговорок. Поэтому при соотнесении паремиологического материала сборников будем исходить из того, что совпадение паремий общерусского и регионального сборников означает совпадение отношения к описываемому явлению.

2.2. Пословицы и поговорки фразеосемантического макроблока

Человек: лингвокультурологический анализ

Представленная общая структура исследуемого материала позволяет перейти к описанию семантики пословиц и поговорок отдельных фразеосемантических групп, входящих в разные фразеосемантические блоки, объединённые в макроблок *Человек*.

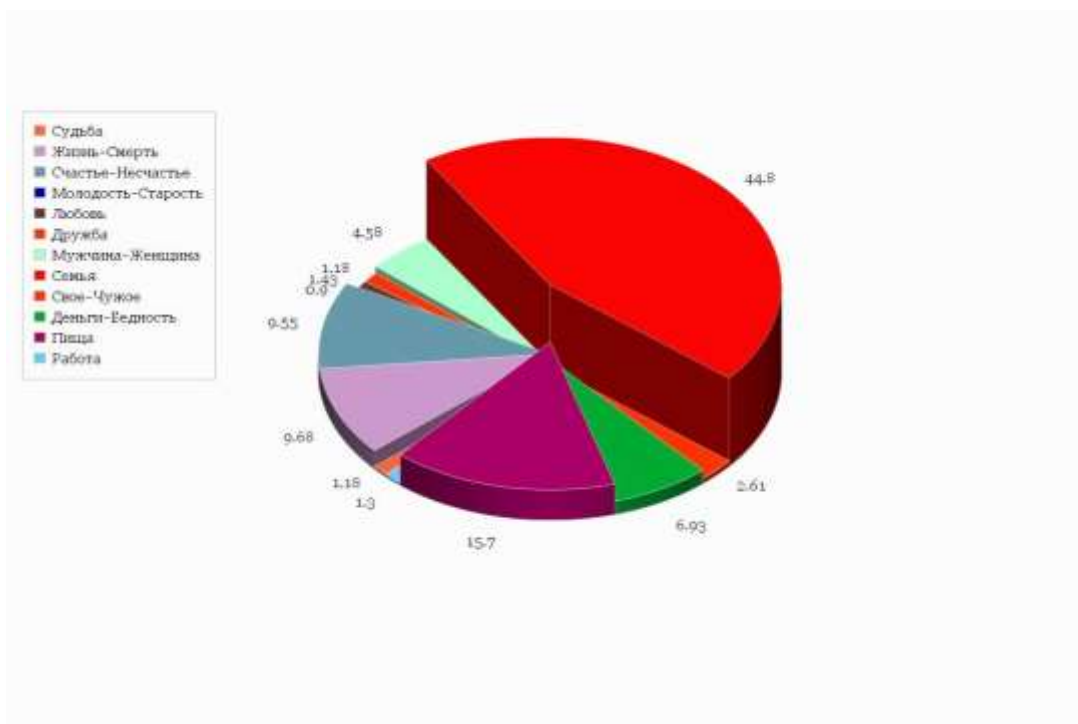
Неоспорим факт того, что *Человек* являлся и является объектом пристального внимания писателей, художников, философов, социологов и т.д. Чувства человека, его отношение к тем или иным жизненным и философским категориям, взаимоотношения людей, несомненно, всегда будут привлекать исследователей разных областей науки. Ряд универсальных вопросов и понятий актуален для каждого народа и каждого человека в любое время, в любой исторический период. Такими понятиями являются следующие категории: *судьба, жизнь и смерть, счастье и несчастье, молодость и старость, любовь и дружба, мужчина и женщина, семья и брак, своё и чужое, деньги, пища, работа*.

Данные категории соответствуют названиям групп паремий, комплексное описание которых позволит воссоздать паремиологическую картину мира носителя смоленского диалекта, сопоставить её с общенациональной, выявить общее и различное.

Безусловно, количество выбранных для анализа фразеосемантических групп паремий, объединённых общим понятием *Человек*, может быть увеличено. Однако в рамках данной работы остановимся на выбранных группах в силу их многоаспектности, антропоцентричности и многоплановости.

На Рисунке 1 представлено процентное соотношение описанных паремий.

Рисунок 1 – Процентное соотношение описанных паремий
(разработан автором)

Всего в работе было проанализировано 773 паремии, из них: судьба – 9 паремий, жизнь – 27, смерть – 47, счастье – 17, несчастье – 56, молодость – старость – 58, любовь – 11, дружба – 9, мужчина – 7, женщина – 28, своё – чужое – 20, деньги (бедность – недостаток) – 43, работа – 10, пища, одежда, работа – 120, семья (семья – один, холостой – женатый, брак, отец – мать – тёща, невеста, невестка, муж – жена, родитель, дитя, мать – жена, отец – сын, отец – дети, мать, сын – дочь) – 343 паремии.

Обратимся к описанию паремий фразеосемантических групп, выявим особенности восприятия смоленским крестьянином XIX века описанных в них понятий. Констатируем их статичность и неизменность либо же их изменчивость и трансформацию в современном мире.

При анализе паремиологического материала имеет значение то, что в Сборнике В.Н. Добровольского пословицы и поговорки приведены без их примеров их контекстного употребления. Это затрудняет анализ семантики паремий, допускает вариации трактовки их значения с учётом возможной многозначности как ключевых слов в составе паремии, так и целостной семантики предложения.

Для краткости обозначения носителя смоленского диалекта далее будем использовать сочетания «смоленский человек», «смоленский народ», «смоленские

крестьяне». Считаем, что подобное наименование не противоречит общей стилистике предмета исследования.

2.3. Судьба в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

А. Вежбицкая, анализируя русскую картину мира, определяет три ключевых понятия – *душа, тоска, судьба*, отдельно оговаривая ключевую роль понятия Судьба в русской культуре, русском менталитете. С точки зрения лингвиста, его анализ позволит раскрыть целый спектр установок и культурных ценностей народа, национальных черт, скрытых в этом понятии [Вежбицкая, 2001]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что концепт Судьбы составляет ядро национальности и индивидуального сознания, присутствует во всех мифологических, религиозных, философских и этнических системах [Арутюнова, 1993]. Данное понятие является одним из активно действующих начал жизни, так называемой «практической философии человека», которую отличает от собственно философии «постоянное взаимодействие с реальными механизмами жизни» [Арутюнова, 1993, с. 3].

Поиском ответа на вопрос «Что такое судьба? Существует ли судьба?» занимались и занимаются различные гуманитарные науки: философия, теология, психология, лингвистика.

Этимология существительного «судьба» связана с глаголом «судить». Следовательно, думая о судьбе, человек рассуждает (судит) и обращается к таким вопросам: Для чего мы живём? Кто руководит (судит) нами и нашей жизнью – собственная воля или какая-то таинственная сила, нечто высшее? Создаём ли мы сами свою жизнь и своё будущее, либо исполняем лишь то, что нам предначертано свыше?

Понимание судьбы как высшей силы нашло отражение в толковых словарях. В.И. Даль определил судьбу как «неминуемость в быту земном» [Даль, 1961, с. 68]. В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова судьба – это «1. Складывающийся независимо от воли человека ход событий,

стечение обстоятельств. 2. Участь, доля, жизненный путь. 3. История существования, развития чего-либо» [Б. толк. слов. ..., 2008, с. 1288]. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой предложено такое значение: «будущее, то, что случится, произойдёт» [Ожегов, Шведова, 1994].

В.Н. Добровольский в группе пословиц о Судьбе зафиксировал девять паремий. В пословицах «*Свайго судныга часа ни пириживешь*», «*Какъ Гаспотъ Каму на раду назначиль*», «*Якъ Бохъ чилавѢку вѢку пратягнуть*», «*Якъ ня Ѣзди, про судьбу сваю думай: яе канѣмъ ни абѢдишь*», «*Быть бычку на лычку*» судьба представляется как сила, неподвластная человеку, определяющая весь его жизненный путь [Добровольский, 1894, с. 118–119].

Судьба предначертана человеку свыше. Метафоры и образные выражения «*судный час*», «*камнемъ не объедишь*», «*какъ на раду назначено*» подчёркивают веру русского крестьянина в фатальную предопределённость судьбы. В классической литературе ярким примером такого понимания судьбы является роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а именно, глава «Фаталист».

Согласно представлениям смоленского крестьянина, в жизни невозможно получить того, к чему не будет приложено усилие, старание: «*Кали ня кусь, дакъ съ роту свалитца*» [Добровольский, 1894, с. 118].

Даже если человек противится своей судьбе, пытается жить в соответствии со своими желаниями, высшая сила повелевает жизнью людей – «*ЛятѢла, якъ хатѢла; ударилась, якъ Бохъ дау*» [Добровольский, 1894, с. 119]. О превратностях судьбы, неизбежности некоторых событий, о том, что часто в жизни происходит именно то, чего так не хотел или боялся человек, паремия – «*Хто чаво ня любить, то таму пупадаить*» [Добровольский, 1894, с. 118]. Судьба может и «наградить» человека, и «посмеяться» над ним. Этот смех судьбы, ирония, как правило, приносят трудности и неприятности.

Анализ паремий фразеосемантической группы Судьба сборника В.Н. Добровольского позволяет сделать вывод о том, что в сознании смоленского крестьянина гармонично и естественно сочетались отчасти фатальное понимание Судьбы, основанное на наивных представлениях и издревле существующих

предубеждениях, передающихся из поколения в поколение, с христианским пониманием. Общим является то, что Судьба представляется как персонифицированная высшая сила, которая программирует человеческую жизнь, руководит ею. Но всё же такое понимание судьбы не снимает ответственности с человека, который несмотря ни на что должен творить добро, отвечать перед Господом Богом за свои проступки и ошибки, совершённые в жизни. Поэтому не случайно упоминание в пословицах Бога в таких пословицах. Высшей силой, повелевающей судьбами людей, является Господь Бог. Данный факт подчёркивает религиозность смоленских крестьян, их приверженность христианскому мировоззрению и христианским традициям. Такое понимание Судьбы во многом объясняет жизнестойкость, мужественность смоленского крестьянина, его уверенное принятие трудностей как временных испытаний, посланных свыше.

2.4. Жизнь и Смерть в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

С давних времён человечество пытается разгадать тайны Жизни и Смерти, найти истоки и смысл жизни. Обращаясь к опыту своих предков, опираясь на своё мироощущение, проживая определённый исторический период, каждый народ формирует своё особенное отношение к категориям Жизни и Смерти. Их высшее и одухотворённое толкование получает отражение в музыке, живописи, скульптуре, литературе. Философские размышления и представления человека о Жизни и Смерти также ярко зафиксированы в народной фразеологии.

Смоленская земля, её жители играли важную роль в судьбе всей России, в сохранении её свободы и благополучия. Долгие века Россия находилась в состоянии осаждённой крепости. Через Смоленскую землю прошли монгольские, польские, французские и немецкие завоеватели. Нужно было или сражаться, или сдаться захватчику. И смоленский народ всегда сражался – мужественно и стойко. Пережитые испытания людей не могли не повлиять на их характер, на понимание Жизни и Смерти.

Рассмотрим пословицы и поговорки, отнесённые В.Н. Добровольским во фразеосемантическую группу Жизнь. Открывает список из двадцати семи паремий настраивающая на философские размышления пословица *«Наша жисть няздуманна, няспытанна, нисказанна»* [Добровольский, 1894, с. 35], констатирующая невозможность до конца разгадать, понять, объяснить и испытать всё в этой жизни, её безграничность, богатство и непредсказуемость. Употребление кратких прилагательных, их своеобразное «нанизывание» (градация, перечисление) словно передаёт загадочную мелодию жизни, подчёркивает недосказанность и таинственность жизни.

Сопоставление фразеосемантических групп пословиц и поговорок о Жизни и Смерти в собраниях В.Н. Добровольского и В.И. Даля позволило выявить только одну абсолютно совпадающую (вербально и семантически) пословицу (*«Жизнь пережить – не поле перейти»*) [Добровольский, 1894, с. 35]. Образ поля связан с архетипическим представлением русского человека, которое связывает его со свободой – свободой души, чувств. Человеку, который стоит на краю поля, оно кажется бескрайним, не имеющим начала и конца; но пройти его можно, можно и определить, почувствовать его начало и конец; дойдя до конца поля, можно вернуться к его началу. Однако в жизни человека всё иначе: невозможно, пройдя весь жизненный путь, всё «жизненное поле», вернуться к началу пути, ведь жизнь человека сложна и движется в одном, увы, безвозвратном направлении. Человек должен это понимать, чтобы строить свою жизнь разумно, считал народ. С другой стороны, в образе поля присутствует и выражение широты русской души, её многогранности.

Тему безграничности и сложности жизни, которая усиливается образными сравнениями, продолжают также синонимичные паремии сборников:

«Годъ пражить – ни лукошка сшить» [Добровольский, 1894, с. 36];

«Жизнь прожить, что море переплыть» [Даль, 1989, с. 252].

Вероятно, разное территориальное распространение данных пословиц связано с особенностями понимания и употребления русскими людьми слов *лукошко*, *море*. В общерусском понимании море – это олицетворение бескрайнего, это сим-

вол неизведанности. Лукошко – небольшая ручная корзинка из лубка или прутьев, изготовление которой не требовало больших усилий и особых навыков [Даль, 1981]. Таким образом, противопоставляя жизнь с плетением лукошка, смоленский народ подчёркивал сложность жизни, её загадочность и непредсказуемость.

В сборнике В.Н. Даля содержится поговорка «*Поживёшь – и Кузьму отцом назовёшь*» [Даль, 1989, с. 253].

В сборнике В.Н. Добровольского обнаруживаем региональный вариант – «*На вяку усяго наживеши – и Кузьму баткой назовёши*» [Добровольский, 1894, с. 36].

Так говорили русские люди о долгой и непредсказуемой жизни, в которой бывает всякое, поэтому ни от чего не стоит зарекаться. Как видим, значения поговорок совпадают, но смоленская поговорка содержит слово *батка* – диалектный эквивалент общенародного *отец*.

Образы кошки и собаки в поговорке «*Живёт кошка, живёт и собака*» основаны на мифологическом представлении о двух противопоставленных природой и человеком существ [Добровольский, 1894, с. 36]. Эта традиционная дихотомия свидетельствует о двойственности всего в жизни, о контрастном противопоставлении всех её составляющих. Понимая это, люди терпимо относятся к разным человеческим проявлениям: всем есть место на свете, все имеют право на жизнь.

Продолжает данную тему также поговорка «*Въ жисти, када харашо, када худа; када матъ, када мачеха*» [Добровольский, 1894, с. 36]. Отождествление матери с жизнью, а мачехи со злом обусловлено достаточно стереотипными народными ассоциациями. Мать ассоциируется с любовью, душой, теплом, заботой, а значит, счастьем и удачей, миром; мачеха в народном представлении – это зло, ненависть, жестокость и нелюбовь. Двучленность поговорок, наличие своеобразных антитез «*собака – кошка*»; «*мать – мачеха*» позволяют создать определённый ритм, ярче передать понимание человеком того, что всё меняется, всё бывает в жизни.

Испытания и лишения, выпавшие на долю смолян, ответственность за исторические судьбы русского народа не могли не повлиять на характер людей. В нём закрепились такие данные от природы качества, как настойчивость в борьбе с врагами, терпеливость, неприхотливость, скромность, готовность жертвовать личным благополучием во имя других, готовность к лишениям и переменам. Человек должен быть готов к тому, что хорошее сменится плохим, что за плохим непременно придёт светлое и доброе, ведь судьба то улыбается, то отворачивается.

Народ считал, что неизбежное взросление человека, его совершенствование, приобретение и накопление им жизненного опыта – всё это естественная закономерность жизни. Потому важно научиться спокойно и безболезненно переходить из одного этапа жизни в другой, беря с собой накопленные знания и опыт. Именно этот факт констатируют паремии: *«Тогда чилавѣкъ станить на стяпиняхъ жить, когда маткина шкура уся злѣзить радавая и абрастетъ чиловѣкъ тэю, якою Бохъ пувѣлѣў»*, *«Въ маткиный шкури ни звякушь: 5, 6 злѣзить»*, *«Въ адкей шкури ни звякушь»* [Добровольский, 1894, с. 35–36].

Жизнь без смысла, целей, надежды и мечты пуста и бесполезна, это понимает каждый здравомыслящий человек в современном обществе, об этом говорили и наши предки – *«Вѣку ни зживешь бизъ причины»*. *«Охъ, ты, жила, ты, мае жила, старья загарись, а новья завяжись»* – своеобразный крик души [Добровольский, 1894, с. 35–36]. Душевный склад простого русского человека таков, что, переживая невзгоды, он с лёгкостью забывает плохое и с верой и надеждой смотрит в будущее, новую жизнь, вычёркивает из прожитого всё плохое. Поэтому оптимизм, вера в лучшее и прекрасное поддерживали и спасали людей.

Страдания, разочарования, лишения и трудности могли бы вселить в душу народа тоску и отчаяние. Чтобы сохранить душевное равновесие и покой, сохранить психическое здоровье, человек выработал привычку не жаловаться, не роптать в беде, умение веселиться, позабыв о проблемах, быть готовым ко всему, даже к смерти – *«Пить да гулять будимъ; придить смерть – пумирать»*, в этом проявляется широта и противоречивость русской души [Добровольский, 1894,

с. 35]. Данная поговорка, включённая исследователем в группу Жизнь, передаёт философское отношение смоленского народа к жизни: человек принимает всё, что есть в жизни, и смерть воспринимается как естественное её завершение.

Стоит отметить, что в анализируемой группе пословиц о Жизни есть неоднозначно трактуемые поговорки. Считаем, что рассмотрение и описание поговорок в рамках разных групп, в групповом составе позволяет раскрыть разные значения, выявить многомерность, многозначность и комплексность семантики многих пословиц и поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894].

Так, поговорка *«ЖивѢмъ – ни матаимъ, чужого ни хватаимъ, свайго ни 'т-сауляимъ»* может быть отнесена к фразеосемантической группе пословиц Своё – Чужое [Добровольский, 1894, с. 36]. Дихотомия Своего и Чужого традиционна, определяет две чрезвычайно важные жизненные установки, которых стремился придерживаться любой порядочный человек. Бережно относиться к своему, к тому, что имеешь призывает первая установка, никогда не посягать на чужое – вторая.

В поговорке *«Стала сирябро, а жить нидабро»* видим отношение к деньгам: не всегда деньги приносят счастье [Добровольский, 1894, с. 36]. Народ предпочтёт богатству спокойную добрую жизнь, с лёгкостью откажется от денег. В данном случае мы обнаруживаем многоплановость фразеосемантических групп Жизнь, Счастье и Деньги, которая позволяет вывести своеобразную формулу: *«Жизнь и Счастье не равно Деньги»*, которой руководствовался крестьянин XIX века. *«Ни дай Бохъ жить змагаючись, а дай Бохъ жить здикаючись»*, *«Дай Бохъ жить спустя рукавы»* [Добровольский, 1894, 35].

Пословица *«Какая яе жисть? Яе жисть сарочча – якъ сарока на калу»*, определяет такое негативно оцениваемое качество человека, как любовь к сплетничеству, чрезмерное и излишнее внимание к жизни других людей [Добровольский, 1894, с. 36]. Значение и отрицательная коннотация мотивированы компонентом *«сарока»*, народными ассоциациями, связанными с этой птицей. Данная поговорка отнесена автором в ФСГ Жизнь, вероятно, по опорному слову. Однако

полагаем, что общая семантика, позволяет рассматривать данную поговорку в рамках ФСГ Качества человека.

Паремию сборника В.Н. Добровольского *«Поздравствовались = провели добро»*, которая является своеобразным этикетным правилом, а также поговорку *«Вѣкъ – добрый чилавѣкъ»* [Добровольский, 1894, с. 35–36], полагаем, правомерно рассматривать как синонимические варианты общерусской паремии *«Жизнь дана на добрые дела»* сборника В.И. Даля [Даль, 1989, с. 249]. Считаем не случайным то, что В.Н. Добровольский включил данные паремии в группу Жизнь, ведь добро у простого человека было непосредственно взаимообусловлено жизнью. Не случаен и поставленный знак равенства, жизнь в понимании русского народа – это добро, это пожелание добра окружающим людям. Можно сделать вывод о том, что доброта души – это типичная общерусская черта. В сердце каждого человека даже в трудное время жила и будет жить надежда на лучшее, на добро, а добро – один из главных жизненных постулатов русского человека.

Культурные и ментальные особенности народного мировоззрения сконцентрированы вокруг загадочного и трагичного явления Смерти. В Сборнике В.Н. Добровольского во фразеосемантической группе Смерть зафиксировано сорок три паремии.

Достаточно обширная группа записанных собирателем поговорок объединяется общим значением и общерусским пониманием смерти. Смерть – это неизбежное явления жизни, естественный финал существования всего живого; перед смертью все люди равны (и богатый, и бедный; и умный, и глупый; красивый и некрасивый и т. д.), потому каждый человек должен быть к ней готов: *«Сколько ни красуйся, усё туды гатуйся»*, *«Гаспоть бяретъ на свае руки и дурныхъ, и хорошихъ»*, *«Смерть причину найдить. Ать смерти никаго ня выличишь»*, *«Ать смерти никто ни збаронить»* («збаронить» – спрятать), *«Земля – матушка усих примаить»*, *«Смерть здравѣй за ѱсихъ»*, *«Судныга часу ни пириживешъ»* [Добровольский, 1894, с. 109–110].

Указанные поговорки и поговорки сборника В.Н. Добровольского продолжают, дополняют и расширяют тему неизбежности и естественности смерти, от-

ражённую в пословицах и поговорках сборника В.И. Даля («От смерти не спрячешься (не уйдёшь). От смерти некуда деваться», «Придёт время, все лягут в могилу», «От смерти ни отмолоотишься, ни откупишься», «От смерти ни крестом, ни пестом», «От смерти не откупишься (откупа не дашь)», «От смерти и под камнем не укроешься», «Царь и народ – все в землю пойдёт», «У смерти на глазах все равны. Смерть всех поравняет», «Смерть голову откусит – всех поравняет», «И пономарь, и владыка в земле равны», «Смерть всех сравнивает. На всех одна смерть» и др.) [Даль, 1989, с. 250–252].

Смерть не разбирает, от неё не откупишься, а потому смоленский народ говорил: «Нѣтъ правядливій смерти» [Добровольский, 1894, с. 109].

Жизнь и смерть всегда идут рядом, грань между ними подчас очень тонка. Потому, паремии «ЧелавѢча, падумай на день ибѣ смерти три разы», «Смерть ни кажася ходить», «Якъ пьяный мужикъ, такъ и смерть найдить причину прикапатца» говорят о необходимости проживать каждый день со смыслом, ценить и бережно относиться к своей жизни, предупреждают о непредсказуемости всего в этом мире [Добровольский, 1894, с. 109–110].

Как и рассмотренные паремии о жизни, паремии о смерти обращают внимание на поэтапность жизни. Предначертанный жизненный путь человек должен пройти один раз: «Дай Бохъ разъ жанитца, разъ кряститца и разъ пумирать», «Два раза ня будимъ пумирать, а разъ» [Добровольский, 1894, с. 110].

Стремясь проще принимать факт смерти, душа русского человека вырабатывала зачастую ироничное отношение к ней. Это нашло отражение в народной фразеологии, в которой запечатлено порой довольно «холодное» принятие смерти, основанное на шутке и даже сарказме: «Нихай сабѢ памёръ: Бохъ Яго искау», «Нихай мрутъ и намъ дарожку трутъ, – и мы тады на торный дарожки адны на водным уси пайдёмъ», «Сажень земли да чатыри даски усяго намъ нада» [Добровольский, 1894, с. 109–110].

В словаре В.И. Даля «торный» – гладкий, ровный, наезженный [Даль, 1981, с. 564]. Вероятно, такое отношение к смерти, связано с нежеланием показать свой

страх, это своего рода защитная реакция человеческого сознания, желание как можно проще и естественнее относиться к смерти.

О христианской вере человека в загробную жизнь, в которой будут оправданы все лишения и страдания при жизни, о бессмертии человеческой души пословицы: *«Што ни заслужишь на етымъ свѣти, на тымъ палучишь»* [Добровольский, 1894, с. 109].

О слабости и одновременно смелости человека, находящегося перед лицом смерти, паремии: *«Квалѣи души и крѣпчи души нѣту ничога да судныга часу»*, *«Душа якъ крѣпка, такъ и квол»* [Добровольский, 1894, с. 110]. *«Кволый»* – 1. слабый, хилый, болезненный. 2. нежный [ССГ, Вып. 5, 1988, с. 28].

Паремия *«Душа вылитаить мятлушкымъ, птичкый, пчёлкай»* свидетельствует о мифологическом мышлении русского народа, позволяет провести линию Душа – Психея [Добровольский, 1894, с. 110]. Богиня Психея в древнегреческой мифологии была олицетворением души, дыхания и представлялась в образе бабочки или девушки с крыльями бабочки. В Словаре смоленских говоров *«мятлушка»* – это бабочка [ССГ, Вып. 6, 1993, с. 128].

Содержание ряда паремий сборника В.Н. Добровольского позволяет судить о погребальных традициях смоленских жителей. В пословице *«Пришоль умирать на сваю лаўку»* образная метафора «лавка» – это и дом, в котором жил и родился человек, это и родная деревня, родная страна [Добровольский, 1894, с. 109]. Человек желал встретить смерть на своей родной земле, там, где он родился, в доме, где он прожил свои лучшие годы. Поскольку, как уже было отмечено выше, человек понимал неизбежность смерти, ощущал хрупкость жизни, он старался подготовить важные атрибуты похорон заранее: *«Во зачимъ умирать ни нада: платка, накрывала нѣтъ»* [Добровольский, 1894, с. 109].

Данная пословица может быть истолкована иначе: это тоже защитная реакция. Человек осознаёт неизбежность смерти, возможно, чувствует её близость и пытается найти причину, по которой срок его ухода может быть отодвинут.

Похоронные традиции смоленских жителей, как, впрочем, русского народа вообще, включают поминание с застольем. Однако В.Н. Добровольский приводит

паремии, которые содержат явно негативную оценку этого обычая: *«Жанюся – висялюся; пуминаю – сваю кишку набиваю», «Радитиліў пуминаімъ и сами сваю кишку набиваімъ»* [Добровольский, 1894].

Показательна паремия *«Свадьба слаўна пѣсними, хаўтуры вытницами»* [Добровольский, 1894, с. 109]. *«Вытницами»* («плакальщицами») смоленские жители называли женщин, которые обладали особым голосом и знали песни-плачи, их приглашали на свадьбы и похороны [ССГ, Вып. 2, 1980, с. 108]. Естественным сопровождением смерти и похорон являются слёзы, без особого поминального плача не проходило в деревне прощание с умершим человеком. Приведённая паремия продублирована собирателем также в группе пословиц «Бракъ», так как отражает и свадебный обычай петь песни и веселиться.

Провожали человека особыми словами, которые также записал В.Н. Добровольский: *«Харошій былъ чилавѣкъ – чарствія яму Божія»*, желая при этом: *«Перушкымъ зямелька»*. Об уже умершем человеке вспоминали и говорили: *«Землю парить» (О похороненномъ покойникѣ)»* [Добровольский, 1894, с. 109–110].

Некоторые паремии, включённые В.Н. Добровольским в сборник, всё же нельзя отнести к собственно пословицам. Содержание и особенности их синтаксического строения (сложноподчинённое предложение с придаточным условия, достаточно большой объём) позволяют квалифицировать их как народные приметы, своеобразные наблюдения, имеющиеся у каждого народа, которым человек верит с предубеждением и искренне. Эти приметы передаются из поколения в поколение и основаны на интуитивных и магических верованиях. Такова примета *«Когда душа не отлетаетъ отъ покойника, покойникъ не пахнетъ»* [Добровольский, 1894, с. 110].

Иногда человек обращался к гаданию по линиям руки, поскольку стремился узнать свою судьбу, заглянуть в будущее. Доказательством этого является записанная В.Н. Добровольским примета скорой смерти человека: *«Если перевалитца сяредний рубецъ съ ладони, то человѣкъ скоро акончить жисть сваю»* [Добровольский, 1894, с. 110]. Люди внимательно следили за тем, как умирает человек,

делали свои наблюдения и отмечали, что каждого человека настигает своя смерть: *«Смерть нираўна: иной якъ заснетъ. Пацабечить, пацабечить – сичасъ душа, якъ птичка, вылитить из тѢла. Другей мучитца – и лумаить Яго и карѣжить, и жалкуитца іонь: «Ти задавилась мая смерть, ти привязана?!» И гарюить и мыкаить горя ниўмирующая съ рання и да вечера – и ни даетъ Гаспотъ яму спакою...»* [Добровольский, 1894, с. 110].

Сложности и страдания мирской жизни, тяжёлую смерть связывали с существованием более лёгкой, светлой и счастливой загробной жизни. Отсюда народное мнение, объясняющееся христианским мировоззрением: *«Если челавѢкъ хва-раить, терпитъ пирядъ смертью – на тымъ свѢти яму будить легши»* [Добровольский, 1894, с. 110].

Проведённый анализ паремий о Жизни и Смерти «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского позволяет сделать выводы о том, что простой человек признавал сложность и непредсказуемость жизни, естественную неизбежность смерти, которая всех делает равными, которая является финалом жизни любого. Грань между Жизнью и Смертью очень зыбка, эти категории неразрывно связаны, в связи с этим пословицы о смерти обнаруживаем в группе пословиц о жизни.

Представления о жизни и смерти современного человека и человека, жившего в тот период, когда создавался сборник, имеют как общие, так совершенно не совпадающие черты. Как и человек, живущий в наше время, смоленский крестьянин признавал богатство, бескрайность и двойственность жизни, безвозвратность многих её моментов, невозможность пройти свой жизненный путь снова, вернуться к сделанным ошибкам, исправить их. Однако если человек нашего столетия часто мечтает получить в жизни всё и сразу, человек прошлой эпохи никогда не ждал лёгкой жизни, со смирением принимал все испытания, всегда верил, что за свои страдания он обязательно будет вознаграждён, пусть не в этой жизни, так в загробной. Готовность смоленского крестьянина к постоянным переменам, лишениям, борьбе за свободу и жизнь обусловлена историческими причинами.

Сосуществование жизни и смерти вызывает порой стихийное и неупорядоченное представление современного человека о смерти, её боятся, о ней не хотят говорить. Человек же прошлого с мужественным спокойствием принимал смерть как естественную закономерность и естественный финал всего живого, готовился к ней. Поэтому основой кроткой и смиренной личности смоленского крестьянина XIX века были постоянная «память о смерти», готовность к возможным сложностям и страданиям.

Можно сказать, что способность к миросозерцанию смоленского народа, выпавшие на его долю испытания сформировали у него философское отношение к жизни, к смерти, к невзгодам. В нём закалились природные качества – настойчивость в борьбе с врагами, терпеливость, неприхотливость, скромность, готовность жертвовать собой, готовность к лишениям, умение понимать и принимать жизнь без прикрас, такой, какая она есть.

2.5. *Счастье – несчастье* в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Понятие Счастье наряду с понятиями Судьба, Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Любовь, Дружба, Семья является определяющим и важным в системе жизненных установок человека. Содержание понятия Счастья сочетает в себе и внешний, и внутренний мир человека, оно многомерно. Определяя и обозначая счастье, мы оцениваем не только состояние своих дел, но и состояние своей души и внутреннего мира, внутреннюю удовлетворённость или неудовлетворённость жизнью. Такие древние философы, как Аристотель, Бозций, Геродот и др. квалифицировали Счастье как обладание каким-то высшим благом, доступным человеку, однако каждый вкладывал в это понятие разный смысл (моральное благо, цель жизни, равномерное сочетание всех благ и т.д.), то есть, Счастье толковалось достаточно широко. Философ В. Татаркевич отмечает: «Счастье – это понятие трудное, для многих неопределённое и туманное» [Татаркевич, 1981, с. 282]. «Счастье следует

определять как полное и длительное удовлетворение жизнью в целом» [Там же, с. 42].

В Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова приводится следующее толкование: «1. Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо; внешнее проявление этого чувства. 2. Успех, удача. 3. Разг. Участь, доля, судьба» [Б. толковый слов. ..., 2001, с. 1297]. В.И. Даль объяснял слово счастье так: «1. Рок, судьба, часть и участь, доля. 2. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут и тревоги; покой и довольство; вообще всё желанное, всё то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» [Даль, 1980, т. 4, с. 371]. Здесь обратим внимание на то, что объяснение счастья как «рока, судьбы, части и участи, доли» в Словаре Даля дано первым в словарной статье, в современных же толковых словарях это значение сопровождается пометой «разговорное» и перемещено на последнее место. В связи с этим можем предположить, что современное представление о счастье и его источниках отличается от понимания счастья людьми XIX века.

Поскольку языковое сознание любого народа каждой эпохи отражает стереотипные установки и представления о том, какое должно быть счастье, в чём оно заключается, эти стереотипы, безусловно, запечатлены во фразеологии. Фразеосемантическая группа Счастье выделена и В.Н. Добровольским, в неё входит шестнадцать паремий.

Рассуждая о счастье, смоленский народ часто упоминал Бога: *«Живеть, якъ у Бога за пазухый», «Даётъ Гаспотъ, якъ лѣпить», «Ну, слава Богу, ваша сучка сани вязеть», «Бохъ ни бязъ млысти, а казакъ ни бязъ доли; ти худая, ти харошая – усё будить», «Яго Бохъ зайграў у дуды (счастье его пригрѣло, обласкало)»* [Добровольский, 1894, с. 119–120].

Данные паремии указывают на предопределённость человеческого счастья. Согласно христианскому мировоззрению смоленского народа счастье даётся человеку свыше, именно Бог решает, кому быть счастливым. Человек, оберегаемый и защищаемый Создателем, счастливый человек. *«Щастя пу битахъ бьетца – у*

карманъ ни пупадаютъ» – счастье часто связывалось с некой непредсказуемой и неуправляемой стихией [Добровольский, 1894, с. 119]. Таким образом, счастье совсем не зависит от человека, поскольку даруется Богом и судьбой или обусловлено стечением определённых обстоятельств.

Отличается от приведённых выше перемий поговорка *«Када Бохъ кладъ дастъ и ў акошко падасть»*, с иронией характеризующая людей, которые надеются только на помощь Бога, людей ленивых, не желающих ничего делать самостоятельно, добиваться всего своими силами [Добровольский, 1894, с. 119]. Такие люди всегда верят в русское «авось», но только не в себя.

Следует отметить, что мы не обнаружили у В.Н. Добровольского и у В.И. Даля абсолютно совпадающих паремий о счастье. Однако паремию *«У каросты радіўся – щастліў будить»*, зафиксированную В.Н. Добровольским, можно назвать семантическим эквивалентом общенациональной поговорки *«В рубашке родился»* [Добровольский, 1894, с. 119]. *«Рубашкой»* или *«сорочкой»* называли не разорвавшиеся во время родов плодные оболочки. В толковом словаре В.И. Даля *«короста»* – это «чесотка, свербежная сыпь» [Даль, 1981, с. 346]. В словаре под редакцией С.И. Ожегова *«короста»* – это гнойные струпья на коже [Ожегов, 1994]. В современном толковом словаре под редакцией Т.Ф. Ефремовой приведено также другое значение, коростой называется твёрдый верхний слой, покрытие чего-либо [Ефремова, 2000]. Смоленские крестьяне называли *«каростой»* околоплодную оболочку. В представлении народа *«кароста»* – это примета счастливой судьбы человека. Огромным счастьем было, когда ребёнок рождался и умирал в такой ситуации. Кроме того, данная паремия могла использоваться не только как примета, но и как определение счастливого человека.

О людях, которые в любой сложной ситуации могли найти выход, которым всегда сопутствовала удача: *«Усе нашиму козырю мастъ»* [Добровольский, 1894, с. 119]. В обыденном сознании смоленского крестьянина наблюдаем сопоставление счастья и богатства как синонимов, и это богатство необязательно материальное. Счастье сравнивалось с золотом и драгоценностями, с игрой в карты, в которой счастливый человек – это весьма удачливый игрок, а сопутствующее ему ве-

зение – козырные карты в масть. Данная пословица синонимична по значению пословицам в сборнике В.И. Даля: «Он рыбку за рыбкой вытаскивает», «Что ни закинет, то вытащит», «Одним камнем двух собак разогнал», «С него всякая беда, как с гуся вода», «С твоим счастьем только по грибы» [Даль, 1989, с. 57].

«Живеть, якъ золыта важить», «Живеть, якъ у шашки играть» – паремии о людях, которые живут по принципу «как бы чего не вышло», осторожно, обдумывая каждый свой шаг на пути к счастью [Добровольский, 1894, с. 119].

Будучи скромным, привыкнув рассчитывать только на свои силы, принимая нелёгкие условия жизни, смоленский народ всегда осознанно разграничивал Своё и Чужое: то, что принадлежит по праву и то, что находится под запретом, не своё. В группе пословиц и поговорок о Счастье содержится паремия «У чужоя щастя мухью ни ўпасть», которая подчёркивает связь понятий Чужое – Своё и понятия Счастье [Добровольский, 1894, с. 120]. В данном случае вновь обнаруживаем подтверждение сделанных в нашей работе наблюдений и выводов о том, что рассмотрение пословиц в рамках разных групп позволяет раскрыть разные оттенки значений многих паремий.

Люди говорили, что счастье другого человека – это запретное Чужое счастье, на которое не стоит посягать ни в коем случае. Своего счастья следует добиваться своими силами.

Пословица «Нидавольныва ничимъ ни удавольствуишь» включена В.Н. Добровольским в группу Счастье, вероятно, в связи с тем, что её употребляли, когда характеризовали людей, которые не умеют ценить то, что имеют, радоваться хоть маленькой, но радостью [Добровольский, 1894, с. 120].

Интересна паремия «Пупаль кусокъ у ротъ, да ни умѣть Ъсть» [Добровольский, 1894, с. 120]. Так говорили о человеке, получившем счастливый шанс изменить свою жизнь в лучшую сторону, но который не смог этим шансом воспользоваться.

Положительные эмоции, хорошее настроение и чувство радости сопровождают ощущение счастья. Об этом паремии: «Во лалы пришли (житье пришло, къ

жизнью пришло»), *«Охъ, ты лала, лала! (счастливая, оттого игривая, веселая, баловница)»* [Добровольский, 1894, с. 120].

В Словаре смоленских говоров приведены такие значения диалектизма «лалы»: 1. пустословие, никчёмный разговор; 2. вынужденный отдых, безделье [ССГ, Вып. 6, 1993, с. 13]. Кроме того, известно, что «лал, лалы» – это старое название драгоценных камней, обычно красного цвета, а красный цвет в народном сознании символизирует счастье. Значит, счастливый человек – это «богатый», весёлый и жизнерадостный человек, необременённый хлопотами и заботами.

По мнению народа, счастливый человек чувствует себя свободнее и увереннее в этой жизни, поэтому люди говорили: *«А табѢ, слава Богу, а табѢ можна (такъ говорить счастливому и богатому)»* [Добровольский, 1894, с. 119].

Необходимо отметить, что в представленных пословицах и поговорках не обнаружены паремии, однозначно определяющие понятие Счастье, однозначно отвечающие на вопрос: в чём заключается счастье человека? В деньгах ли, в семье, здоровье, друзьях, любви, работе или в чём-то другом? Смоленский народ, как семеро странников из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?», которые пытались найти по-настоящему счастливого человека, подтверждает многомерность человеческого счастья. Для каждого человека счастье имеет своё определение... Как жил смоленский крестьянин XIX века? Он много времени проводил среди природы, тонко её чувствовал, много наблюдал за ней, много работал физически, ориентируясь на приметы и времена года. Быть может, такая патриархальная жизнь в единении с природой, в гармонии с самим собой – это и есть настоящее человеческое счастье, которого нам, людям, живущим в XXI веке, уже вряд ли достичь.

Противопоставление Счастья и Несчастья является характерным для обычного сознания русского человека. О счастье человек мечтает, к нему стремится, ждёт его от Бога как подарка; несчастья же человек боится, просит Бога оградить от беды. В «Смоленском этнографическом сборнике» пословицы и поговорки о Несчастье приведены под заголовком Горе (синонимом несчастья). Данная

фразеосемантическая группа весьма обширна, включает пятьдесят шесть паремий.

Проведённый сопоставительный анализ паремий фразеосемантической группы Несчастье регионального и общерусского сборников позволил выявить практически совпадающие паремии: *«Беда никогда не ходит одна»* [Добровольский, 1894, с. 19]; *«Беда никогда не приходит одна»* [Даль, 1989, с. 133].

В общеязыковом сознании русского человека существует мнение, что следом за одним несчастьем обязательно придут другие несчастья. В «Смоленском этнографическом сборнике» данную тему развивают также паремии: *«Ни адно, такъ другая»*, *«Пайдеть – такъ пайдеть»*, *«Пашло – па Ёхала. Пашло на Малахову галаву»*, *«Ни ищи горя, горя тябе сыщитъ»* *«Беда, якъ воўка, нахратна»* [Добровольский, 1894, с. 19].

«Нахратный» – дерзкий, наглый, бесцеремонный [ССГ, Вып. 7, 1996, с. 63]. Горе обрушивается на человека вдруг, никого не жалея.

В сборнике В.И. Даля обнаруживаем синонимичные паремии: *«Беда на беде, бедой погоняет. Беда беду родит, бедой погоняет»*, *«Беда беду накликает. Беда на беду идёт»*, *«Беда бедой беду затыкает»*, *«Беда не живёт одна. Беда на беду»*, *«Беда поездом ходит»*, *«Одна беда не угасла, другая загорелась»*, *«Беда по беде как по нитке идёт»*, *«Беда бедой помыкает»* [Даль, 1989, с. 133].

В паремиях *«Горе терплють»*, *«Виридуватца чимъ (разводитъ горе = утѣшать)»* повествуется о страданиях человека [Добровольский, 1894, с. 19]. Чувства и глубина души народа, глубина переживаний таковы, что горе охватывало человека целиком.

Человек так устроен, что печали и радости он пропускает через свою душу, через своё сердце, которое очень чутко к переменам и страданиям. Потому в пословицах и поговорках состояние Горя передаётся через описание сердечных переживаний: *«На серцы тошна»*, *«Серца ни на мѣсти»*, *«Слова гужи за серца тягнуть»*, *«Пичаль пиридаитъ серца»* [Добровольский, 1894, с. 18–19].

Сердце характеризует чувство внутреннего беспокойства человека. В паремиях *«Спраўлять рюмзы»* («рюмзы» – слёзы), *«Ни дай Бохъ дурному больку: рас-*

чешишь» содержится неодобрение [Добровольский, 1894, с. 19]. Так люди говорили о человеке, который небольшое недоразумение воспринимет, как огромное горе; который умеет всё превратить в трагедию.

Ощущение несчастья в пословицах и поговорках передаётся через внешние проявления, физическое состояние: *«Руки апуцаютца», «Ноги падкашіютца», «МлБють руки, млБють ноги», «И губы сатнешь, када горька» («сатнешь» – сомкнёшь)* [Добровольский, 1894, с. 18–19].

В основе данных паремий телесно-антропоморфные метафоры, свидетельствующие об анимистическом мышлении человека прошлого столетия.

«Думушки урозь», «И на свБть бы ни глядБль», «На свБть ня хочить глядБть», «Ни свБту, ни радысти» – так характеризовал простой человек своё настроение и несобранность мыслей, переживая горе, испытывая чувство тревоги [Добровольский, 1894, с. 18–19]. Несчастье парализует человека, блокирует его мысли и желания, его жизненный настрой.

О том, как влияет, с точки зрения смоленских крестьян, на людей горе, паремия: *«Горя у чилавБка атишибаить памить»* [Добровольский, 1894, с. 19]. В общезыковом представлении существует мнение, что страдания облагораживают человека, но народ не всегда соглашался с этим: *«И харошій чилавБкъ ать горя дурнымь здБлаитца: іонь и ня смБль, іонь и ня ўмБль»* [Добровольский, 1894, с. 18].

«Залились у гори», «МБрили горя и набгомь, и каўшомь» («набгомь» – через край), «Ни пирямБрить горя, якъ яго пить», «Ни ў поли, ни ў доли, ни ў лБтихъ, ни ў дБтихъ» [Добровольский, 1894, с. 19]. Данные пословицы и поговорки смоленский народ использовал, вероятно, когда характеризовал переживания, в гиперболизированной форме определяя меру и объём своего горя.

Простые люди героически и стойко принимали испытания судьбы, страдания и горести как естественное и данное Богом: *«То ня терпимъ, што Бохъ ни даеть»* [Добровольский, 1894, с. 19]. Народ был поразительно терпелив, встречая в жизни горе: *«На ўсякыя бяду ни наплюисья», «На ўсякый кусъ ни наздрас-туисья»* [Добровольский, 1894, с. 19].

Однако когда силы человека были на исходе, терпение улетучивалось, усталость от череды несчастий и горестей, ощущение обречённости увеличивались, и народ с чувством тоски и отчаяния говорил: *«Атъ горькыва дѢтца нейди – была бь салодка», «Къ нашему кусту усѣ пуста», «Къ нашему беригу ни плыветъ дабро – то щепка, то бряуно», «Парадила мене мама – ни ўзила мене яма»* [Добровольский, 1894, с. 19–20]. Порой человек просто мирился со своей судьбой.

Остановимся на паремиях *«Радь бы цумяреть, да смерть ни бяреть», «Парадила мене мама – ни ўзила мене яма»* [Добровольский, 1894, с. 19–20].

Полагаем, что данные пословицы правомерно также рассматривать во фразеосемантической группе Смерть. В таком случае раскрывается их дополнительное значение, обусловленное групповой семантикой: не стоит торопить события, у всего есть своё время, даже у смерти.

Желая жизни без горестей и бед, без крайностей, люди говорили: *«Кабы вы, да я ни знали таго (горя)». «Дай Бохъ вам гористи ни видать и сладысти ни тярнѢть»* – не нужно большое богатство, лучше довольствоваться малым, но жить спокойно и без горя [Добровольский, 1894, с. 19–20].

Таким образом, проведённый анализ пословиц и поговорок о Счастье и Несчастье «Смоленского этнографического сборника» позволил сделать следующие выводы. Чаще всего смоленский народ характеризовал Счастье как баго, подаренное Богом и Судьбой. Потому Счастье и Судьба находятся в закономерной связи. Особая предначертанность Судьбы человека определяет предначертанность его Счастья. Часто Счастье отождествляется с удачей, объясняется особой привилегированностью, избранностью Богом и Судьбой.

Представления смоленского народа о Счастье и Несчастье (Горе) раскрывают и дополняют представление и понимание Судьбы, Жизни, выступают как оценочные суждения о Судьбе и Жизни в целом. Счастье и Несчастье образуют лексико-семантическое поле Судьбы, поскольку счастливая Судьба в языковом сознании человека и называется Счастьем, тяжёлая Судьба – Несчастьем (Горем).

2.6. Молодость – старость в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Возраст человека имеет большое значение в биологическом, психологическом, бытовом, социальном и других аспектах нашей жизни. П.А. Щербо в структуре семантики понятия «возраст» отметил два компонента: во-первых, время, прожитое с момента рождения; во-вторых, «определённый период жизни человека» [Щербо, 2008]. Второй компонент, который включает ассоциации, стереотипные установки, суждения и мнения народа, отражающие его представление о том или ином возрастном периоде человека, является в нашем случае наиболее интересным и важным в изучении паремий.

В обыденном языковом сознании при определении возраста человека привычным является противопоставление таких понятий, как молодость и старость. Смоленский крестьянин, говоря о возрасте человека, также употреблял слова «старый» и «молодой», о чём свидетельствуют пословицы и поговорки отдельной выделенной фразеосемантической группы Молодость – Старость, включающей семь паремий, построенных на противопоставлении двух состояний человека. Кроме того, В.Н. Добровольский отдельно зафиксировал группу «Дряхлость, старость». Полагаем, что общая тематика способствует объединению паремий в рамках одной группы.

Сопоставительный анализ пословиц и поговорок с общим значением Молодость – Старость сборника В.Н. Добровольского и сборника В.И. Даля позволил выявить совпадающие паремии и паремии-эквиваленты (частично совпадающие, видоизменённые). В сборнике В.И. Даля зафиксированы пословицы «*Старость не радость, горб не корысть*», «*Старость – не радость*», «*Старость не радость, не красные дни*», «*Старость не радость: либо горб, либо кила (а иногда и оба)*», «*Старость не радость, а молодость не корысть*» [Даль, 1989, с. 311–312].

В сборнике В.Н. Добровольского – «*Старысть – ни радысть, горбь – ни карысть*» [Добровольский, 1894, с. 32]. Как видим, смоленский этнограф записал данную паремию с сохранением её фонетического звучания, характерного для то-

го времени. Тире подчёркивает и усиливает несовпадение, контрастность описываемых понятий.

Об очень старом человеке русский народ говорил: «*Старше поповой собаки. Старее поповой кобылы*» [Даль, 1989, с. 312].

В региональном сборнике обнаруживаем паремию «*Старь: старій паповыга сабаки*» [Добровольский, 1894, с. 33].

Смоленский народ, как и все русские люди, часто сранивал пожилого с маленьким ребёнком: «*Старый, слова малый*» [Добровольский, 1894, с. 33].

Данной паремии соответствует общерусская – «*Старый, что малый, а малый, что глупый*» [Даль, 1989, с. 309].

Тему детской наивности и непосредственности пожилых людей, безрассудности их некоторых поступков развивают паремии: «*Што старѢить, то дурнѢить*», «*На старысти лѢть удивила бѢлый свѢть*» [Добровольский, 1894, с. 33].

Существует мнение, что с возрастом изменяется характер человека, часто не в лучшую сторону, об этом паремии: «*Кали старый у дварѢ: ни нада сабаку диржать – ionъ усихъ аббрешить*», «*Старыга хвали да съ двара вали*», «*ИдѢ старый варчить, маладэй пумаўчить*», «*ИдѢ старый варчить, тамъ Бохъ тарчить*» [Добровольский, 1894, с. 33].

Паремия «*Старый баби на печки ухабы*» многозначна [Добровольский, 1894, с. 32]. Во-первых, она о том, что человек в возрасте чувствителен ко всем мелочам, даже небольшим неудобствам, на которые не обращают внимания молодые. Во-вторых, паремия могла употребляться в том случае, когда говорили о сложном характере старого человека.

Время и возраст необратимы; молодость невозвратна, старость неизбежна. Каждому возрасту присущи свои признаки и особенности. В мировоззрении смоленского крестьянина XIX века молодость ассоциировалась с цветением жизни, с весной, красотой, старость – с утратой красок жизни и природы, утратой красоты. Неслучайно проведение параллели между природой и человеком: «*У сваё уремя сасна красна; прайдетъ уремя – краска спадеть*» [Добровольский, 1894, с. 59].

«Краска» в языковом сознании смоленского народа – это красота и молодость человека, свежесть, юность природы.

«Маладэй пяхухъ – и тэй пяхухъ» – молодости свойственна эмоциональность, необдуманность поступков, вспыльчивость и порывистость [Добровольский, 1894, с. 60]. Потому молодой человек сравнивается с петухом. В основе данного сравнения архетипические ассоциации, связанные с этой птицей, с качествами, которые народ ему приписывал.

О сложном и не вполне оформившемся характере молодых паремия: «Ни станить челавѣкъ на стану, што ни къ печи, ни къ сталу (объ неустановившемся характерѣ)» [Добровольский, 1894, с. 60].

При анализе «Смоленского этнографического сборника» необходимо обращать внимание на диалектизмы, в первую очередь лексические и этнографические. Так, для понимания паремии «Маладость – буйность, падь старысть кайнысть» необходим учёт значения диалектизма «кайнысть» [Добровольский, 1894, с. 59]. Т.Н. Попова в исследовании диалектного словообразования, изучая появление в говорах абстрактных существительных с суффиксом *-ость*, отмечает: «В меньшей степени представлены отглагольные производные на *-ость*» [Попова, 2009, с. 263]. Исследователь приводит такие диалектные отглагольные абстрактные существительных и в качестве примера называет пословицу сборника В.Н. Добровольского: «... кайность – раскаяние. Молодость – буйность, а под старость – кайность. (Смол, 1890) (каяться – раскаиваться)» [Попова, 2009, с. 263–264]. Следовательно, молодость – это энергия, сила, буйство чувств, эмоций, старость – это «кайнысть», время, когда человек анализирует прожитое, раскаивается в совершённых ошибках.

Паремии «Гробъ за нагами валочитца», «Пожиль на бѣлымъ свѣти», «Пара дать кастямъ спакой», «Приходятъ дни къ вечиру» с присущим смоленскому народу смирением, с особой щемящей тоской сообщают о прожитой жизни, о наступлении последнего этапа жизни человека, наступлении старости [Добровольский, 1894, с. 32].

В пословицах «Млосна мнѢ», «Бязь силы ни дай Бохъ жить на бѢлымъ свѢти», «День мой – вѢкъ мой», «Нада тога зелья, што паскарѢй у землю» ощущается грусть человека, которого тяготит его преклонный возраст и свойственная ему физическая слабость [Добровольский, 1894, с. 32–33].

Целая группа пословиц и поговорок сборника В.Н. Добровольского констатирует внешние проявления старости: «Кашеиль сухой. Кабъ къ етому другей – яво иднаво у волю», «АкалѢя спяшитъ, а іонъ (кашилъ) и смяшитъ», «На печь лѢзить пирьхаючи, съ печи лѢзить кашляючи», «Стара стала, ракамъ стала (согнулась). «Ямки тья іостъ, идѢ вочи были», «Выбрау Бохъ мякать – заставіу адны кости», «Сталь дряхъ: ня хлѢбъ, а крохи», «Падкоука залѢзная – и тая стирайтца», «Выхадиль и сваё, и чужоя», «И слѢпа, и кепа» [Добровольский, 1894, с. 32–33].

«Книзу растеть (начал старѢться)» – так народ говорил о физических изменениях человека, соматических проявлениях старости» [Добровольский, 1894, с. 60]. У молодых есть главный приоритет – их сила и здоровье, а значит, есть шансы осуществить желаемое – «А если бѢ зубы, хлѢбъ будить» [Добровольский, 1894, с. 60]. В данной пословице зубы – это сила и молодость, хлеб – это достижимые молодыми людьми поставленные цели, преодоление преград и реализация задуманного.

Конфликт поколений вечен, противопоставление старшего и младшего поколений, существующее в наше время, обнаруживается в паремиях XIX века: «Нынчи народъ аховый – сядь, памахывай, да гляди на воби стораны (старики о молодыхъ)» [Добровольский, 1894, с. 60].

Люди старшего поколения XIX века с недоверием относились к молодому поколению, критиковали его за своеволие и отчаянность. «Аховый, аховский» – отчаянный, своевольный; плохой [ССГ, Вып. 1, 1974, с. 89]. В наше время мы также можем слышать о том, как люди прошлой эпохи осуждают и критикуют сегодняшнюю молодёжь, отмечая её распущенность, леность, несобранность, нежелание трудиться, отсутствие целей.

Отдельно отметим, что в рассмотренных фразеосемантических группах «Смоленского этнографического сборника» отсутствуют поговорки, строго предписывающие необходимость уважения и почитания старших. Возможно, это связано с тем, что уважение к старикам было естественным и неоспоримым качеством русского народа.

Людей в возрасте ценили за их опыт, за ценные советы и помощь, об этом поговорки: «*Старый – укора, да при ёмь работа скоро*», «*Старый – зму́ста, да бизь яго у дварѢ пуста*», «*Старый воўкъ знаить тоўкъ*» [Добровольский, 1894, с. 32 – 33]. Молодость скоротечна, напоминал смоленский народ – «*Ня смѣйся надъ старымъ: мольдъ ня будишь, а старь будишь*» [Добровольский, 1894, с. 33].

В XIX веке мы наблюдаем традицию почитания старших, уважение родителей во всей полноте. Эта традиция нашла отражение в поговорках и пословицах об отце, матери. Родители, старики в понимании молодых людей XIX века – это люди, которых следует уважать уже за то, что подарили жизнь, за то, что трудятся, переживают испытания судьбы, передают детям свою житейскую мудрость.

В современном мире в общественном сознании ещё сохраняются представления о том, что старики являются хранителями важного опыта и ценных знаний, недоступных для молодёжи, что старшее поколение необходимо уважать, но в то же время, к сожалению, в обществе происходит трансформация и утрата традиционных ценностей. Значительно увеличивается разрыв между поколениями в понимании жизненных ценностей, в выборе идеалов, на которые следует ориентироваться.

В ходе проведённого анализа фразеосемантической группы Молодость – Старость сборника В.Н. Добровольского были выявлены ассоциации смоленского крестьянина XIX века, связанные с понятиями молодость и старость, обнаружено противопоставление молодых и старых людей в их силе, энергии, красоте, эмоциональности, обозначен уже давно существующий конфликт поколений.

Возрастные изменения, свойственные всем людям во все эпохи, связаны не просто с физическими изменениями, но и с эмоциональными. Отношение к воз-

расту человека определяется стереотипными установками народа, подкреплёнными культурной традицией, а в современном мире – средствами массовой информации и влиянием общества.

2.7. Любовь в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Тема Любви является универсальной во всех языках, она связана с особенностями мировосприятия каждого народа, ведь любовь определяет всю жизнь человека. Нет ни одного народа, который бы ни размышлял об этом великом чувстве и ни отразил своё ощущение и понимание любви в искусстве, в языке, в народном творчестве.

В «Смоленском этнографическом сборнике» обнаруживаем небольшую группу паремий о любви. Собиратель зафиксировал всего одиннадцать пословиц и поговорок. Кроме того, В.Н. Добровольский в группу включил стихотворные строчки, назвав их *«Надпись, списанная съ раскольничьяго пояска»* и сопроводив пометой: *«Такія надписи вышиваются раскольницами своимъ женхамъ на пояскахъ, которыя приносятся в подарокъ съ объясненіями въ любви»* [Добровольский, 1894, с. 56].

Стихотворение звучит так:

*«Кто ни адинъ живеть на свѣте,
Имѣя милаю въ предмете
Въ два емъ и радость и веселья
И легче намъ терпѣть бѣды
Въ дваемъ пакой для насъ милѣе,
Нетакъ намъ тягасны труды.
Въ комъ грусь, какъ снѣгъ, а сердце камень.
Тотъ не знаетъ любви пламень.
И такъ вы милѣе Алексей Александровъ».*

[Добровольский, 1894, с. 56].

Причина включения стихотворения в раздел пословиц и поговорок, вероятно, связана с тем, что, когда В.Н. Добровольский занимался сбором материала, стихотворные строчки были услышаны им в народе случайно, и не сохранить их, пусть даже среди паремиологического наследия, собиратель не мог. Примечательно, что стихотворение записано в конце списка пословиц, как бы подводя итог всему сказанному в паремиях о любви. Следует отметить, что данные стихотворные строчки актуальны и в наше время, поскольку невозможность жизни без великого чувства, спасающая, поддерживающая и помогающая сила любви признаются и человеком нашего поколения.

Общерусская и широко употребляемая пословица *«Любовь зла, полюбит и козла»*, зафиксированная В.И. Далем в группе Любовь – Нелюбовь, содержится и в региональном сборнике В.Н. Добровольского (*«Любоу зла: палюбишь и казла»*) [Добровольский, 1894, с. 56].

Паремиа определяет любовь как злую и неуправляемую силу. Значение обусловлено образом, лежащим в основе паремии. Образ козла связан с мифологическим мышлением народа, а также с христианскими символиками. В славянской мифологии козёл связан с богом Перуном, который являлся воплощением плодородия. Однако вместе с плодородием в мифологии говорится о бесполезности и непригодности животного. В христианской традиции козёл – символ дьявола и всех плохих качеств, которые ему присущи. Поэтому образ козла является собирательным: это мужчина, который разочаровал и не оправдал женских надежд, это обманная любовь, которая принесла зло, страдания.

Паремиа *«Любит, как собака палку (редьку)»* [Даль, 1989, с. 227] сборника В.И. Даля соответствует паремии *«Жалѣвить, якъ сабака палку»* сборника В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894, с. 56]. В пословице говорится о существовании противоположного чувства – нелюбви.

Любовь часто сопровождается страданиями, об этом паремия *«Душу ронить»* (*«ронить»* – валить, сломив и подрубив), в которой обнаруживается персонафикация любви: чувство признаётся одушевлённым существом, причиняющим боль [Добровольский, 1894, с. 56].

В пословице «*Першая краска луччій твiтеть*» акцент делается на том, что любовь – это краски, это цветение жизни. «*Першій*» – первый [ССГ, Вып. 8, 1998, с. 67]. Первая («*першая*») любовь самая красивая, неповторимая, яркая и незабываемая.

Паремия «*Пчела на любой твѣтъ садитца*» отражает народное мнение о том, что каждый человек создан для любви, и неважно, красивый человек или нет, богатый или бедный, каждый непременно встретит свою любовь, свою вторую половину, ведь душа любого человека – это цветок [Добровольский, 1894, с. 56].

Состояние сильной любви передаётся в паремии «*Млѣвить на комъ*» [Добровольский, 1894, с. 56].

О неподвластности чувства разуму, неспособности влюблённого человека смотреть на любимого критично смоленский народ говорил: «*Во любить яе, якъ соль в очи*» [Добровольский, 1894, с. 56]. Состояние любви – это не только душевное состояние, это ещё и физическое состояние боли. Такое состояние бывает, если глаза засыпать солью (ничего не видно). Данную пословицу использовали в том случае, когда говорили о любви, приносящей страдания. Состояние любви подчёркивается и усугубляется сравнением с болезненными ощущениями, с физическим состоянием человека. Возможно, паремия могла употребляться и как ироничная оценка влюблённого человека, который ничего и никого не видит вокруг кроме любимого, не замечает недостатков предмета страсти.

Любовь или есть, или нет, чувства нельзя придумать или запрограммировать. «*Што саляно`я хлибать, што-й ня мильва цулувать*» – поцелуй с нелюбимым, жизнь с нелюбимым сравнивается с солёной едой, с неприятными вкусовыми ощущениями, которые она вызывает» [Добровольский, 1894, с. 56].

В народном понимании любовь и дружба соседствуют друг с другом, подобно тому, как жизнь соседствует со смертью, война с миром и т.д. Поэтому соприкосновение понятий Любовь и Дружба в диалектной фразеологической картине мира объяснимо – «*Када мнѣ друхъ, такъ и лапушка*» [Добровольский, 1894, с. 56].

Закономерным в паремиологическом наследии является и соотношение понятий Любовь и Брак, Любовь и Семья. Паремия «*Любить жану болій сердца*» можно рассматривать как наставление смоленского народа о необходимости любви в браке [Добровольский, 1894, с. 56]. Традиционный образ сердца в данном случае подчёркивает важность семейных отношений, любви к жене.

Таким образом, в сборнике В.Н. Добровольского зафиксирована небольшая группа пословиц и поговорок о любви. Факт, что данное понятие не получило обширной репрезентации в диалектной паремиологической картине мира смоленского крестьянина, что данная тема не была широко обсуждаема, можно объяснить различными причинами. Во-первых, тем, что для человека, у которого не было свободной минуты, который много работал физически, более естественными и необходимыми были такие темы, как работа, природа, пища, одежда, качества человека, семья и др. (темы, которые касались материальной и насущной жизни). Во-вторых, поскольку русскому человеку свойственна природная скромность, то и говорить много о любви люди стеснялись. Это была философская, закрытая, достаточно личная тема, для народа любовь – это самое высокое загадочное чувство.

Всё же немногочисленные в Сборнике паремии о любви констатировали многие важные её аспекты: всепоглощающую силу любви, яркость и красоту великого чувства, способность любви приносить боль и разочарование, нежность и неповторимость первой любви, соседство любви и дружбы, любовь – основа брака.

2.8. Дружба в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Дружба является одной из основ человеческих отношений для русского народа. Понятие Дружбы, как и понятия Любовь, Жизнь, Смерть, Добро, Зло, является древним, представлено богатым паремиологическим материалом. Дружба в «Смоленском этнографическом сборнике» рассматривается во фразеосеманти-

ческой группе Друг. То, что В.Н. Добровольский выделил группу пословиц под названием Друг, а не Дружба объяснимо общей этимологией однокоренных слов.

«Дружба – взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; бескорыстная стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; тесная связь, основанная на временных выгодах» [Даль, 1955, с. 452]. В словаре В.И. Даля приводится и другое значение слова: «друг – такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому; общее название или привет, в беседе; близкий человек, приятель, хороший знакомый» [Даль, 1955, с. 453]. В Большом толковом словаре русского языка даны следующие толкования понятий. «Дружба – отношения, основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов» [Кузнецов, 2008, с. 285]. «Друг – человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы» [Там же, с. 285].

Полагаем, что понятие Дружбы в общенациональном его понимании включает такие аспекты, как доверие, духовная близость, общность интересов, уважение. В.А. Маслова отмечает особые аспекты (свойства) дружбы: 1) ценность, 2) духовная близость, 3) общность интересов и моральных установок, 4) сходство личностных характеров, 5) интимность (в отличие от просто приятельства), 6) святость, 7) искренность, 8) взаимное доверие, равенство, 9) взаимопомощь, 10) прочность [Маслова, 2008, с. 201]. Анализ паремий с общим значением Дружба основан на выявлении свойств, которыми простой человек наделял этот аспект жизни.

Пословицы, связанные с понятием Дружба, в сборнике В.Н. Добровольского разделим на две группы. Паремии первой группы характеризуют дружбу в бытийном содержании, подтверждают существование дружбы в жизни людей. В таких пословицах слово «друг» сопоставлено с оценочным предикатом, который имеет положительную маркировку.

Вторая группа включает пословицы, отрицающие существование дружбы, указывающие на возможное предательство и ненастоящую дружбу. Из девяти приведённых собирателем пословиц о дружбе четыре паремии содержат положительную оценку описываемого понятия, пять – отрицательную.

Общерусской пословице «*Не держи сто рублей, держи сто друзей*» [Даль, 1989, с. 256] соответствует пословица «*Ня м Ъй сто рублёў, а м Ъй сто другоў: сто рублей потопють, а сто друзей выручатъ*» в сборнике В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894, с. 31]. Известная и часто употребляемая русская поговорка в паремиологической картине мира смоленского крестьянина представлена в распространённом виде: с уточнением, разъяснением. Пословица подчёркивает моральную ценность дружбы, приоритет дружбы над деньгами, несовместимость этих понятий.

Преимущество дружбы перед службой, человеческих отношений перед служебными констатирует поговорка «*Ня ў службу, а ў дружбу*», совпадающая с общерусской [Добровольский, 1894, с. 32]. Друг познаётся в испытании, в общем деле, в готовности к взаимопомощи.

Пословица «*Мы съ табою якъ рыбка съ водою (о неразлучныхъ друзьяхъ)*» [Добровольский, 1894, с. 32] соответствует общерусской пословице «*Мы с тобой, как рыба с водой*» [Даль, 1989, с. 256], отражает дружбу как союз прочный, надёжный, основанный на взаимопонимании, душевном родстве, единстве взглядов и интересов.

Следует отметить, что в общерусском сборнике В.И. Даля содержатся антонимичные варианты данной пословицы, которые констатируют существование предательства в дружбе: «*Мы с тобой, как рыба с водою; ты ко дну, а я на берег*», «*Мы с тобой, что рыба с водой: я на лёд, а ты под лёд*» [Даль, 1989, с. 256].

В «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского такие пословицы отсутствуют.

Рассмотрим поговорку «*Пили да гуляли, товарищымъ называли, туристали пить да гулять: «Працай, шулудякъ»*» [Добровольский, 1894, с. 32].

В собрании В.И. Даля обнаруживаем: «*Пили, ели – кудрявчиком звали; попили, поели – процай, шелудякъ*» [Даль, 1989, с. 256].

Для понимания этой поговорки необходимо обратиться к этимологии диалектизма «*шулудякъ*». Изучение исторических сведений позволяет выяснить, что данный диалектизм восходит к имени собственному – Шелудяк. Фёдор Шелудяк

– донской казак, один из сподвижников Степана Разина. В 1671 году он возглавил отряд восставших, однако был предательски захвачен и убит. Вероятно, эта история была хорошо известна русскому народу. Фёдор Шелудяк стал олицетворением преданного в дружбе человека, поэтому фамилия Шелудяк стала нарицательным существительным *«шулудякъ»* – преданный товарищами.

Дружба не всегда добро, порой она связана с обманом, расчётом, предательством. *«При винный чари дружьёу многа, при худэй жа гадине н Ъту никога», «Таварыша вади, каминь за пазухый наси»* – так смоленский народ констатировал существовавший обман в дружбе, предостерегал от доверчивости [Добровольский, 1894, с. 32].

Вышеуказанным паремиям синонимичны общерусские пословицы и поговорки, не совпадающие вербально, но совпадающие семантически: *«Скатерть со стола – и дружба сплыла», «Есть брага да пирожки, так и есть и други (и дружки)», «Как при пире, при беседе – много друзей, как при горе, при кручине – нет никого», «При пире (поре), при бражке – все дружки; при горе, кручине – нет никого», «Много друзей, коли денежки есть», «На пиру много друзей. У пива, у бражки все дружки»* [Даль, 1989, с. 253–256].

Факт того, что простой человек в дружбе бескорыстен, искренен, способен к самопожертвованию, а если случится, в ситуации выбора (уберечь своё или спасти дружбу) предпочтёт дружбу, констатирует паремия *«Хуть мае прападеть, учиню дружбу»* [Добровольский, 1894, с. 31].

Рассмотренные выше пословицы позволяют сделать вывод о том, что смоленский народ умел дружить и уважать настоящую дружбу, которая всегда выше материальных благ. В дружбе ценил искренность, самоотдачу и самоотверженность, предостерегал от предательства, коварства ненастоящих друзей.

2.9. Мужчина – женщина в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

В истории человечества веками существует традиционное противопоставление мужского и женского начала. Психологи, социологи, писатели, скульпторы, художники составляют психологические тесты, проводят социологические опросы, создают произведения искусства о мужчинах и женщинах, о силе мужчин и красоте женщин, их душевных организациях, мироощущениях. У каждого народа исторически сложились свои особенные и порой принципиально различные взгляды на суть мужского и женского начала, на роль мужчины и женщины, на то, какими они должны быть, на их предназначение в жизни. Наряду с понятием национальный характер можно говорить о понятиях национальный мужской характер и национальный женский характер. Антонимичные концепты Мужчина и Женщина являются в национальной языковой картине «константами культуры» [Степанов, 1997], а именно, концептами, которые известны и репрезентируются в народной паремиологии с глубокой древности.

В.Н. Добровольский выделил группы пословиц «Баба», «Мужикъ», используя редко употребляемые в наше время лексические единицы. Сейчас слова «баба» и «мужик» имеют сниженную окраску. Однако во времена создания сборника рассматриваемые лексемы широко употреблялись в живой разговорной речи смоленского крестьянина именно для квалификации мужчины и женщины. В толковом словаре В.И. Даля мужик – это, прежде всего, «простолюдин, человек низшего сословия, крестьянинъ, поселянинъ, селянинъ, пахарь, земледль, дѣлецъ – пашецъ, хлѣбопашецъ; тягловой крестьянинъ, семьянинъ и хозяинъ» [Даль, 1981, с. 357], баба – «замужняя женщина низшихъ сословій...» [Даль, 1981, с. 32]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова мужик – «в устах «господ» (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин» [Ушаков, 1994, с. 274–275], баба – «в устах «господ» (прежде) и в крестьянском быту – замужняя крестьянка» [Ушаков, 1994, с. 73]. При описании паремий о мужчинах и

женщинах «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского необходимо учитывать именно эти толкования.

Принципиальным фактом считаем количественное несоответствие паремий. Собиратель зафиксировал в группе Мужчина семь пословиц, в группе Женщина – двадцать восемь. Вероятно, такое несоответствие связано с тем, что женщина всегда находилась под пристальным вниманием окружающих, русский женский характер вызывал больший интерес в силу своей яркости и многогранности. Кроме того, это внимание было вызвано и очень строгим отношением к женщине в патриархальной семье: то, что позволялось мужчине, часто было не позволено женщине.

Отметим также другое сделанное наблюдение. Если в сборнике В.Н. Добровольского представлена, хоть и совсем не многочисленная, фразеосемантическая группа Мужчина, то в сборнике В.И. Даля отдельно выделенная группа пословиц и поговорок о мужчине отсутствует. Паремии со словом «мужик» встречаем в других фразеосемантических группах. Например, Баба – Женщина, Бог – Вера, Богатство – достаток, Богатство – Убожество, Былое – будущее, Вера – Грех, Воля – Неволя и др. [Даль, 1989].

Интересна неоднозначно толкуемая паремия *«Семь лѢтъ вари у котлѢ, вынь крючкомъ – и усе пахнутъ мужичкомъ»*, зафиксированная В.Н. Добровольским [Добровольский, 1894, с 61].

Варианты данной пословицы содержатся в сборнике В.И. Даля в группе Звания – Сословия: *«Мужика семь лет в котле варить»*, *«Сколько ни вари мужика, он всё сырым (сырьём) пахнет»* [Даль, 1989, с. 205].

Содержание паремий мотивировано образом, который обнаруживается в устном народном творчестве. Образ котла, купание в котле в русских народных сказках (например, «Конёк-Горбунок») связан с перерождением человека, с обретением нового облика, свежих сил, новых качеств. С одной стороны, пословица может восприниматься как ироничная критика мужчин. Жизненный опыт русского человека позволили прийти к умозаключению о безрезультатности так называемого «перерождения мужчин», о том, что русские мужчины по своей природе

неисправимы. С другой стороны, паремия может констатировать устойчивые положительные качества, приверженность мужчин своим понятиям, моральным установкам, негибаемость и твёрдость духа. Полагаем, значение пословицы зависит от контекста и ситуации, в которой она произносилась.

Согласно народному представлению мужчине, простому смоленскому крестьянину, много работающему физически, присуща глупость, невежественность, об этом паремия: *«Мужикъ глупъ на самый пупъ»* [Добровольский, 1894, с. 61]. В то же время, в пословице *«Мужикъ сЪбрь, да ня чортъ яво вумъ зЪБль»* отмечается, что деревенский мужчина, возможно, не образован, сер, груб, ограничен своим миром крестьянских дел и забот, но ему присущ зоркий ум, наблюдательность, предприимчивость, мужская хватка и сообразительность [Добровольский, 1894, с. 61].

Отметило народное мнение и отрицательные привычки мужчин, такие как, обжорство, тяга к спиртному: *«Мужикъ Ёсть ни патуль, пакуль пайдаить, а пакуль усё»*, *«Мужикъ ни сярдить: ни за што ни станить драцца – только плюнь у глотку»* [Добровольский, 1894, с. 61].

Данные паремии, как нам кажется, не стоит всё же трактовать как однозначную критику мужчины. Если обратимся к первоначальному значению слова мужик, к тому, что вкладывали в это понятие крестьяне XIX века, то толкование пословиц будет шире. Русскому мужчине приходилось много работать, чтобы прокормить свою семью; он понимал, что от его сил, его здоровья зависит стабильность и достаток в семье. Поэтому крестьянин всегда старался есть впрок и плотно, помня о том, что, возможно, завтра у него не будет времени пообедать. Вторая пословица фиксирует типичные качества смоленского крестьянина: его скромность, сдержанность, немногословность, миролюбие и незлобливость даже в самых неприятных конфликтных ситуациях, а также то, что все эти качества уходят на второй план, когда мужчина принимает спиртное. Выпивший человек становится совсем другим: разговорчивым, вспыльчивым, ему кажется возможным решение всех проблем, он смел и даже конфликтен.

Созерцательность и наблюдательность русского человека позволяли делать весьма тонкие наблюдения об особенностях мужчин и женщин, совпадающие с исследованиями современных психологов. В пословице *«Мужикъ глазамъ ня вЪрить, а захочить руками перва пащупать»* образ, положенный в основу паремии, восходит к древнему восприятию мира – к анимистическому мышлению человека, которое одушевляло и олицетворяло части тела (глаза, руки) [Добровольский, 1894, с. 61].

Психологи часто говорят о том, что мужчины – практики, они предпочитают самостоятельно убеждаться в достоверности каких-либо фактов, опираться на свой опыт, это и подтверждает мудрость смоленского крестьянина.

Обратимся к рассмотрению паремий фразеосемантической группы Женщина. Сопоставительный анализ паремий о женщине смоленского и общерусского сборников позволил выявить вербально и семантически совпадающие пословицы:

«Куды чортъ ни паспѣвить, туды бабу пашлетъ» [Добровольский, 1894, с. 1].

«Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет» [Даль, 1989, с. 309].

Пословица, зафиксированная в «Смоленском этнографическом сборнике», отражает особенности фонетического облика слов Смоленского края, характерного для того времени, когда был собран паремиологический материал. Данные паремии о загадочной силе женщины, её жизнестойкости, способности справляться с любыми трудностями. Отсюда и выражение «баба хуже черта».

«Бохъ сатваріу два зла: бабу и казла», «Ать бабы утикай, какъ ать чорта», «Ать чорта абаронисьтя хрястомъ, Богымъ, мальтвыю; – ать бабы и дубиный ни'тбаронисьтя», «У бабъ 72-ухъ – адинъ казиный духъ» [Добровольский, 1894, с. 1].

В основе общего значения данных пословиц представления о нечистой силе (чертях, леших, ведьмах, домовых и т. п.). Демоническая лексика употребляется в русских пословицах и поговорках с целью отрицательной характеристики человека, его поведения, качеств, привычек, которые объясняются влиянием нечистой силы.

Паремия *«Бабскія сѣни нїйдѣ ни стыять»* сборника В.Н. Добровольского эквивалентна паремии *«Бабьи хоромы недолго живут (стоят)»* общерусского сборника В.И. Даля [Добровольский, 1894, с 1].

Полагаем, что контекстное употребление определяет два значения. Прямое, предметное значение заключается в следующем: женщина шустрая и умелая работница, но она не владеет навыками строительства, поэтому то, что она построит, будет легко разрушено. Другое значение констатирует недолговечность женских слёз и страданий, а также то, что каждая девушка всё равно выйдет замуж, не останется одна.

Русский народ признавал невозможность жизни без женщины: *«Баба гадитца ни сяни, такъ у чатверьхъ»* [Добровольский, 1894, с 1].

Важно отметить, что пословицы о Женщине «Смоленского этнографического сборника» отличаются ярко выраженной оценочностью: отрицательной или положительной, ироничностью; в них прослеживается своего рода соревнование, игра «мужское – женское», традиционная для мироустройства.

Неподобающее поведение осуждалось всегда: *«У бабскимъ хвасту нѣтъ пасту»*, *«У распутный бабки двѣ ухватки»*, *«На што прясть, када салдаты дасть (о бабѣ дурного поведенія)»* [Добровольский, 1894, с 1].

В пословицах отмечаются другие женские качества: хитрость (*«Баба хитрѣй чорта»*), *«Ня вѣрь лошади у дарози, а баби у дварѣ»*), женское многословие (*«Ниткаха, ни пряха, а языкъ, якъ плаха»*), эмоциональность, склонность к ссорам (*«Зачапи хто бабу, дакъ ина языкомъ паганья карыта уложитъ (или: зъ грязью змѣситъ)»*) [Добровольский, 1894, с. 1].

Вышеуказанным паремиям синонимичны пословицы и поговорки общерусского сборника В.И. Даля, отмечающие типичные черты женского характера: *«Бабья вранья и на свинье не объедешь»*, *«Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь»*, *«Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей»*, *«Бабий язык, куда ни завались, достанет»*, *«Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке»* [Даль, 1989, с. 307–308].

В то же время в поговорках смоленский народ признаёт силу женского характера, умение достигать желаемого: *«Баба увесь свѣтъ пириварнула бѣ, взявши за кальцо, када бѣ яе сила»*, *«Бабья хамутина увесь свѣтъ памутила»* [Добровольский, 1894, с 1].

Создаётся довольно яркий и колоритный образ смоленской женщины-крестьянки: женщины с характером, с настроением, целеустремлённой, волевой и сильной. Вспоминается героиня Отечественной войны 1812 года крестьянка Сычѣвского уезда Василиса Кожина, организовавшая отряд народных партизан из женщин, девушек и подростков, которые уничтожали отряды французов. Безусловно, такие реальные примеры героических женщин способствовали формированию представлений о русской женщине («русской бабе»), которая и «коня остановит» и даже армию врага победит, и это, разумеется, нашло отражение в народной фразеологии.

Народ говорил о том, что женщина способна не только приумножать и сохранять семейное богатство, но и вести дела не по-хозяйски, необдуманно: *«Дворъ бабыю наживаица и зживаица»* [Добровольский, 1894, с. 1].

Женщина-крестьянка часто принижалась при патриархальном укладе жизни, но без её труда нельзя было обойтись: *«Баб тада людями завуть, якъ у поля идуть»*, *«Якъ начнутъ рожь жать, тада бабѣ людями звать»* [Добровольский, 1894, с 1].

В этих многозначных, многогранных поговорках видим и отношение к женщине, и одновременно оценку этого отношения. Женщин не берегли, не принимали их физическую слабость и хрупкость, данную природой. Вспоминаются общерусские пословицы *«Курица – не птица, женщина – не человек»*, *«Кобыла не лошадь, баба не человек»*, *«Баба не квашня, встала и пошла»* [Даль, 1989, с. 307–308].

Можно сказать, что женщина дискриминировалась в какой-то степени как человек. Однако женщин всегда привлекали к сезонным физическим работам (сенокос, уборка урожая и так далее). Без женского трудолюбия, сноровки, азарта в

работе вряд ли бы так успешно шли все дела. Умение работать ценится окружающими; труд облагораживает, позволяет называться человеком.

Среди черт женского характера смоленские крестьяне, как и русский народ в целом, отмечали непостоянство, сложность и загадочность женского характера, свойственные только женщине черты:

«Бабскія забобоны» [Добровольский, 1894, с 1].

У диалектизма *«забобоны»* отмечены такие значения: 1. суеверные приметы, суевирия; 2. болтовня, пустословие [ССГ, Вып. 4, 1985, с. 37].

«На женский норов нет уладчика», «Ещё тот не родился, кто бабий норов узнал», «На женские прихоти (причуды) не напасёшься», «Женских прихотей не перечтёшь», «Девичьи (женские) думы изменчивы», «Пока баба с печи летит, семьдесят пять дум передумает» [Даль, 1989, с. 307–308].

Таким образом, проведённый анализ паремий фразеосемантических групп Мужчина – Женщина позволяет прийти к выводу о том, что мужчина часто являлся объектом критики в сознании смоленского народа, к нему было сформировано и уважительное, и слегка ироничное отношение. Женский часто противоречивый, многогранный и яркий характер привлекал большее внимание. Оценочность рассмотренных паремий позволяют считать, что авторами пословиц о мужчинах были женщины, о женщинах – мужчины. Давая яркую положительную или отрицательную оценку, критикуя или восхваляя, народ типизировал, отмечал наиболее яркие черты мужчин и женщин.

2.10. Семья – брак в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

История существования семьи насчитывает многие тысячелетия. Что такое семья? Является ли она необходимостью в жизни? Какие взаимоотношения внутри семьи правильны? Все эти и ещё много других вопросов волновали людей в прошлые эпохи, актуальны они сегодня. Каждое поколение постигает смысл и суть семейных отношений по-своему. В настоящее время мы наблюдаем новое

отношение к понятию семья: не удивляют общество так называемые «гражданские браки», молодые люди всё больше стремятся к свободе и независимости. Следует ли принимать такое понимание семьи, или, быть может, нужно найти новые идеалы, а быть может, правильно обратиться к прошлому, к нашим предкам? Безусловно, одним из источников ответа на многочисленные вопросы, источником традиций и уроков прошлого является народная паремиология.

Паремии о Семье широко представлены в «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского [Добровольский, 1894]. Во фразеологическом материале запечатлены различные аспекты жизни семьи. Мы обнаруживаем следующие фразеосемантические группы: Семья – Один, Холостой – Женатый, Брак, Муж – Жена, Невеста, Невестка, Родитель, Дитя, Мать, Мать – Жена, Отец – Мать – Тёща, Отец – Мать. Считаем, что анализ паремий этих групп в рамках фразеосемантического блока Семья позволит воссоздать общую картину отношения смоленского народа к семье, семейным ценностям.

Для удобства описания имеющиеся группы целесообразно объединить во фразеосемантические блоки, которые характеризуют внутрисемейные взаимоотношения и родственные связи. В первый блок включим группы Семья – Один, Холостой – Женатый, Брак, Невеста, Невестка, Муж – Жена, паремии которых характеризуют взгляды смоленского крестьянина на создание семьи, брак. Во втором блоке объединим группы Родитель, Дитя, Мать, Мать – Жена, Отец – Мать – Тёща, Отец – Мать, Отец – Дети, Отец – Сын, Сын – Дочь.

Достоинства и недостатки, сложности семейной и одинокой жизни констатируют паремии группы Семья – Один. Одиноким человеком в народном понимании считался человек без родных, оставшийся совершенно один: «У мяне толька радни, што лапти адны», «Застался адинъ, якъ персть, якъ памятникъ» [Добровольский, 1894, с. 106]. Такому человеку сочувствовали, такого человека жалели.

Отсутствие обязательств, проблем, связанных с семьёй, могли внушить человеку, что свобода – это счастье и спокойствие, однако в следующих паремиях мы видим противоположное: «Аднаму харашо кашу кулупать», «Адинъ ни себъ слуга, ни Богу раба» [Добровольский, 1894, с. 105].

«Аднаму дарожка торна, да дарожка ня спорна» [Добровольский, 1894, с. 105]. В словаре В.И. Даля «торный» – гладкий, ровный, наезженный [Даль, 1981, с. 564]. Пословица наполнена щемящим чувством тоски и отчаяния. Одинокий человек – это неприкаянный и несчастный человек, не находящий себе места в жизни, не имеющий поддержки.

Особенно оговаривается одинокая жизнь мужчины – «Адинокому мужику, якъ курицы: идъ Ѣ ни капануѣ, дакъ и уклюнуѣ» [Добровольский, 1894, с. 106]. Холостой мужчина лишён домашнего тепла и уюта, у него нет привязанности, сегодня он тут, завтра – там.

Однако народ отмечал, что один человек может сделать очень много как хорошего, так и плохого: «Адна душа сто душъ кормить», «Адна душа сто душъ морить», «Адна душа пракормить и угалодить» [Добровольский, 1894, с. 105].

Тему семейной и холостой жизни мужчины продолжают паремии немногочисленной группы Холостой – Женатый, в которой В.Н. Добровольский объединил пословицы, построенные по принципу противопоставления холостого и женатого мужчины с использованием ярких образов-сравнений. В двух пословицах такое противопоставление показывает преимущества холостого мужчины: «Халостый – парнишка простый: якъ сокыль у поля лятить, а жинатый – молыдиць праклятый: за имъ жонычка смотрить, дробны дъ Ѣтушки бижать», «Двухъ варонъ стоишь; а женисться – ни аднэй ня будишь стоить» [Добровольский, 1894, с. 130].

Использование образа сокола подчёркивает свободу человека, не связанного узами брака, женатый же человек – это всегда ответственность за семью, детей. Паремия «Сидить халостый, якъ пёсь бязхвостый; сидить жинатый, якъ панъ багатый», построенная на сопоставительных образах, о женатом человеке говорит как о богатом и счастливом [Добровольский, 1894, с. 130].

Встречается пословица, которая с иронией характеризуют беспечную жизнь одинокого человека: «Идна галава ни бидна: лехъ – сагнуѣся, устаѣ – стрипянуѣся» [Добровольский, 1894, с. 106].

Человека без семьи никто не упрекает, он предоставлен самому себе, своим желаниям, он сам себе начальник, все испытания он встречает и переносит быстро и легко.

Всё же традиционным, Богом установленным порядком была жизнь в семье: «Съ сямейкый атъ Бога украдишь», «Съ сямейкый и Богу намолисься» [Добровольский, 1894, с. 106].

Все горести и радости, данные Богом, человек делит со своими родными людьми. «Адна рада хараша, двѣ, три – луччій» – чем больше родных людей, тем больше семейное тепло и счастье [Добровольский, 1894, с. 106]. «Лишиній чилавѣкъ у сямѣ ѣ – ня згуба» («згуба» – гибель, пагуба) – большие семьи не пугали крестьян, наоборот, считались подарком и богатством [Добровольский, 1894, с. 106]. За каждым членом многочисленной семьи были закреплены свои обязанности (кто-то готовил обед, кто-то следил за маленькими детьми, справлялся по хозяйству и т. д.), и каждый чувствовал свою значимость. Общие заботы и хлопоты, работа, время, посвящённое семье, – всё это объединяло родных людей. В группу Семья – Один этнограф включил также поговорку «На адно кусало семь сербалыў», содержание которой позволяет судить о сложностях, существовавших в больших крестьянских семьях, о том, что порой очень сложно было вдоволь накормить всех домочадцев [Добровольский, 1894, с. 106].

В поговорке «Идна галаўня ни гарить и ни гаснить: стукни яе – ина пыхъ, пыхъ – и пагасла» обнаруживается коллективный дух русского народа: один человек мало что может сделать, после него ничего не останется. «Адинъ зъ ѣшь хуть вала – усё одна хвала» [Добровольский, 1894, с. 106].

В настоящей семье всё делили поровну: «Персть лизни адинъ, а другому дай», «Што аднаму, то и другому» [Добровольский, 1894, с. 106].

Однако были и исключения, которые осуждались. Случались в больших семьях и ссоры, ведь у каждого свой характер и настроение. О них поговорка – «У трехъ больши брѣхъ» [Добровольский, 1894, с. 106]. Особенно осуждались едино-

личие, жадность в кругу родных людей: «*Када хто атъ сямьѣ Ъсть асобинна, чортъ стаить надъ тымъ съ разинутый пастью*» [Добровольский, 1894, с. 106].

Народ был убеждён, что трудности и все жизненные невзгоды гораздо проще вынести вместе: «*Хуть малинькую крошичку, хуть ар Ъхавыю зярёнышку, да усею сямейкыю – Гаспотъ и спарить*» [Добровольский, 1894, с. 106].

Пусть трудно, пусть чего-то не хватает, но есть «всё», и «всё» – это семья. Главное, чтобы Бог подарил человеку семейное счастье. Скромность и сдержанность простого человека не позволяли выносить из семьи проблемы и тайны. Святость семьи была необсуждаема – «*Хуть душу загуби, а изъ сваей сямьѣ ни выноси*» [Добровольский, 1894, с. 106].

Рассмотрим паремии довольно многочисленной фразеосемантической группы Брак. Народ не сомневался в необходимости создания семьи, молодых девушек предостерегали особенно: «*Жистъ бязъ мужа – паганая лужа*», «*Якъ ни трипячись баба, жистъ бязъ мужа – паганая лужа*» [Добровольский, 1894, с. 7].

Считалось, что «остаться в девках» гораздо хуже и труднее, чем жить с плохим мужем: «*Хуть съ худымъ мужимъ, а бязъ мужа хуж Ъй дужа*» [Добровольский, 1894, с. 7]. Ироничную оценку содержит паремия «*Мужичекъ хуть съ кулачекъ, дакъ мужикова жонка: за яго завалюсь, никога ни баюсь*» [Добровольский, 1894, с. 7].

Нередко девушки выходили замуж без любви, по наставлению, или просто, чтобы избежать народного осуждения: «*Вышла замужъ, штобъ покрыть галаву*» [Добровольский, 1894, с. 8]. Как известно, замужняя женщина отличалась от незамужней тем, что носила платок.

Значение паремии «*Хуть за казла да запаўзла*», как нам кажется, обусловлено ситуацией, в которой она употреблялась [Добровольский, 1894, с. 7]. Во-первых, её могла использовать замужняя женщина в разговоре с незамужней женщиной как своеобразное «хвастовство»; во-вторых, паремия могла быть ироничным осуждением женщины, которая мечтает во чтобы то ни стало выйти за муж, не важно, за кого, главное – не остаться одной. «*Хуть за плута, дакъ тута*»

– данная паремия свидетельствует о том, что девушки чаще всего выходили замуж за парней из своей деревни или соседних, но не очень далеко от дома [Добровольский, 1894, с. 7].

В отличие от молодых людей XIX века сегодняшняя молодёжь не спешит ограничить свою свободу ранним браком. Браки прошлого столетия заключались достаточно рано: *«Атдали замужь-се гала, се мала, се цыцокъ н Ъту»*, *«Када изъ андарака д Ъўка выскачить, то и знать, што замужь нада идить»* [Добровольский, 1894, с. 6]. Родители ещё до свадьбы подбирали («присматривали») своим детям будущего мужа / жену. *«Андараком»* называли сарафан или юбку из домо-тканного сукна [ССГ, Вып. 1, 1974, с. 75–76]

Смоленские крестьяне говорили о том, что лучше всего выдавать девушку замуж как можно раньше *«Када д Ъўка у пар Ъ, ни дяржи яе у двар Ъ»* [Добровольский, 1894, с. 7]. Считалось, что в юном возрасте девушка податливее, её легче приучить к традициям и правилам новой семьи, она раньше обретёт мудрость семейную: *«Сжаўши пышаничку зилян Ъй, ина мушн Ъй, д Ъўку атдаўши малажсей, ина вумн Ъй»*, *«Жни пашаничку зазелена, атдавай д Ъўку замалада»* [Добровольский, 1894, с. 8].

Проведённая с природой параллель, сравнение молодой девушки с пшеницей определяет значение паремии. Самый вкусный, свежий и ароматный хлеб получается из здоровой и молодой пшеницы, так и из молодой девушки получается замечательная и умная хозяйка дома.

«Дявоцкй в Ъкъ карочи: замужимъ даўжсей в Ъкъ» – молодость мимолётна и коротка, девушкам нужно успеть выйти замуж, не упустить этот момент [Добровольский, 1894, с. 8]. Однако народ успокаивал тревогу девушек: *«Бабскія с Ъни нйд Ъ ни стыять»*, ни одна девушка не останется в одиночестве, незамужней. Следует отметить, что данную паремию мы обнаруживаем также во фразеосемантической группе Женщина [Добровольский, 1894, с. 7]. Этот факт подтверждает важную особенность пословиц и поговорок – их многоплановое содержание, все-

стороннее освещение фактов действительности, взаимосвязь и взаимовлияние жизненных явлений и понятий.

О том, какой должна быть девушка (будущая невеста) в народном представлении, говорят паремии отдельно выделенной В.Н. Добровольским группы «НевѢста». Её описание в данном контексте и на данном этапе нашего исследования, считаем, необходимо для более полного воссоздания нравственных устоев, взглядов жителей смоленской деревни той эпохи. Какие же качества молодой девушки ценили простые люди? В каждый исторический период складываются свои идеалы женской красоты. Современные девушки активно следят за модой, своей фигурой, порой жертвуя своим здоровьем, поскольку существует «модельный» стереотип красоты, который навязывается молодёжи телевидением, шоу-бизнесом. В XIX веке всё было иначе. Такие идеалы были незнакомы крестьянским девушкам, жизнь которых ограничивалась своей деревней. Представления о женской красоте были совсем другими. Смоленский народ говорил: *«Во дѢвка – такъ дѢвка: якъ рѢпка падласая», «ДѢчуга слаўная: хуть таўкачомъ, дакъ іось на чомъ»* [Добровольский, 1894, с. 64].

В Словаре смоленских говоров обнаруживаем диалектизм «подласица» с указанным значением «ласка» [ССГ, Вып. 8, 1998, с. 117]. Можем предположить, что «подласая» девушка – это ласковая девушка.

Красивая невеста – это, прежде всего, здоровая и крепкая невеста. Жена – это помощница в семье, мать будущих детей, поэтому она должна быть здоровой и сильной физически, готовой к тяжёлой работе, к рождению детей. Отсюда параллель с «таўкачомъ» – паровозом. «Толкач» в словаре В.И. Даля – «добавочный локомотив в хвосте поезда или самоходное судно, толкающее баржу» [Даль, 1981, с. 548].

Ум девушки ценился не меньше красоты, а даже больше: *«Красату ни лизать, а ума ни привизать: дай Бохъ, штобъ свой былъ», «Была бѣ у ляди, а ни ў наряди»* [Добровольский, 1894, с. 64].

Красота и наряды важны первое время, для семейного счастья этого мало. Девушка должна быть не столько красивой, сколько умной, чтобы быть советчиком своему мужу, его опорой.

Некрасивую, плохую, глупую, болтливую неподходящую жениху невесту, которая не пришлась в семье, ярко характеризуют следующие поговорки: «*Дявочча, якъ сарочча*» («сарочча» – сорока), «*Ни къ столу, ни къ полу*», «*Ни на рѣпки натинка, ни пу парню дяўчинка*» [Добровольский, 1894, с. 64].

Широко распространённой и часто употребляемой в наше время является поговорка: «*Ни зъ кожи, ни зъ рожки*» [Добровольский, 1894, с. 64]. О болтливой, неумелой, не подготовленной к семейной жизни девушке поговорка: «*Ни ткаха, ни пряха, а языкъ якъ плаха*», которую мы также обнаруживаем во фразеосемантической группе Женщина [Добровольский, 1894, с. 1, с. 64].

Народ придавал большое значение не только внешности девушки, но и тому, как она ведёт себя в общении с другими, а потому о девушке, которая не умеет хорошо вести себя в разговоре с людьми, говорил: «*Ни рячей, ни вачей*» [Добровольский, 1894, с. 64].

В поговорке «*Што бабыльская дачка, што прудницкая свинья*» прослеживается отношение к девушке, которая выросла без матери [Добровольский, 1894, с. 64]. Народ считал, что она многому не обучена, многого не умеет, а значит, не может быть хорошей хозяйкой в семье.

О девушках, мечтающих быстрее выйти замуж, но совершенно не готовых к этому, поговорка: «*Замужъ, якъ у дымъ, а работать ни знаить*» [Добровольский, 1894, с. 65].

В рассматриваемой группе этнограф зафиксировал следующие строки:

«Расти, каса, да пауса,

Ня вырани ни валаса;

Таб ъ женишекъ;

Таб ъ Иванька,

А мн ъ баранька». [Добровольский, 1894, с. 64]

Их могли говорить взрослые женщины в качестве пожелания молодым девушкам при расчёсывании волос.

Интересна и показательна следующая поговорка: *«Бохъ блюди няв Ёсту къ свекыру да къ свякрови атдавать: усё свае»*. На родителях, которые воспитывали девочку, лежала большая ответственность, ведь они растили будущую невестку для новой семьи, свёкров [Добровольский, 1894, с. 64]. От того, какой хозяйкой будет их дочь, как хорошо она усвоит законы семейной жизни, зависело, понравится ли девушка свёкрам, а также мнение односельчан об их семье. *«Ближій кума – болій греха, далій кума – меній греха (говорится и объ замужестве Ё: дальше отдать дочку, хоть не видишься съ нею, меньше ссоръ съ новой родней; въ собственномъ смыслъ Ё говоритъ поговорка: «Съ ближней кумой скоръ Ёй поругаешься, дойдешь до гръ Ёха» – а съ кумой браниться гръ Ёшно)»* [Добровольский, 1894, с. 64].

В этих поговорках обозначена существовавшая ещё в XIX веке проблема взаимоотношения семьи невесты и семьи жениха. Разные семьи – это совершенно разные семейные традиции и порядки, нравы, значит, неизбежны конфликты и ссоры.

В этой связи целесообразно проанализировать фразеосемантическую группу «НевЁстка», в которую В.Н. Добровольский включил десять поговорок и поговорок. Взаимоотношения невестки со свёкрами складывались порой очень нелегко. Естественно, что к новому человеку в семье были особые требования. Молодая жена, покинув родительский дом, попадала в новый для неё мир со своими традициями и законами. Чтобы приспособиться к жизни в чужой семье, заслужить уважение и признание родных мужа, девушке приходилось принимать новые правила и порядки, *«наравить»* – подстраиваться под новую семью: *«У чужихъ людяхъ жить – чужимъ людямъ наравить»*, *«Ни дай Бохъ зятній хл Ёбъ Ёсть»* [Добровольский, 1894, с. 65].

Люди говорили: *«Зять любить с приносимъ, а ня с голымъ носимъ»* [Добровольский, 1894, с. 65]. В новую семью невестка приходила с приданым, которое

семья девушки готовила заранее. Чем лучше и богаче было приданое, тем радушнее принимали девушку и быстрее её признавали.

Молодой жене, которая привыкла к свободе, к родительской заботе и ласке, первое время было очень сложно принимать новую жизнь. Порядки, какие-то привычки хоть и основывались на общих русских традициях, но были разными во всех семьях. В одном доме, например, готовят кислые щи, в другом – зелёные, в этом доме картофель сажают в мае, а в том – в июне и т.д.

В первые годы жизни в молодой семье часто возникали сложности именно во взаимоотношениях между молодой женой и матерью мужа. Конфликты между свекровью и невесткой – это извечная проблема семейных отношений, существует она в настоящее время, существовала она и в крестьянских семьях XIX века. Когда мужчины уходили на заработки, на работу в поле, в лес, невестка оставалась дома со свекровью заниматься домашним хозяйством. И, конечно, она в виду своей неопытности, волнения допускала ошибки, которые непременно замечались. Часто девушке очень сложно было угодить главной хозяйке в доме: *«Свякрови ни упякешъ, ни уваришьъ»*. О свекрови также говорили: *«Ета ни свякрова, што за плычами скрипитъ, а то свякрова; што у грудяхъ хрипитъ»* [Добровольский, 1894, с. 65].

Строгая и пристально внимательная свекровь часто грубо выражала своё недовольство. Достаточно жестокое и циничное содержание паремии *«Слава табъ Ъ, Божя, што свякрова пумирла: буду вирятенцы напридать и свякровушку пуминать»* позволяет нам лишь предполагать, как морально тяжело девушке приходилось в семье мужа под вечным контролем хозяйки дома [Добровольский, 1894, с. 65].

Народ также считал, что не уживаются в одном доме две молодые хозяйки, две невестки (жёны сыновей): *«Няв Ъстка няв Ъстки плахей друхъ»*, *«Адна няв Ъстка сведина съ барку, а другая съ вирку: у ихъ плахоя сагласія»* [Добровольский, 1894, с. 65].

Молодость, желание быть первой и лучшей, стремление завоевать большее уважение родителей мужа, вызывали соперничество девушек и их ссоры. Семья мужа всё равно не могла заменить девушке родного дома: *«Свекрырь – ня родный батька»* [Добровольский, 1894, с. 65].

Вернёмся к описанию пословиц и поговорок фразеосемантической группы Брак. Народ предупреждал, что женитьба – очень важный шаг, поэтому необходимо совершать его обдуманно и осознанно: *«Жанитьба ни лапыть: зь наги ня скинись»* [Добровольский, 1894, с. 8]. Печальный опыт замужества, семейных отношений нередко приводил к разочарованию, а потому люди советовали: *«Не завязывай сваю галаву!»* [Добровольский, 1894, с. 8].

Разводы были редкостью, но всё же они случались. Существовало мнение, что неудачи в браке происходят по определению судьбы, что на всё есть воля Божья: *«В Ёнчалъ Бохъ и разв Ёнчалъ Бохъ. (Расходы совершаются, какъ и свадьба, по определению судьбы)»* [Добровольский, 1894, с. 9].

О несчастливых и сложных браках говорили: *«Кала гары, гары, пунадай у тэя жа двары (о несчастливыхъ бракахъ)»*, *«Году ни пажили (объ неудачной свадьбѢ)»*, *«Инь у виру, а анна на калу (Объ супругахъ, находящихся въ расходѢ)»* [Добровольский, 1894, с. 9].

В Словаре смоленских говоров «вир» – это омут, водоворот [ССГ, Вып. 1, 1974, с. 56].

В современной литературе о создании семьи психологи выделяют и характеризуют этапы семейной жизни, дают советы по предупреждению и решению семейных проблем. Примечательно, что многие советы мы обнаруживаем ещё в XIX веке. Ярким примером являются пословицы и поговорки сборника В.Н. Добровольского. Народ говорил, что нормальным и ожидаемым явлением после свадьбы на первых порах была ссора молодых: *«На первымъ схаду быки дяруцца (время ссоры молодыхъ скоро слѢдуетъ послѢ свадьбы)»* [Добровольский, 1894, с. 8].

В народном понимании это естественное и обычное явление, ведь идет процесс узнавания и привыкания друг к другу. Важный срок совместной жизни – три года (*«Три года маладыхъ кароста точить, три года на маладыхъ сабаки брешуть, три года люди судють»*) [Добровольский, 1894, с. 7].

Люди XIX века, как и современные психологи, отмечают, что три года семейной жизни – это кризисный этап. Считалось, что всё это время продолжаются ссоры и неурядицы в семье. Общество же, наблюдая за молодыми, оценивало будущее семьи. Говорили, что если молодые люди переживают сложный период и не расходятся, то семья будет жить дальше. *«По истеченіи девяти лѣтъ женихъ и невѣста становятся супоўные люди»* – именно за девять лет муж и жена, пережив ссоры и испытания, становятся по-настоящему близкими и родными людьми [Добровольский, 1894, с. 7]. Любовь супругов меняла свои качества, перерождалась, становилась не такой хрупкой, крепла.

Во фразеосемантической группе Брак обнаруживаем паремии, связанные со свадьбой и свадебными традициями. Русский народ много работал, одной из возможностей отдохнуть и повеселиться были, конечно же, свадьбы, на которых гуляли дружно всей деревней. Случались иногда «времена свадеб на деревне», одна свадьба следовала за другой: *«Ноничи свадьба, заўтри свадьба – свадьбы жить ни дадутъ»*, *«Все ѣдная крутила – усё свадьбы крутить»* [Добровольский, 1894, с. 7].

Застолье длилось несколько дней, нужно было доестъ все приготовленные угощения: *«Посли свадьбы дружкоў многа»* [Добровольский, 1894, с. 9].

Русские люди умели и работать, не жалея сил, и веселиться от всей души и долго. Это одно из проявлений широкой русской души. Непременным сопровождением свадьбы были песни: *«Свадьба слаўна п ѣсними, хаўт `уры – вытн `ицами»* [Добровольский, 1894, с. 7, с. 109]. Приведённая паремия зафиксирована исследователем также в группе пословиц Смерть, так как отражает и похоронный обычай петь поминальные песни. Ни одна свадьба не проходила без драк, которые были

своеобразным атрибутом: «Свадьба бизь драки ни приходить», «Якъ завядетца на свадьби ссора – суцйй кулешь» [Добровольский, 1894, с. 8].

«Кулешь» – жидкая каша, отсюда параллель с общерусским фразеологизмом «заварить кашу», т.е. создавать, а потом исправлять возникшую ситуацию. О существующем в деревнях и в наше время обряде паремия: «Зайца ни'ткидай – будишь жонку аткидать» [Добровольский, 1894, с. 9]. Этот обряд заключался в следующем: когда жених с родственниками и друзьями подъезжали к дому, дорогу им преграждали люди с хлебом-солью, прося выкуп – угощение за невесту; если жених давал плохой выкуп или отказывался его платить, то, по мнению народа, отношения с женой у него не сложатся.

Святость брака у крестьян, серьёзное отношение к созданию семьи нашли отражение в сложных и многозначных свадебных обрядах и обычаях, приметах. В группе Брак мы обнаружили ряд паремий, содержание которых позволяет считать их, главным образом, приметами, связанными с деревенской свадьбой. Крестьяне события своей жизни сопоставляли с временами года, с природными явлениями. Считалось, что хорошим знаком, предвестником семейного счастья является дождь в день свадьбы: «Дождь во время свадьбы – хорошая примѣта» [Добровольский, 1894, с. 9]. Дождь воспринимался как очищающая и благодатная сила.

В наше время самым излюбленным и красивым временем года для свадеб считается лето, но в XIX веке смоленский народ думал иначе. Будущее молодых, играющих свадьбу в сезон сенокоса, в летнюю пору, когда у крестьян было больше всего работы, по их мнению, было обречено на несчастье: «Ионь ажаниуся танды, якъ люди сѣна касили (о несчастной свадьбѣ)», «Хто лѣтымъ женицца ня быть дабру» [Добровольский, 1894, с. 9].

Запретным днём для свадьбы у смоленского крестьянства была суббота: «Пашла бѣ замужъ, да субботы баюсь: суббота гразна», чего мы совсем не обнаруживаем сейчас [Добровольский, 1894, с. 7]. Включены в группу пословиц о браке паремии «За три нядѣли конь чуить свадьбу», «Када свадьбѣ нѣту, кама-

ры за Ђдають; свадьбы сильныя – камары смиръныя», в которых также содержатся народные приметы [Добровольский, 1894, с. 7, с. 9]. Крестьянская жизнь – это жизнь в гармонии с природой, ориентированная на времена года, потому свадьбы были богаты различными приметами, часто связанными с природой. В наше время эти приметы уже не всегда известны людям.

Важным этапом свадьбы было сватовство. От его успеха часто зависело, состоится свадьба или нет. Если сватов встречали в доме хорошо, если жених нравился родным невесты, то сватам предлагали угощение, об этом паремия: *«Свату либо первая чарка, либо первая палка»* [Добровольский, 1894, с. 7]. Бывали случаи, когда сватов не принимали в доме невесты: *«Сваты кали ноги касматы, а кали гладки, то забирайтись падъ грядки»* [Добровольский, 1894, с. 7]. О плохом женихе говорили: *«За Яго (Плахова жиниха) идить – день тратить – тога дня велій пароботать»*, плохой и неумелой невесте – *«Плахимъ лычкымъ звязана да звязана»* [Добровольский, 1894, с. 8].

В Словаре смоленских говоров *«лычка»* – это пучок или лапотъ из лыка [ССГ, Вып. 6, 1993, с. 65]. Плохая невеста сравнивалась с лаптем или рогожей, которые были связаны из плохого лыка.

Другой предсвадебной традицией были взаимные посещения родителей невесты и жениха, которые проходили после сватовства: *«Няд Ђлю свякры. Няд Ђлю снашны»* [Добровольский, 1894, с. 7].

Жизнь человека XIX века проходила по установленному и всеми принимаемому порядку: рождение – крестины – свадьба – смерть. Этот жизненный путь, эти жизненные вехи считались естественными, закономерными и необходимыми для каждого человека, а потому смоленский народ желал: *«Дай Бохъ разъ жанитца, разъ крястится и разъ умираеть»*, то есть жить в естественной гармонии с природой [Добровольский, 1894, с. 8].

В судьбе каждой девушки замужество было самым важным этапом жизни. К замужеству и семейной жизни девушку готовили с детства. Девушек с ранних лет учили смирению и повиновению, им внушали, что основой семейного счастья

и покоя в доме в большей степени является их умением слушать мужа, уступать ему. Взаимоотношения жены и мужа являются центром семейной жизни. Поэтому рассмотрим фразеосемантическую группу «Мужь – Жена», состоящую из сорока двух паремий.

Открывает список пословиц и поговорок о муже и жене общерусская поговорка «*Мужь да жена – идна сатана*», которая широко употребляется и в наше время [Добровольский, 1894, с. 60]. В словаре Д.Н. Ушакова слово сатана означает: «Бранное слово, то же, что чорт во 2 знач. (простореч.)» [Ушаков, 1940, с. 53–54]. Муж и жена, их противостояние жизненным трудностям, вызовам и ударам судьбы ассоциировались в языковом сознании народа с образом сатаны. Совместная семейная жизнь спланивала мужа и жену, делая их по-настоящему родными людьми, делая их единым целым, «похожими».

В истории насчитываются целые столетия борьбы женщин за свои права. В прошлом те времена, когда женщина занималась только домашним хозяйством. Современные женщины стремятся к свободе и независимости. Они занимаются спортом, наукой, бизнесом, политикой, становятся президентами, летают в космос, как и мужчины. То есть в наши дни женщина доказала, что может не хуже, а порой и лучше мужчин, решать сложные вопросы. Женщина XIX века была зачастую ограничена в правах и возможностях. Крестьянская жена была главным образом помощницей в тяжёлых трудах мужчины и домашнем быте.

«Слушай, дуброва, што л Ёсь шумить», «Выши ўба глаза ня ходють», «Ясли къ лашадямъ ня ходють, а лошади къ яслямъ – такъ и мужь къ жан Ё ня ходить», «Глава на церькви хараша, а хрёсть луччій», «Святить бы ясёнь м Ёсиць, а зв Ёзды хуть бы и пунадали», «Святить бы ясёнь м Ёсиць, а зв Ёзды трипитать будуть» [Добровольский, 1894, с. 60].

Из перечисленных пословиц понятно, что в крестьянской семье главой семьи был муж, женщина же была вынуждена слушаться мужа. Отсюда образные параллели: муж – это «лес» (он выше и сильнее), жена – «трава» (она ниже и слабее); муж – «лоб» (умнее), жена – «глаза» (всюду следовать за мужем); муж –

«крест», жена – «голова» на церкви; муж – «месяц», указывающий правильный путь, направляющий женщину, жена – «звёзды». Народ считал, что быть «глазами» мужа, «звёздами», освещающими путь месяцу (мужу) – это природой установленное предназначение женщины. Такое понимание семейных взаимоотношений обращено к одной из христианских заповедей: *«Да убоится жена мужа»*. В Библии сказано, что женщина создана после мужчины, значит, сам Бог определил роль женщины в жизни мужчины, жена должна подчиняться мужу как Создателю.

Патриархальные устои и традиции XIX века часто угнетали и поработали женщину, судьба многих была очень сложной, даже несправедливой. Женщина не имела возможности сделать что-то против воли мужа. Именно таким отношением к женщине как к человеку, не имеющему свободы, права голоса и выбора, объясняется мужское насилие в семье. Об этом паремии: *«Хто жаны ня бьетъ – тэй и домымъ ни живетъ», «Тылян`о, тылян`о , будь саян`о! При Ёдитъ мужикъ съ торгу, набьетъ баби морду»* [Добровольский, 1894, с. 60].

«При Ёхаль мужикъ съ торгу и набьетъ баби морду» [Добровольский, 1894, с. 60]. Поднимать руку на женщину было в семьях часто правилом, которое позволяло поддерживать мужской авторитет. Народ признавался, что были случаи смерти женщины от руки мужа: *«Пушка – жигушка, аживи жанушку! (Мужикъ зас Ёкъ сварливую жену и потомъ обращается съ просьбой къ кнуту своему)»* [Добровольский, 1894, с. 61].

Часто жители деревни знали, в какой семье женщине приходится терпеть жестокость, но сделать ничего не могли, поскольку вмешиваться в семейные ссоры не было принято даже родным: *«Мужикъ съ жаной бись – дяришь, а родный прамезъ ихъ ни уступайся»* [Добровольский, 1894, с. 60].

Душа русского мужчины противоречива, в ней странным образом уживались и мягкость, сентиментальность, и жестокость по отношению к жене: *«Люби Жану какъ душу, а тряси, какъ грушу»* [Добровольский, 1894, с. 60]. Не всегда такая жестокость оправдывалась народом, существовало противоположное мнение:

«Мужъ жану ударить – яго черти ударюць, а жана мужа ударить – Бохъ здо-роўя прибавить» [Добровольский, 1894, с. 60].

Бог всё равно на стороне слабой женщины, а мужчина будет наказан за свою жестокость. О своей тяжёлой доли женщина с чувством усталости и отчаяния говорила: *«Ня стольки зь мужимъ нагастилась, што накастилась. Мая-то дура в Ёшина»*, ругая себя за то, что вышла замуж [Добровольский, 1894, с. 61].

Живя, возможно, с нелюбимым, терпя грубость и неуважение мужа или его семьи, тоскуя по родной семье, лишившись свободы, девушка часто не выдерживала. Нередко, выплакав много слёз, она обращалась за советом к матери. Но всегда ли она получала хороший совет и поддержку?... Об этом мы можем узнать из сохранённого В.Н. Добровольским диалога матери и дочери:

«Пришла матка къ дачк Ё:

– Дачушичка мая, найди ать мужа! –

– «Мамачка мая, якъ жа мн Ё ня йтти? Утирка макренька». –

– Я тябе, дачушка, научу – Тольки найди прочь: устань ранинька – утирачка будить сухинька. –

– «НЁ, усётаки, пайду!» –

– Ня йди! Съ нямымъ пагаворишь: дасть Бохъ таб Ё дитёнычка, ты зь имъ пагаворишь, усё горя забудишь». [Добровольский, 1894, с. 7]

Назад дороги не было, даже если женщина несчастна замужем, она должна «нести свой крест», не жалуясь на судьбу. Взрослые женщины учили молодых девушек смирению и терпению, хозяйственности в семейной жизни, а утешением души и спасением от одиночества, нелюбви, «отдушиной» считали ребёнка. Рассмотренный диалог, зафиксированный в группе «Бракъ», включён в сборник пословиц и поговорок, вероятно, в связи с тем, что В.Н. Добровольский хотел как можно ярче и нагляднее описать судьбу крестьянской женщины XIX века, её положение в семье, её страдания. Мы привели данный диалог, описывая группу па-

ремий Муж – Жена, так как считаем, что он близок по тематике с паремиями данной группы.

Всё же были случаи, когда в семье руководила женщина, когда слабый характер мужа не позволял ему быть в семье главным («*Ионъ падъ макушку, а ина падъ кам`ель (перев Ъсь на сторон Ъ жены)*»), «*А кышь, вирябейка, я аднаў даму*») [Добровольский, 1894, с. 61].

Это было, конечно, отклонением от нормы, считалось неправильным в семейных отношениях, а потому, о таком муже с иронией говорили: «*Паслушанникъ жан Ъ (съ укоромъ = подъ башмакомъ жены, с. Дудкино, Б Ъльск. у Ъзда, раскольничье выраженіе)*» [Добровольский, 1894, с. 61].

О муже и жене, пытающихся доказать свою правоту, паремии: «*Мой верхъ будить! Тады твой верхъ будить, якъ сарока пубял Ъить (споръ мужа с женой)*», «*Чортъ лапытки стаптаў, пакаль ету парычку сабраў*» [Добровольский, 1894, с. 61].

Народ говорил: «*Харошива мужика ни зат Ъишь, дурнова ни унимишь*», «*За пьянымъ мужимъ на Христоў день цибулькый разгав Ъисья*», отмечая, что мужья есть и плохие, и хорошие, большим горем для семьи был мужчина-пьяница [Добровольский, 1894, с. 61].

Мужчины же, в свою очередь, так иногда характеризовали своих жён: «*Мая жонка – ни ткаха, ни пряха: ляжить, якъ плаха*», выражая своё недовольство плохой хозяйкой, сравнивая жену с «*плахой*» – бесполезной деревянной колодой во дворе [Добровольский, 1894, с. 61]. «*Ня ум Ъй ни ткать, ни варить, а ум Ъй са мной гаварить*» – мужчины надеялись на ум своих жён, на то, что они станут поддержкой и опорой, главным советчиком в семейных делах [Добровольский, 1894, с. 61].

Спутника жизни смоленский народ называл «*дружкой*». Жизнь в одиночестве считалась противоестественной, ведь всё в природе имеет пару: «*Худа и*

птушки бязь дружски», «Бязь мужа тyani жилы, пакуль живы» [Добровольский, 1894, с. 60].

Любовь и взаимопонимание мужа и жены считались большим счастьем, подарком Бога – *«Харошая дружка – первыя щастя ать Госпада Бога»*, люди просили Бога уберечь от плохого мужа, жены: *«Сустр Ёла мяне худая доля сяредъ чистыга поля – ни дай Бохъ няпутный дружски»* [Добровольский, 1894, с. 60–61].

Анализ паремий рассмотренных групп позволяет сделать вывод о том, что люди XIX века, как и современные люди, руководствовались принципом «вдвоём теплее, вдвоём веселее», существующим, наверное, испокон веков, старались найти своего спутника жизни, чтобы вместе переживать все печали и радости судьбы.

Для смоленских крестьян необходимость создания семьи была одним из главных правил жизни. В наше время молодые люди не спешат создавать семьи; большинство современных парней и девушек считают, что сначала необходимо получить образование, найти хорошую работу, попутешествовать, «стать на ноги», а уже затем сделать осознанный выбор и создать семью.

Общественные установки и стереотипы изменились значительно. Деревенские девушки и парни ушедших столетий не имели столько возможностей и перспектив, их мир, их жизнь зачастую ограничивались родной деревней. Изменился возраст вступления в брак, сейчас люди создают семьи ближе к тридцати годам, в XIX веке браки были ранними. С юных лет девушек готовили к замужеству, внушали, что жизнь без мужа тяжела и постыдна. Народное мнение сформировало страх остаться незамужней. Вероятно, чтобы не столкнуться с общественным осуждением, девушки часто выходили замуж без любви, а потом терпели неуважение, были несчастливы в браке.

Современная женщина, современная жена, её права в семье совершенно не совпадают с положением в семье женщины-крестьянки, права которой часто ущемлялись, у которой не было возможности выбора, отсутствовала свобода слова и действия. Патриархальный уклад крестьянских семей не исключал факт существования в семьях жестокости со стороны мужа. Но всё же русская женщина,

будучи сильной, умея смиряться и уступать, боясь осуждения общества, терпела все горести и печали, понимая, что жизнь в одиночестве будет ещё большим наказанием. Существовали у крестьян и счастливые семьи, в которых прожитые годы, разделённые поровну счастье и горести, делали мужа и жену самыми родными и по-настоящему единым целым.

Одно столетие сменяет другое, одни традиции изменяются или исчезают, появляются новые, меняется в целом жизнь, но семья, её ценность и святость являются неоспоримыми. Для молодых людей XIX века женитьба – это не личная прихоть, а своеобразная обязанность перед обществом. Создание семьи было также естественно, как смена времён года, как утренняя заря и восход солнца.

2.11. Семейные отношения в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Рассмотрим второй фразеосемантический блок паремий о Семье, в который мы включили фразеосемантические группы Дитя, Сын – Дочь, Отец – Дети, Отец – Сын, Мать, Мать – Жена, Отец – Мать – Тёща, Родитель. Пословицы и поговорки описывают семейные отношения, определяют роль членов семьи.

Настоящая и полноценная семья просто немыслима без детей. В.Н. Добровольский объединил паремии под общим заголовком «Дитя», выбрав часто употребляемое в XIX веке слово.

Для языкового сознания смоленского народа, как и для общеязыкового сознания русских людей, во все века было характерно убеждение: «У каго д *Ѓ*ти, у таго щастя», «У каго д *Ѓ*тки, у таго ягадки» [Добровольский, 1894, с. 29].

В XIX веке традиционны были многодетные крестьянские семьи. Люди отмечали: «У ныншнїи гады авечки котють на аднаму, а бабы на троя» [Добровольский, 1894, с. 29]. Чем больше в семье детей, тем больше в семье счастья: «Дятей много, жить ничога» [Добровольский, 1894, с. 28]. Это счастье, как и все хорошее в жизни, человеку дарит Бог: «Дасть Бохъ дятей, дасть Бохъ и долю»

[Добровольский, 1894, с. 29]. Есть дети – есть счастье, значит, есть жизнь и смысл жизни. О человеке, у которого много детей, говорили: «*Хвостъ длинень (дѣтей много)*», «*Абсялился дѣтками, какъ у жука кала лапыкъ*» [Добровольский, 1894, с. 28–29].

Не нужно человеку большое богатство, если нет счастливых и здоровых детей, дети – вот лучшее богатство, лучшая награда («*На што тэй кладъ, када дѣтки идутъ у ладъ*») [Добровольский, 1894, с. 29].

Дети – это не просто продолжение рода, это всегда обязательства, ответственность, сложности воспитания. Настоящие любящие родители, не жалея сил, времени, своего душевного тепла и любви, своей жизни, отдают себя своим детям, это констатирует поговорка: «*Чужей вѣкъ узрастить – свайго приўкратить*»; отдают им последнее: «*Адинъ рукаў – и тэй падяру ли сваихъ дятей*» [Добровольский, 1894, с. 28].

В наши дни очень остра проблема сиротства при живых родителях. В XIX веке такой проблемы не существовало, дети становились сиротами только по причине смерти отца и матери, но никак не из-за того, что родители отказывались от них. Люди говорили: «*Четвира дятей сиротъ – чатыри гори*» [Добровольский, 1894, с. 28]. Родители очень боялись оставить детей одних, не доведя до взрослой жизни: «*Ни дай Бохъ, штобъ сваи дѣти заставались людёмъ*» [Добровольский, 1894, с. 28].

Ребёнка должны воспитывать родные мать и отец: «*Што за пичаль чужихъ дятей качать? Хто народить дятей, тэй и выхадить*» [Добровольский, 1894, с. 29]. Воспитать и вырастить своих детей очень трудно, но ещё сложнее воспитать неродных детей, и не всегда этот труд, считал народ, благодарный – «*Чужихъ дятей учить – худую славу пулучить*», «*Ни дай Бохъ на чужихъ дѣтей идти*» [Добровольский, 1894, с. 28].

Интересна поговорка: «*Пять пальциў на рукѣ – и усѣхъ жалка*» [Добровольский, 1894, с. 29]. Каждый ребёнок в семье как палец руки, нет одного пальца –

больно всей руке. За каждого болит сердце и душа родителей, страдания ребёнка приносят матери боль, сравнимую с физической. Любовь, стремление оберегать от бед своих малышей очень естественна и обусловлена самой природой: *«Птушка-звярушка, ни якій пользы ать свайго дитёнка ня м Ёить – и то жал Ёить»* [Добровольский, 1894, с. 29].

Среди собранного В.Н. Добровольским этнографического материала во фразеосемантической группе Дети мы обнаружили паремии, по содержанию которых можно судить о том, как проявлялась и в чём состояла ежедневная родительская забота смоленских крестьян о детях, судить о взглядах людей прошлого на процесс воспитания.

Родители сами выбирали методы воспитания, дети не могли на них пожаловаться, так как согласно крестьянской этике, слово родителей – это закон. Народ говорил, что физическую силу можно применять только по отношению к своим детям, так как *«Свайго дитенка хуть торчма, хуть бутырёмь, іонь ни пажалитца»* [Добровольский, 1894, с. 29].

Все маленькие дети ударяются, падают, любящие матери очень болезненно относятся к этому, а народное мнение отмечает: *«Рабеныкъ, ни ударіўшись, ни вырастить»* [Добровольский, 1894, с. 29]. Падения, царапины, ушибы – это маленькие шаги в жизненном пути «проб и ошибок». Чтобы успокоить ребёнка, который ушибся, использовали и сейчас используют такое выражение: *«Ни плачь, што убіўся: да свадьбы заживеть»* [Добровольский, 1894, с. 29]. Как вариант в сборнике записано также выражение: *«Пакуль жанитца, заживеть и загаритца»* [Добровольский, 1894, с. 29].

Приводятся в сборнике фразеологические выражения о детском плаче: *«На мази слезки»*, *«Грибы распустилъ, разв Ёсилъ»*, *«Нюни распустилъ (сложилъ губки, чтобы плакать)»*, *«Плачить рабёнычикъ усею щирью праўдыю»* [Добровольский, 1894, с. 28].

Их употребляют и сейчас для того, чтобы успокоить плачущего ребёнка, объяснить, что без причины плакать стыдно. В случае непослушания и проказ ро-

дители ругаются, а что-то не поделившим ребятишкам говорят: «*Цытьтя, цытьтя, дѣтки! Усимъ будить на цыцки, а каму и двѣ*» [Добровольский, 1894, с. 28].

Детям всегда интересно то, что не позволяют им отец и мать. Слушая разговоры взрослых, они запоминают нецензурные слова, а потом употребляют их и чувствуют себя большими. За это родители ругали и строго наказывали своих детей. «*Ни бряши сабачею губою: а то падсяку язычекъ*», – говорили они [Добровольский, 1894, с. 28].

На здоровье и гармоничное развитие малыша влияет полноценный сон. О детском сне следующие выражения: «*Клади рябенка у люльку: ionъ тухнуть (спать) хочить*», «*Ища ionъ ня вытыхся*», «*Ionъ ба затухъ, якъ ба яго пакалыхаў*» [Добровольский, 1894, с. 28].

Интересен приговор, которым ласково и в шутку будили детей: «*Мышка вочки зѣѣла*» (приговоръ, когда ребенокъ съ трудомъ раскрываетъ глаза послѣ сна)» [Добровольский, 1894, с. 28]. Все дети разные, есть послушные, тихие и спокойные дети («*Ни крику, ни выку (тихія дѣтки)*»), есть шумные и непослушные дети, сон был спасением и отдыхом от озорников: «*Ни буди горя, кали спить*» [Добровольский, 1894, с. 28].

Как и в наше время, любого родителя волновало здоровье своего чада, считалось, что здоровый ребёнок – это крепкий, «сбитый»: «*Рабеныкъ, якъ апекушь, якъ изъ тѣста злѣплинь (о толстомъ ребенкѣ)*», «*Чіе мрутъ, а наши якъ изъ вады идуть*» [Добровольский, 1894, с. 28–29].

Меняется жизнь, меняются и требования, предъявляемые жизнью к людям, меняются сами люди, а значит, меняются и методы воспитания. Каждое старшее поколение любит сравнивать людей и нравы ушедшего времени и настоящего времени, методы воспитания детей. Сейчас мы часто можем слышать от старших критику молодых родителей за плохое воспитание своих детей. Такое сравнение существовало и в крестьянском мире XIX века. Старшее поколение смоленских крестьян считало, что родители проявляют порой чрезмерную опеку своих чад, и

отмечало: *«Танерь писни рабеныкъ,и matka кидать усё д Ёла, кидать и спяшить къ дитенку: – дапрежди такой чести не была: макренъ іонъ (рабеныкъ) – дажидайся свауго ряди, кричи, пирярвися, хуть синіи жилы напрягутца: матки и д Ёўки паницы занимались, кросны ткали...»* [Добровольский, 1894, с. 27].

С осуждением старшие люди относились к тому, что матери быстро после рождения своих малышей показывали их людям. Это, возможно, было связано с верованиями, с боязнью сглаза.

– *«Дяржи рябенка у пушку, якъ у трибушку!»* –

У старинныя увремя мать няд Ёль да шасты ни паказывала дитенка св Ёту и людямъ:

– *«Што сматр Ёть на красныя мяса?»* –

Такъ іонъ ляжить спакоинъ да сваяго урмени.

Танерь няд Ёль двухъ, трёхъ рабеныкъ, – matka яго пестуитъ прида ўс Ёми, на вилачки ставитъ» [Добровольский, 1894, с. 27].

Любящие и настоящие родители желают своим детям самого лучшего, хотя им дать то, чего может быть сами не получили в своём детстве, хотя оградить их от несчастий. В Сборнике записано такое пожелание: *«Вяликъ расти, щастліў будь»* (пожеланіе ребенку)» [Добровольский, 1894, с. 28].

Ожидание ребёнка – это особое таинство, волнение. В наше время для многих родителей часто пол ребёнка не важен, главное, чтобы родился здоровый и крепкий малыш. В XIX веке большим счастьем для матери и отца был именно сын. Родители обращались к Богу с такой просьбой: *«Ради Бохъ сына, а не дочь»* [Добровольский, 1894, с. 120]. Почему? С чем это связано? Ответ на этот и многие другие вопросы мы найдём в записанных пословицах и поговорках фразеосемантических групп Сын – Дочь, Отец – Дети, Отец – Сын, которые В.Н. Добровольский выделил отдельно. Считаем, что их общее содержание позволяет рассматривать данные группы в одном тематическом ключе.

«Съ сынымъ туды-сюды махнусь, уси гори размахну; а якъ бязь сына туды-сюды шатаюсь – усѣ горя варочаитца», «Адинъ сынъ – не сынъ, два сына – полсына; кабы ихъ три сына – поўныя хазяйства; а кали шесть сыноў – три царю, три батьки» [Добровольский, 1894, с. 120].

«Сынъ хл Ъбымъ корьмить» [Добровольский, 1894, с. 71]. Сын в крестьянской семье – это продолжатель рода, это ещё один работник, залог того, что в будущем многие проблемы родителей будет решать именно он, сын – это будущий кормилиц. Семья одного сына, как правило, старшего, оставалась жить в семье отца, потому отец видел в нём свою опору. Остальные сыновья, создавая свои семьи, могли жить отдельно. Об отце сыновей говорили: «Харашо хл Ъбу за блинами, харашо батьки за сынами» [Добровольский, 1894, с. 71]. Сын является естественным наследником отца, именно сыну отец передаёт свой жизненный опыт и свои знания.

Дочь же в крестьянских семьях всегда покидала своих родителей, выходя замуж. Именно поэтому дочь в семье и предстоящая в будущем обязательная разлука с ней – это всегда повод для слѣз («Дочка – гарючая слезка»), переживаний и тревог. Повзрослев, девушка выйдет замуж, будет жить в другой семье и помогать ей: «Дочь – чужая крупеня. Дочь – чужая работница (С. Шоптово, Б Ъльск. у.)» [Добровольский, 1894, с. 120].

Свадебные традиции крестьян подразумевают обязательное приданое невесты. В паремиях мы обнаруживаем весьма практические взгляды и рассуждения простого народа: «У каго дв Ъ дочки, тэй носить лаплиныя сарочки», «Кали семь д Ъвыкъ – ни нажива, а сжива», «На дачокъ матка батрачка, пакуль руки сац`епить», «Дочки тянутъ за душу, какъ іўца галодная» [Добровольский, 1894, с. 120].

К данной группе отнесём паремию «Атдала дачушку, а сама буду якъ гаюшка: ни дярюжски, ни падушки», которая включена этнографом в группу Брак [Добровольский, 1894, с. 71]. Родители дочери задолго до замужества своей доче-

ри готовили приданое, тем самым старались обеспечить её счастье в будущей семье. Всё это дополнительные расходы и работа на чужую семью.

«Сына жанить, нада Бога хвалить», «Дачушку атдать, начушку ни спать» – так народ описывал чувства родителей, чьи сын или дочь женились, выходили замуж [Добровольский, 1894, с. 121]. Женитьба сына – огромная радость и удача в семье, ведь семья станет больше, сильнее, в ней появится новый человек, помощница родителям, а вот замужество дочери – это непременно слёзы разлуки.

В крестьянских семьях были частыми случаи детской смерти, большим горем считалась смерть сына, будущего кормильца. В рассматриваемой фразеосемантической группе содержатся слова-причитания матери по умершему сыну (*«Таб Ъ, мой сыночикъ, у поля ни ганять, лустучку ни брать и лычикъ ни драть и лаптикыѣ ня плестъ и двару ня несть (сожалѣние о смерти сына)»*), которые В.Н. Добровольский, вероятно, включил в паремиологический материал, связывая с их частой употребляемостью и общей тематикой с пословицами группы [Добровольский, 1894, с. 120].

Интересны выражения – напутствия новорождённому мальчику: *«Малышка, ляжь у камушку (про сына)», «Сыночикъ, радись на камушку», «Радись, муцинка, на камышки: идѣ муцинка, тамъ кусокъ хлѣба; дочки навялютца – жить ни дадутъ», «Ни на вадѣ, ни на игнѣ радила тябѣ, сыночикъ, а на зямли»* [Добровольский, 1894, с. 120–121].

Образы камня и земли символизируют здоровье и крепкую силу, мужские качества (твёрдость, негибаемость, выносливость), которые мать желала своему сыну, будущему главе семьи.

В рассматриваемой фразеосемантической группе Сын – Дочь мы обнаруживаем также ряд выражений, которые нельзя считать пословицами и поговорками. Это диалог матери и сына с комментарием:

– *Дѣтчика, ня пей вина!* –

– *«Матушка, мнѣ ня первина».* –

(Мать совѣтаетъ сыну не пить вина, а онъ уже давно съ нимъ знакомъ).

И обряд, записанный в конце списка и символизирующий скорое расставание дочери с семьёй: «Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губернии, въ с. Лубенскѣ, дѣвушки привязываютъ къ косамъ косточки изъ крыльевъ въ знакъ того, что уйдутъ или улетятъ изъ отцовскаго дома» [Добровольский, 1894, с. 121].

Молодая девушка, как птичка, покидает «родительское гнёздышко». Обращает внимание то, что обряд был записан в Орловской области, это значит, что, собирая материалы, этнограф ездил не только по Смоленской области, но и по соседним областям, следовательно, не исключено, что в Сборнике содержатся паремии, которые употребляли в своей речи не только смоленские крестьяне.

Причина включения записи диалога и обряда в Сборник, предполагаем, объясняется общей семантикой паремий группы Сын – Дочь. Возможна и другая причина, к моменту, когда создавалась третья часть «Смоленского этнографического сборника», вторая часть, включающая семейные обряды, уже была издана. Потому В.Н. Добровольский, располагая большим материалом, создавая третью часть, с целью сохранения этих интересных материалов, поместил их в паремиологический Сборник.

Отца в крестьянской среде называли батькой, а мать – маткой, об этой традиции паремия: *«Нада дѣтямъ парядакъ давать, штобъ звали ацоў-матярей батьками-матками»* [Добровольский, 1894, с. 72]. Сегодня диалектные слова «батька», «матка» даны с пометой «просторечное»: «То же, что отец» [Ожегов, 2013, с. 36].

Как складывались взаимоотношения родителей и детей в крестьянских семьях? Какие проблемы отцов и детей существовали в XIX веке? В семьях крестьян детям с ранних лет наставлениями и примерами внушали, что родителей, необходимо почитать и уважать, во всём слушать. Ведь родители подарили жизнь, а вместе с ней возможность узнать этот удивительный мир (*«Ня дѣти батьку нажили, а батька нажилъ дятей»*), значит, они имеют право учить и благослов-

лять своих детей на добрые дела [Добровольский, 1894, с. 72]. *«Батькинъ богъ на дятей батрокъ»* – отец живёт и трудится только ради своих детей, во благо их будущего [Добровольский, 1894, с. 72].

Народ считал, что почитание отца и матери является главной обязанностью детей, гарантией счастья и того, что Бог не откажет в помощи: *«Хто атца ни забываить, тэй на мори ни патапайть»* [Добровольский, 1894, с. 71].

Закон уважения старших был обязателен для крестьянских детей как воздух. Сын никогда не принимал жизненно важное решение, не посоветовавшись с отцом, не получив его благословение. Подростающим детям родители объясняли, что они обязаны заботиться о состарившихся родителях. Отец старел с надеждой, что дом его сына станет домом, в котором он сможет ощущать уважение, домом, в котором он сможет умереть со спокойной душой, с осознанием, что жизнь прожита не зря: *«На сынний лаўки сабирайся умираць»* [Добровольский, 1894, с. 71].

Многоранна паремия *«Атцоўская благаславенія са дна моря вынимаить»*, её контекстное употребление может раскрыть разные значения [Добровольский, 1894, с. 71]. Отец и мать так сильно переживают за своих детей, желают им счастья, что сделают всё возможное и невозможное ради своего ребёнка.

Конфликты отцов и детей извечны. Их частой причиной были и тогда, и сейчас нежелание детей слушать советы родителей, подчиняться воле старших, легкомысленное и пренебрежительное отношение к тому, что создавалось веками, к прошлому. Содержание некоторых паремий Сборника позволяет судить о том, что в XIX веке и в крестьянских семьях существовали проблемы взаимоотношений отца и детей.

Ряд паремий фразеосемантической группы Сын – Дочь констатирует пространённость ссор родителей с сыном и дочерью (*«Сына вырысь да вуха, бирягись, батька зь маткый, абуха»*, *«Сь зятимъ бранись – на порохъ грябись; сь сынымъ бранись – на печку грябись»*, *«Тамъ хлѢбушка ня родить, идѢ сынъ батьку за бараду ня водить»*, *«Тамъ капуста у качаны ня ўетца, идѢ дачка зь*

маткый ни дяретца»), которые нередко заканчивались дракой [Добровольский, 1894, с. 120].

Во фразеосемантической группе Отец – Сын обозначены основные причины подобных конфликтов. Поскольку отец, как отмечалось выше, возлагал на сына большие надежды, разочарованием для него и для семьи был сын, не оправдавший этих надежд, опозоривший честь семью: *«На батькинъ дворъ напакастиль дай вонъ»* [Добровольский, 1894, с. 71]. О сыне, не сумевшем научиться у отца хозяйским качествам, поговорка: *«Якъ былъ батька хазяинымъ – соль іось, хл Ёба нима; а якъ самъ сын стаў хазяйства вадить – н Ётъ ни хл Ёба, н Ётъ ни соли, н Ётъ ни кислыхъ щей»* [Добровольский, 1894, с. 71].

Порой убеждения и жизненные принципы отца не позволяли ему понять и простить своего сына, он отказывал сыну в помощи, и даже выгонял его из родительского дома: *«Ни асудить Бохъ и люди тиризь сыннію дурость (отказъ платить долги. Б Ёльск. у.)»*, – *«Иди на каминь и живи; вабью коликъ – иди туда и вей себ Ё гн Ёздо!»* – *(Отець прогоняетъ со двора непокорнаго сына и лишаетъ его насл Ёдства)»* [Добровольский, 1894, с. 72].

Не всегда за свой труд и заботу отец получал заботу со стороны сына. Став взрослым, сын иногда отказывался от родителей, от ответственности за них: *«Када ты мяне карьміў, дакъ у мне ротикъ былъ вирябыный, а накарми-ка жъ тябе, якъ у тябе ротъ ваўчиный: таб Ё парасёнка у ротъ усодь – и тэй ни навернитца. (Укоръ старику-отцу взрослога сына)»*, *«Я луччи сабаку вазьму у дворъ, ч Ёмь-ся батьку»*) [Добровольский, 1894, с. 71].

Большой наградой для отца, вызывающей чувство гордости, было мнение окружающих, что дети похожи на отца: *«Увесъ тата (по отцу)»*, говорили в этом случае люди [Добровольский, 1894, с. 72].

«Батька идетъ на хати, слоўна конь; ляпечить, якъ сабака» – дети, которые были воспитаны в строгости, боялись даже неодобрительного отцовского

взгляда [Добровольский, 1894, с. 72]. Боялись не физического наказания, а чувства вины и стыда, которые возникали после строгих отцовских слов. Отец в семье пользовался непререкаемым авторитетом у младших, уважение главы семьи заслуживалось трудолюбием, справедливостью, рассудительностью.

О значении матери в крестьянской семье паремии фразеосемантических групп Мать, Мать – Жена. В группе Мать В.Н. Добровольский зафиксировал шестнадцать паремий.

Материнская любовь и забота необходима всем, материнский инстинкт определён самой природой: *«И у кошки катя – то жа самыи дитя»* [Добровольский, 1894, с. 58]. Поговорка *«Сваимь дитёмь матка»* очень лаконично, но ёмко подчеркивает саму сущность понятия «мать», безусловную связь матери со своими детьми, её готовность всегда защищать своё чадо, что бы ни случилось, в любой ситуации [Добровольский, 1894, с. 58]. Любящая мать отдаёт самое лучшее, делится последним, жертвует многим, ради того, чтобы её дети были здоровы и счастливы, об этом пословица: *«Матка сваимь дитямь пріяить»* [Добровольский, 1894, с. 58]. Пусть нет достаточных средств и больших возможностей, но уже то малое, что может подарить мать своему ребёнку, дорого и чрезвычайно важно: *«Мала только дала мама»* [Добровольский, 1894, с. 57]. Для ребёнка его мать – самая лучшая, самая добрая, красивая, и совершенно не важно, как к ней относятся остальные: *«Каму гадка свайму дитёнку матка»* [Добровольский, 1894, с. 58]. За бессонные ночи и выплаканые слёзы, за выдержанные трудности, с которыми приходится сталкиваться в воспитании, мать, считал простой народ, будет награждена любовью, заботой и благодарностью своих детей: *«Маткины слезы ни падуть на землю дарымь»* [Добровольский, 1894, с. 58].

Дети очень хорошо чувствуют добрых и открытых людей, легко идут с ними на контакт, уважают их и любят, о такой симпатии и сильной привязанности народ говорил: *«Къ матки такъ д Ёти ня кидаютца. (О лицѣ Ё, которое въ особенности любятъ д Ёти)»* [Добровольский, 1894, с. 58]. О необходимости признания

и соблюдения иерархии взаимоотношений (сначала старшие, те, кто дал жизнь, потом уже дети), почтительного отношения к матери паремия.

Показательна паремия *«Прежда радилася нянька, а потомъ лялька»*. [Добровольский, 1894, с. 58]. Большие многодетные семьи были традиционны и естественны для русского народа. Но так как взрослые были очень заняты, первый ребёнок становился нянькой своим младшим братьям и сёстрам, был лишён детской беззаботности, рано становился взрослым, а вот младших детей баловали, пестовали.

Содержание двух паремий (*«Ни лижи: ня ты мяне тялила»*, *«Якая я таб Ъ matka? Ни зави мяне маткью: табе кабыла жيرياбила»*) позволяет судить о том, что между матерью и детьми существовали ссоры и конфликты, в которых эмоции и обиды провоцировали неприятные слова [Добровольский, 1894, с. 58].

В ситуациях, когда дети «платили» неблагодарностью за материнскую любовь, заботу и добро, народ с осуждением говорил: *«Забыла, чимъ матку завуть (о дочери)»* [Добровольский, 1894, с. 58].

«Бохъ блюди радная matka, а ни мачеха» – так смоленский народ обращался с просьбой к Богу, чтобы детей воспитывала родная мать, а не мачеха, чтобы жизнь не складывалась так, чтобы детям приходилось привыкать к совершенно чужому человеку [Добровольский, 1894, с. 58]. Ведь забота родной матери не сопоставима с заботой мачехи: *«Matka галоўку мыить – приглажіить, а мачиха мыить – прискубаить, кашулю дасть – праклинаить»* [Добровольский, 1894, с. 58]. Всё, что делает мать для своего ребёнка, идёт от сердца, для мачехи же неродные дети были чаще всего обузой.

Народ считал, что с мачехой дети не будут хорошо присмотрены, не получат настоящей материнской любви: *«Луччій (велій) скородьба, ч Ъмся наралья, луччій первая жина, ч Ъмся другая: са первью жаную д Ътычикъ нажилъ, са ўтарою жаную д Ътычикъ распустиль»* [Добровольский, 1894, с. 58].

Паремии группы Мать – Жена построены по принципу противопоставления отношения сына к матери и к жене. Очень показателен в этом плане диалог:

- «Хто, пани, вариў? Я бь таму вочи заліў!... Матка?!»
- Жонка, пани, твья». –
- «Яси пасая». –
- «Хто ста хату мёў? Сурна! Ти ни matka?»
- Жонка, пани, твья! –
- «Да якая чистья». –
- «Хто ста такей пасикушь напярэў? Даўжно, matka?»
- Да, н Ъ, ста твья жонка. –
- «Ого-го, якей букатикъ». [Добровольский, 1894, с. 58]

Сын постепенно отдаляется от вырастившей его матери, её любовь и заботу уже заменяет любовь жены, которая часто вытесняет материнскую любовь. Сын лучше упрекнёт в чём-то родную мать, но не обидит свою жену, не простит какие-то ошибки матери, однако закроет глаза на ошибки жены, поскольку, как говорил народ: «Нашная какушка дянную усё пирикуковываить» [Добровольский, 1894, с. 58].

Отношение детей к родителям в семьях смоленских крестьян представлено также в паремиях фразеосемантической группы Родитель, в которую этнограф включил восемнадцать пословиц и поговорок. Смерть всегда страшна, а смерть родителей просто потрясение для детей, которым кажется, что их отец и мать будут жить вечно, которые верят, что родительский совет будет сопровождать их по жизни. Но, увы, родители не вечны, как и все люди на земле. В анализируемую группу этнограф включил паремии о смерти родителей.

Об умерших родителях люди говорили: «На томъ св Ъти, на загнети», «Якъ хто знаить, такъ пра свайго тату плачить (справляетъ похороны)» [Добровольский, 1894, с. 102].

Порой память об отце и матери, чувство невыполненного долга перед умершими терзали сердце и душу детей: «Мертвый живога Ъсть» [Добровольский, 1894, с. 102]. Поэтому, считалось, что волю умерших родителей следует выполнять обязательно, не жалея для этого ничего: «Я пакойнику ни пажал Ъю: хуть

первая карова прапади», «Што вялить, то ни жал Ёй для радитиля» [Добровольский, 1894, с. 102].

Особенно внимательно следует относиться к организации похорон родителей: *«Ня р Ёдичка – такъ няўзойдить и такъ ни усодишь («родителей» сл Ёдуеть хоронить и поминать честно)» [Добровольский, 1894, с. 102].*

«Пакойникъ у варахъ ни стаить, а свае бяретъ», «Радитель свае узяль» – данные паремии, вероятно, употреблялись, когда говорили о человеке, который уже умирает, но желает, чтоб его волю исполнили, беспокоится о том, что останется после его смерти, что будет с его наследством [Добровольский, 1894, с. 102].

По содержанию двух паремий мы можем судить о существовавшем иногда отрицательном отношении детей к своим родителям, о плохой памяти и воспоминаниях: *«Ни умирай у насъ: съ нашими радитилями ни паладишь», «Не былъ житиль, а памёръ ни радитиль» [Добровольский, 1894, с. 102].*

Таким образом, рассмотренные выше паремии о Семье и семейных отношениях приводят к следующим выводам. Семья для смоленского народа имела безусловную и неоспоримую ценность. Признавалась обязательная необходимость её создания каждым человеком, жизнь в одиночестве была страшна и противоестественна. Браки были ранними. Девушек с детства готовили к семейной жизни, прививая необходимые качества, обучая ведению домашнего хозяйства. Как важна была семья для каждого человека, так и обязательным было уважение и почитание старших, которое прививалось детям буквально с младенчества. Большое внимание народ уделял внутрисемейным взаимоотношениям, а потому, обнаруживаем много паремий, которые описывают особенности и иногда возникающие сложности между отцом и сыном, невесткой и свекровью, мужем и женой. Сделанные простым народом наблюдения порой настолько верны, тонки, что сопоставимы с современными психологическими теориями. Тонкость восприятия окружающего мира, удивительная наблюдательность простого народа проявляется в различных приметах, связанных с важным событием – со свадьбой.

2.12. *Своё – чужое* в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

В паремиологическом сборнике В.Н. Добровольского обнаруживаем 20 паремий, относящихся к фразеосемантической группе Чужое – Своё. Важно указать, что пословицы с общим значением Чужое являются доминирующими. Вероятно, это связано с тем, что Своё для человека было привычным и обычным, а Чужое, напротив, непривычным, интригующим и вызывающим интерес. Сплошной анализ этнографического материала позволил выявить пословицы и поговорки других фразеосемантических групп, которые могут быть отнесены к группе Чужое – Своё. К числу таких неоднозначно толкуемых паремий относятся: пословица «*У сваимъ доми и вуглы помогаютъ*», которая включена в группу Борьба – Драка [Добровольский, 1894, с. 6]. Пословицы «*На чужей старонки и старушка – божій даръ*», «*На чужей старанѢ и жук мяса*», «*Чужая старана – темный лѢс*» (группа Дорога – дом – свидание) [Добровольский, 1894, с. 30]; «*ЖивѢмъ – ни матаимъ, чужого ни хватаимъ, свайго ни 'тсаўляимъ*» (группа Жизнь) [Добровольский, 1894, с. 36]; «*У чужая щастя мухью ни ўпасть*» (группа Счастье) [Добровольский, 1894, с. 120].

В целом, пословицы со значением Чужое – Своё можно разделить на констатирующие («*За сваё добрыя усякъ праговорить*», «*Усякый къ сабѢ дабра ни жилаить*») и предписывающие («*На чужоя добрая ни разивай рта на самыя вуши*») [Добровольский, 1894, с. 133]. Констатирующие пословицы определяют явления, дают им характеристику и оценку, предписывающие – указывают, запрещают.

Пословицы «*Атсохни таму рука на локать, хто сабѢ дабра ни жилаить*», «*Пиридь табою твае дабро капою: ни нада мнѢ твайго ничога*», «*На чужей ба шури вала спекъ – на сваей и воши ни забьешь*», «*Маё дѢла: гаў! И падъ печь*» не могут быть однозначно отнесены к одной из групп (констатирующие, предписы-

вающие) [Добровольский, 1894, с. 133]. Полагаем, данные паремии являются ответной репликой собеседнику, реакцией в каком-либо диалоге-ситуации.

Все предписывающие пословицы и поговорки обозначают запрет на чужое, говорят о необходимости жить, полагаясь только на свои силы, свои возможности: *«Какъ ни шатайся, за чужоя ни хватайся – живи сваимъ»*, *«На чужой ротъ ни надѣлаисья варотъ; свайго, дурнова, ни хвали, – чужова, хорошива, ня губь»* [Добровольский, 1894, с. 133].

Человеку присуща субъективная оценка явлений. При рассмотрении паремий обнаруживается предубеждённость в оценке Своего и Чужого. В пословице *«Свая грязь и ў лужинки знатна»* своё оценивается как лучшее в сравнении с не своим [Добровольский, 1894, с. 133]. Оценка чужого как лучшего вызывает у человека чувство жадности, зависти, об этом ярко свидетельствует пословица *«Чужоя дабро падпираить падъ рябро»* [Добровольский, 1894, с. 133]. Следует отметить сложность и неоднозначность семантики пословицы, её метафоричный образ может быть интерпретирован иначе – владение не своим не принесет пользы, не принесёт удовлетворения и спокойствия, напротив, вызовет неуверенность, неудобство и беспокойство.

Об отношении к чужому, не своему паремия *«Усё бирюки на чужое добрая»* (*чужого не жалко, его можно раздать, испортить, не беречь*) [Добровольский, 1894, с. 133].

Человек сам распоряжается своим имуществом: *«Свая рука владыка; ею ня выдасисьти»*, *«Свая рука владыка тянить на усё лыка»* [Добровольский, 1894, с. 133].

Паремия *«У чужомъ приходи свячей ни пупраўляють»* отражает этикетные нормы, запрещающие вмешиваться в чужую жизнь, чужие проблемы [Добровольский, 1894, с. 133]. Возникает аналогия с общерусской пословицей *«В чужой монастырь со своим уставом не ходят»* [Даль, 1989, с. 256]. Церковная сфера была в большой степени урегулирована, имела свой устав, церковные традиции соблюдались строго и беспрекословно. Поэтому в Чужом (чужой семье, стране, деревне и т.д.) следует соблюдать уже принятые правила, относиться к ним с уважением.

На первом месте у человека зачастую свои интересы, заботы о своём, родном, мысли, надежды и усилия направлены на достижения своих целей – «*За свое добрыя усякъ праговорить*», «*Усякый къ сабѣ намекчи горнить мякушикъ*», «*На етымъ виташку каждый тянить ки свайму мяшку*» [Добровольский, 1894, с. 30].

Однако пословица «*Хто чужога (дятенка, скатину) нинавидить – свайго вѣкъу глазы ня ѱвидить*» предостерегает, что чувства зависти и ненависти греховны, только доброта мыслей, доброта сердца души приносят добро в мире [Добровольский, 1894, с. 133].

Дихотомия Своего и Чужого является одной из центральных в мироустройстве, Своё – это родное, благоприятное, помогающее и спасающее. Родное там, где спокойно, там, где комфортно, там, где всё помогает – «*У сваимъ дома и вуглы пумагають*» [Добровольский, 1894, с. 133]. Чужое же – это неродное, опасное, неизученное и даже пугающее («*Чужая старана – темный лѣс*»), образ тёмного леса в данном случае подчеркивает таинственность неродного [Добровольский, 1894, с. 30]. «*На чужей старонки и старушка – божій даръ*», «*На чужей старанѣ и жук мяса*» – в чужой среде человек рад самому малому, начинает ценить даже мелочи, всё ему в помощь [Добровольский, 1894, с. 30].

Таким образом, смоленский крестьянин XIX века ценил то, что принадлежит ему, избегал чужого и запретного, предостерегая от этого других.

2.13. Деньги в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Деньги являются той сферой жизни, которая влияет на жизнь человека независимо от его желания, это та составляющая жизни, которая необходима каждому, живущему в обществе. Желание обладать деньгами часто руководит мировой историей и судьбами людей. Именно деньги признавались и признаются часто гарантией свободы и независимости, силы и уверенности в завтрашнем дне. Однако деньги, наверное, это такое создание человека, которое приносит мимолётное сча-

стью и чувство уверенности. Историческое событие или частное событие в жизни человека могут вдруг разрушить ощущения материального счастья.

В современной России растёт новое поколение, для которого значение денег, положения в обществе, связанного с деньгами, усиливается, становится, одним из ведущих и определяющих. Кажется, что именно материальное благополучие становится сейчас для многих людей доминантой жизненных ценностей. Иногда счастье ошибочно измеряется деньгами. Поэтому молодёжь часто выбирает не духовные и нравственные ценности, а деньги. Но такие ли ценности были у людей прошлых столетий?

Сопоставим общерусские и региональные пословицы и поговорки с общим значением *деньги, богатство, достаток*. В.И. Даль объединяет паремии с указанным значением во фразеосемантическую группу Богатство – Достаток (108 паремий), куда включает выражения с ключевым словом *деньги* («*Без нужды живёт, кто деньги бережёт*», «*Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт*», «*Через золото слёзы льются*», «*Деньги что камень, тяжело на душу ложатся*», «*Деньгами души не выкупишь*», «*Лишние деньги – лишняя забота*», «*Деньги не голова, наживное дело*», «*Богатство полюбится и ум расступится*», «*Грехов много, да и денег вволю*» и др.) [Даль, 1989, с. 68–70].

Отдельно представлены в сборнике В.Н. Добровольского фразеосемантическая группа Деньги (13 паремий) и фразеосемантическая группа «Бѣдность – недостатокъ» (40 паремий). Это свидетельствует о стремлении этнографа представить более детальную классификацию пословиц и поговорок, разграничить оттенки описываемых в них понятий.

При сопоставлении наполнения выделенных тематических групп в сборниках В.И. Даля и В.Н. Добровольского обнаруживаем только две абсолютно совпадающие паремии.

1. «*Хлѣбу мѣра, деньгамъ щотью*» [Добровольский, 1894, с. 26]. Как известно, хлеб для крестьянина XIX века был основой основ, без хлеба был немислим обед и вообще жизнь. Народная мудрость призывает к бережному отноше-

нию к хлебу и деньгам, умению экономить. Данная черта является общенациональной чертой русского народа.

2. В общерусском сборнике пословиц и поговорок В.И. Даля деньги сравниваются с водой – *«Деньги что вода. Богатство – вода: пришла и ушла»* [Даль, 1989, с. 70].

В сборнике В.Н. Добровольского данная пословица записана и в другом варианте – *«Деньги ай агонь: багатъ или бѣдинъ»* [Добровольский, 1894, с. 26].

Смоленский крестьянин сравнивал деньги с огнём, ослепляющим человека своей яркостью, сокрушительной силой. Деньги могут «сгореть» быстро и бесследно. Как огонь, который сначала разгорается с невероятной силой, деньги сначала удивляют, притягивают. Получив деньги, человек сначала испытывает ощущения счастья, уверенности. Но эти ощущения недолговечны. Как огонь, который постепенно гаснет, оставляя после себя пепел и дым, так и ощущение силы денег слабеет. Со временем человек мыслящий и чувствующий осознает, что есть другие человеческие ценности, заменить которые деньгами невозможно.

В сборнике В.Н. Даля содержится поговорка *«Деньги не голова, наживное дело»* [Даль, 1989, с. 68].

В сборнике В.Н. Добровольского обнаруживаем региональный вариант – *«Деньги нажїуноя дѣла: кала живэй части мяса абрастаитъ»* [Добровольский, 1894, с. 26].

В данных поговорках сохранилась общая часть с изменением структуры (*Деньги – дело наживное*). Другие части различаются: у В.И. Даля видим противопоставление *деньги – голова* (в значении ум); у В.Н. Добровольского – противопоставление *деньги – жизнь*. Как видим, русский народ с присущим ему спокойствием утверждал, что если есть желание, здоровье, терпение, умение мыслить, то деньги всегда можно заработать.

Народ также предостерегал – *«Усѣхъ денѣхъ на свѣти ни забярешъ»*, понимая, что у человека должно быть чувство меры во всём, в том числе и в стремлении иметь деньги, потому как жажда денег может оказаться губительной, толкающей на безнравственные и аморальные поступки [Добровольский, 1894, с. 25].

В понимании смоленского крестьянина деньги не всегда приносят добро и счастье – «*Прападай тоя сирябро, якъ жить нидабро*» [Добровольский, 1894, с. 25].

Простой человек с лёгкостью отказывался от денег, от всех проблем, связанных с ними, выбирал пусть скромную, но спокойную жизнь, жизнь в семье, работе, в ежедневных и привычных заботах, выбирал прежде всего свою свободу, добро. В этой размеренной крестьянской жизни находил удовлетворение человек XIX века.

Как известно, деньги являлись и являются показателем социального положения человека, об этом говорил народ – «*У натури ус Ъ раўны, а у шкатули н Ъ*» [Добровольский, 1894, с. 26].

В данном случае мы вновь сталкиваемся с христианским мировоззрением, согласно которому все люди по своей сути равны (все дышат, видят этот мир, живут и умирают), однако именно деньги приносят в жизнь неравенство, несправедливость и множество проблем. Следует отметить, что в общерусском сборнике отсутствуют паремии с подобным значением.

Однако и в сборнике В.И. Даля, и в сборнике В.Н. Добровольского в ряде паремий говорится о способности денег пробуждать в людях различные (иногда страшные) эмоции, толкать на страшные поступки. Деньги могут верность превратить в предательство, любовь в измену и ненависть, добродетель в порок, а порок – в добродетель, родных людей и друзей во врагов – «*Свой своимъ, а денюжки ни радня*» [Добровольский, 1894 с. 26].

«*Богатство полюбится, и ум расступится*», «*Богатый совести не купит, а свою погубляет*», «*Будешь богат, будешь и скуп*» и другие [Даль, 1989, с. 69].

Деньги, богатство портят людей, искореняют многие душевные качества, пробуждают скупость, жадность. В данных паремиях обнаруживается взаимонаправленность скупости и богатства.

В то же время, смоленский народ понимал, что деньги часто являются основой решения многих жизненных проблем – «*Кали рубль – тады вумъ; два рубли – два и вумы*» [Добровольский, 1894, с. 26].

«*За свой грошъ усюдыхъ хорошъ*» – если у тебя есть деньги, значит, у тебя есть признание в обществе, есть друзья, чувство защищённости и стабильности. Но что скрывается за таким уважением общества?... Чаще всего неискренность людей, ложь и корысть. Тема фальши, недолговечности отношений, основанных на деньгах, развивается также в паремиях: «*Были денюжки – любили Сеню д Ёвушки; а ни стала денюжикъ – забыли Сеню д Ёвушки*», «*Якъ у Сенюшки да были денюжки, тады Яго виличали – «Ожъ ты, Сенюшка, Сямёнъ». А якъ ни стала у Сенюшки у кармани денюжикъ, тады: – «Ахъ, и ну-ка ты, Сеня, убирайся атселя!»*» [Добровольский, 1894, с. 26].

Если деньги рассматривать не просто как материальный знак, но ещё как меру ценности, то возможно выявление тех важных и показательных составляющих, которые для смоленского народа XIX века являлись мерой достатка, приравнивались к самим деньгам, иногда и заменяли их. Для того чтобы выполнить всю работу вовремя (до зимних холодов, до дождей), крестьянину нужно было иметь различные орудия труда. Их отсутствие, неисправность уже свидетельствовали о том, что порядка и денег в хозяйстве нет, об этом паремии – «*На симъ двароу адинъ тапоръ*», «*Бизъ абуха драва рубить*», «*Унась у дяреўни стрыгачи: съ чаго Саха – съ таго и рычаги*», «*Хуть лышная пуга, а хуж Ёй тога, якъ н Ёту ничога*» [Добровольский, 1894, с. 9].

Ярким показателем достатка в доме была лошадь, которая, по сути, для крестьян была святым животным, одним из членов семьи, главным помощником и кормилицей круглый год. Ведь лошадь необходима была для пахотных и посевных работ, при сенокосе, для перевозки груза. Если в семье нет лошади, то нет и зерна, а если нет зерна – нет хлеба. Поэтому для крестьянина отсутствие лошади – большое несчастье, никакие деньги не могли заменить животное («*Жиль Нестирка, была у яво лошадей шестирка: одна, ни уставая, дворъ выиздила*») [Добровольский, 1894, с. 9].

Следующие паремии свидетельствуют о том, что высшей ценностью был именно хлеб; хлеб первичен и важнее денег: «*Хл Ёба ни стала, калатоўицики ста-*

ли», «Зъ макыва зярно ни видали хл Ёба», «Дня безъ хл Ёба ни сяд Ёли», «По нашіму – хл Ёб съ кашію», «У нашіга брата – када хл Ёба зъ душу, такъ и денигъ зъ нужду». *Запасы продуктов* («Ни ў гарішку, ни ў мяшку») [Добровольский, 1894, с. 9–10].

О бедности и несостоятельности человека пословицы: «Адна хата – и тая бязъ крышки», «Якоя яго хазяйства? и куръ ни пяеть» [Добровольский, 1894, с. 10].

Состояние дома, животные в хозяйстве – всё это позволяло говорить о том, как живёт простой человек, есть ли в его доме деньги, порядок, жизненно необходимые вещи и продукты.

Ярко и оценочно, с присущей простому человеку ироничностью констатируют факт бедности также следующие паремии – «На христоў день ни разсмьясьтя», «Сжіўся: сабаки нечимъ выгнать», «Божя нашъ, што у насъ ничога нима? Каму наша добрая дастанитца? Некаму и нечига», «Съ-подъ печи выгнать неkyга», «Адну рубашку падъ паішку», «Адинъ блинь – и тэй на р Ёшети» [Добровольский, 1894, с. 10].

В каждый исторический период наблюдается переоценка ценностей, одни ценности остаются неоспоримыми, другие же уходят в прошлое, изменяются также и показатели тех или иных ценностей. У смоленского крестьянина XIX века было своё понимание денег, достатка и бедности, оно определялось его обыденной трудовой жизнью, его потребностями и основывалось на христианских традициях. Деньги – это важное, но далеко не первостепенное условие жизни. Гораздо большую ценность для простого человека имели семья, здоровье, добро, собственная свобода и душевное спокойствие.

Диалектная картина мира смоленского крестьянина XIX века демонстрирует «осторожное» отношение простого человека к деньгам. Люди всегда старались помнить о губительной силе денег, которое может создать мимолётное ощущение счастья.

2.14. Пища – работа в паремиологической картине мира носителя смоленского диалекта

Изучение этнографических источников позволяет получить ценные сведения о повседневной жизни народа, описать повседневный рацион русского крестьянина. Пища – это важная составляющая жизни любого народа, это элемент материальной культуры, в котором сохраняются и проявляются национальные черты. Лингвокультурологическое описание пословиц и поговорок о пище позволило сделать вывод о том, что пища как ежедневная составляющая жизни людей, тесно связана с другими явлениями действительности. Это подтверждают и выделенные В.Н. Добровольским фразеосемантические группы: Пища – вкус – приправа, Пища – кушанья, Пища – одежда, Пища – продукты, Пища и работа, Пища; еда, питье. Приговоры.

Ежедневная пища смоленских крестьян не отличалась большим разнообразием. Поговорки *«Што спиў, да зъ Ъў да знасиў, то и слава Богу»*, *«Хл Ъбъ-соль да вада – маладецкая ида»* свидетельствуют о неприхотливости, непритязательности простого народа в пище, умении соизмерять возможное и желаемое даже в еде [Добровольский, 1894, с.78].

Все продукты, употребляемые в пищу, были выращены на своей земле, были натуральными, следовательно, максимально полезными. На приготовление блюд тратилось минимум времени, ведь хозяйка, была занята множеством дел. В праздничные же дни блюда отличались достаточным разнообразием.

Следует отметить вкусовые пристрастия крестьян. Больше ценилась солёная, горькая и кислая пища, об этом пословицы: *«Недасоль на стал Ъ, пирясоль на спин Ъ»*, *«На рубъ справы, а на кап Ъйку приправы соли – бязь соли крива»*, *«Хуть кисла, назадъ ни пирявисла»*, *«Пей сольна и Ъшь горька: умрешь – ни згнiesz»*, *«Ъшь горька умрешь, ни згнiesz»* [Добровольский, 1894, с. 76, с. 81]. Пословица *«Што русьскому здарова, то н Ъмиу смерть»* очень ярко подчёркивает нацио-

нальную специфику и неповторимость русской кухни и вообще русской культуры и традиций [Добровольский, 1894, с. 81].

Сладость же считалась необязательной в рационе, вредной для здоровья, потому была большой редкостью: «Сладысть – слабысть» [Добровольский, 1894, с. 76]. Отмечалась недоступность сладкого: «Бла бѣ салодка, да морда каротка» [Добровольский, 1894, с. 76].

Основой основ был ржаной «чёрный» хлеб, без которого был просто немислим обед («Бязь хлѣбу нѣту абѣду»), вообще жизнь человека [Добровольский, 1894, с. 77]. Хлеб – это великое благо, это жизнь, есть хлеб на столе, значит, есть жизнь, значит, можно не беспокоиться о завтрашнем дне – «Када у каво хлѣба край, такъ и падъ кустымъ рай», «Пакуль съ хлѣбамъ, патуль с џѣнамъ». «Сала бизь хлѣба ни зьяси, а хлѣбъ зьяси бизь сала» – так люди отмечали универсальность хлеба, его незаменимость [Добровольский, 1894, с. 77–78].

Народ с уважением и почтением относился к хлебу, поскольку знал, сколько сил нужно потратить, чтобы на столе каждый день был ароматный тёплый хлеб. Поэтому пословицы – «Хто хлѣба-соли ни џважаить, таго Бохъ за нявольника џитаить», «Хлѣбъ ядутъ чистый» [Добровольский, 1894, с. 79, с. 82].

Показательна поговорка «Хлѣбъ на сталѣ, руки свае» [Добровольский, 1894, с. 82]. Так, вероятно, говорили, когда семья приступала к обеду. Семьи были большими, хозяйка не могла уследить за всеми, каждый должен проявлять самостоятельность даже за столом, все должны участвовать в домашних делах.

Обязательными в ежедневной пище смоленского крестьянина были овощи, важное место им отводилось в рационе в постные дни. Основной едой крестьянина, после хлеба, была капуста. Из капусты варили щи, капусту квасили: «Щи хуть галаву палаџи», «Бязь капусты живаты пусты», «Капуста хуть сѣра да смѣла», «Была бѣ капуста да ржаная луста», «Капуста якъ малина – хуть ты губами

ѣшь», «*Дай Бохъ, штобъ мая капуста удалась: сахарный укусь, малиновый пахъ*» [Добровольский, 1894, с. 77–78].

Человек не мог представить свою жизнь без такого простого овоща, обращался с просьбой к Богу, чтобы на его столе всегда была капуста. Однако к капусте нужно и ещё что-то: «*Ни карай Бохъ ничимъ, кали капуста ни съ чимъ*», «*Ни карай Бохъ ничимъ, када капуста ни съ чимъ: вада да либида*», «*Худа капуста бизъ свиньи*» [Добровольский, 1894, с. 78–79].

Популярными и доступными были репа и редька («*Наѣлись рѣдки, хуть тапоръ навѣсь*», «*Рѣпка на животъ крѣпка*», «*Рѣпа ня медъ*») [Добровольский, 1894, с. 79].

Ели редьку с мёдом («*Рѣдка хвалилась: я съ мёдымъ хараша. Мёдъ: на што ты мнѣ? Ты мнѣ ни таварышка: бизъ тябе харошъ*»), с конопляным маслом и луком [Добровольский, 1894, с. 79].

Другим часто употребляемым в пищу овощем была свёкла (диалектное наименование – «бураки»), «*Падъ часъ и бураки бывають ни дураки*» – говорил крестьянин [Добровольский, 1894, с. 77]. Однако «буракам» всё же предпочитали другие более вкусные блюда – «*Да буракоў ни такоў – какба кисель зъ малакомъ*», «*Да буракоў ни такоў, а на кашу самый старшій*» [Добровольский, 1894, с. 77].

Важным праздничным блюдом на столе крестьян были пироги: «*Пираги пра ўпярёдъ биряги*», «*Идѣ пирохъ, тамъ и лѣхъ; идѣ кисель, тамъ и сѣў*» [Добровольский, 1894, с. 77]. Любимым блюдом простого народа был кисель: народ понимал, что кисель полезная еда для желудка: «*Кисель ни жуёшь, а глатаишь – животъ, какъ хлопимъ, абаткаишь*», но на киселе много не наработаешь: «*Киселева ѣда – да парога хада*», «*Кисель да сыта – падвигай, сила, сюда!*» [Добровольский, 1894].

Другим любимым напитком был квас («*Квась, какъ малина, да вада абманила*»), он спасал людей в жаркую погоду, его брали с собой в поле.

Каждая семья старалась, чтобы в его доме были хоть небольшие запасы продуктов: «Спякуть и дѣти, кали іость у клѣти», «Напрядеть и сука, кали іость у клѣти мука» [Добровольский, 1894].

В составленных В.Н. Добровольским тематических группах можно выделить паремии с общим значением «вкусное – невкусное». Пословицы дают экспрессивную оценку вкусовым качествам еды: «Кушання хорошія хуть ты выпій, а худоя хуть ты на сабаку вылій», «Хуть ты на сабаку лей (плохое кушанье)», «Харашо была да близка дно», «Я за ету кашу да пупляшу» [Добровольский, 1894].

Пословицы («Што спіў, да зьбў да знасіў, то и слава Богу», «Кислая, прѣсная тѣста – варати въ адно мѣста. (Када учораиній супъ кисловать... А што дѣлатъ? Ни разбирай: кислая, прѣсная тѣста варати у адно мѣста)», «Што у поли радитца, то усѣ дома гадитца, – гадитца ни сяни, дакъ у чатверьхъ») говорят о неприхотливости в еде простого русского человека, о том, что пища занимала далеко не первое место в его жизни, на её приготовление старались тратить как можно меньше времени [Добровольский, 1894].

Однако пословица «Чаго ни яси, таго у ротъ ни наси» предостерегает людей от поспешного и неаккуратного выбора еды. Паремия «Мая душа ни пирибярушка: рѣдьки ина ня хочить, а мѣдь жреть» свидетельствует о том, что, в ситуации выбора человек отдавал всё же предпочтение более вкусным продуктам.

Анализ паремиологических единиц о пище позволяет сделать выводы о традициях приготовления еды, традициях застолья и приёма гостей. Приготовление еды часто сопровождали приговорами: «Клечикъ, клечикъ, пасали гарщечикъ», «Приговоръ, когда хлѣбъ мѣсятъ: – Спорынья у дяжу! – «Сто рублей у машину» [Добровольский, 1894, с. 77].

В Словаре русских народных говоров под редакцией В.П. Филина обнаруживаем диалектизм «клечек» в значении «палочка» с указанием места употребления и годом записи («Смол. 1890 г.») [Слов. русск. нар. говоров, 1977, с. 291].

Приговоры «*Ѣсть хачу. Разинь ротъ: я ѱскачу*», «*Кушайтя да хазяина слушайтя*», «*Скакни да неба: тада дамъ хлѢба*», «*Губи ня вѢрь, только къ роту примѢрь*», «*Чарычка катокъ, вараишия у ратокъ*» имеют ярко выраженную юмористическую окраску и использовались, вероятно, в качестве шутки при употреблении пищи [Добровольский, 1894, с. 82].

Большее значение крестьяне придавали обеду – «*Важинь ня ужинь, а дорагъ абѢдь*» [Добровольский, 1894, с. 77]. Поэтому очень важно было вежливо, соблюдая традиции, пригласить к столу: «*ХлѢбъ-соль! Просимъ пакушати*», «*ХлѢбъ-соль! Спасиба за добрыя слова, добрый чилавѢкъ*», пожелать приятного аппетита: «*Спарина вамъ у чарку*» [Добровольский, 1894, с. 82].

Не менее важно правильно и с душой поблагодарить за вкусный обед, пожелать благополучия хозяевам: «*Благодарю за угащѣнiя*», «*Благодарю панамарю, што ва ѱси названиiу*», «*Дай Бохъ мѢравую сыть: сахару кусъ, а саломы возъ*», «*Спасиба сталу и скамейки и усей сямейки*», «*Спасиба усей гурьби и хазяину*» [Добровольский, 1894, с. 82].

Этикетные правила поведения за столом, традиции застолья также нашли отражение в народной фразеологии – «*Хлебъ-соль кушай, да хазяина слушай*», «*Садитись, дѢтки у рядъ, штобъ Бохъ былъ радъ*» [Добровольский, 1894, с. 81].

Из-за стола следовало вставать только после хозяйки – «*Уставай съ застолья, када хазяйка хвартукамъ триханеть*», «*Кагда молодые у хорошимъ сагласiи: Куда ты лѢзишь? Ища хазяйка хвартукамъ ни триханула*» [Добровольский, 1894, с. 82].

Обед делили поровну, хозяину и хозяйке немного больше – «*Усимъ на семь, хазяину 8, хазяйки 9, што роуна дѢлитъ*» [Добровольский, 1894, с. 82]. Плохим качеством считалась неаккуратность, привычка оставлять посуду после обеда –

«*Бли панами – аташли свиньями. (Когда послѣ обѣда лѣнятся столъ убирать)*» [Добровольский, 1894, с. 82].

О традициях застолья, привычке людей есть много, съесть всё, сообщает поговорка – «*Ни патуль ядимъ, пакуль сыты, а пакуль усѣ*» [Добровольский, 1894, с. 81].

С религиозными представлениями был связан запрет на неаккуратное отношение к хлебу. В народе говорили: «*Ни лумать, а ножикамъ разрѣзать. Бохъ лумаў и намъ даваў*» [Добровольский, 1894, с. 82].

Традиционным у крестьян был послеобеденный сон: «*Хто послѣ абѣда сна ни уживаить, таго Бохъ за нявольника щитаить*» [Добровольский, 1894, с. 82].
Весьма интересны пословицы «*Силязѣнки, мальчикъ, ни бшъ: съ каня звалисьтя*», «*Дбўка, бшъ силязѣнку: каса вялика будить*», содержащие народные рекомендации употребления отдельного продукта [Добровольский, 1894, с. 81].

В группе пословиц о еде обнаруживаем поговорки, в которых метафорическое наполнение, комплексность семантики определяют значения, не связанные с пищей. «*Сахарнымъ кускомъ сытъ. И сахарный кусокъ дехтимъ абарачаитца*» – иногда то, что кажется хорошим и положительным, оказывается противоположным, иным [Добровольский, 1894, с. 81]. О приоритете правды поговорка «*Хлебъ-соль бшъ, да праўду рѣжъ*» [Добровольский, 1894, с. 81] Очевидна параллель с крылатыми словами – «*Платон мне друг, но истина дороже*» (правда и точные знания гораздо важнее даже дружбы и других жизненных обстоятельств).

Пословицы фразеосемантической группы Пища тесно соприкасаются с поговорками группы Одежда. По содержанию пословиц «*Хуть черна хади, да пираги няки*», «*Цапохъ скрипитъ, а у катлѣ тряса кипить*» можно судить о том, что приоритет имела еда, прежде всего, заботились о том, чтобы в доме всегда был обед, было, что подать к столу, а уже одежда, её состояние и качество были на втором плане [Добровольский, 1894, с. 79]. Народ отмечал, что потребность человека в еде, затраты на приготовление пищи лишают его достатка в деньгах («*Када*

бъ ня дирька у роти – хадили бъ мы у злоти») [Добровольский, 1894, с. 79]. О неприязнительности не только в еде, но и в одежде паремия – «Пушной хлѣбъ – ня голыдъ, пасканная рубашка – ни нагата» [Добровольский, 1894, с. 79]. Однако и одежда – одна из важных составляющих жизни людей: «Галодный поля пирябь-гить, а голый нѣ» [Добровольский, 1894, с. 79].

С паремиями фразеосемантической группы Пища связаны паремии группы Работа, их сочетание в свою очередь позволяет обнаружить качества человека, а именно, лень, трудолюбие. Народ считал, что хорошего обеда в первую очередь заслуживает человек, который работает физически: «Касцамъ первыя кушанья» [Добровольский, 1894, с. 79]. Жизнь народа была устроена очень целесообразно, по правилам, проверенным веками. Именно косьба с пахотой была самой тяжелой физической работой. Поэтому сначала кормили косцов, так как от их работы зависело, будет ли сено, а если есть сено, будет молоко, семья будет сыта.

Естественным после усердной работы является здоровый аппетит, поэтому люди говорили: «Робъ ни линясь, ѣшь ни баясь», «Работать ни линясь, – ѣсть ни баясь», «Паработай да поту и ѣшь у въ ахоту», «Работали да пату, ѣли сухату» [Добровольский, 1894, с. 80].

Пословицы «На работу мальчики, на яду маладцы», «Ни работаишь, такъ даляжишь», «Паѣсть любить, а на работу глядитъ, якъ конь скрозь дугу», «Што мнѣ тая ида смашина, якъ работа страшная», «Велій я зъ ѣмъ хлѣбъ да ваду да паляжу» констатируют такое качество, как лень [Добровольский, 1894, с. 80].

Паремии «Што стопаишь, то и злопаишь», «Абмочишь ножку, памочишь и ложку» представляют собой варианты общерусских пословиц – «Поработаешь до поту, так и поешь в охоту», «Кто как работает, тот так и лопает», «Как потопаеть, так и полопаеть» [Добровольский, 1894, с. 80].

От результата работы, её эффективности зависит то, как поест человек: плохая и некачественная работа заслуживает и плохого вознаграждения, плохого обеда. Народ говорил: «За то сабаку корьмять, штобъ ина брихала» [Добро-

вольский, 1894, с. 80]. Каждый оплаченный труд требует неизменного выполнения своих обязанностей.

Таким образом, паремии о еде содержат ценные сведения о принципах правильного и здорового питания, те прописные истины, соблюдение которых необходимо человеку любого столетия. Паремии учат людей здоровым принципам питания, формируют уважение к еде, поведению за столом, формируют правила рационального выбора продуктов.

Выводы по второй главе

Диалектный паремиологический материал «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского является кладезем народной мудрости, народных умозаключений, народного мировоззрения. Уникальность и ценность этого материала неоспорима и крайне важна для современных исследователей языка, культуры и традиций русского народа.

Тематическое описание паремиологического материала позволило проанализировать и сопоставить взгляды и мироощущение современного человека и человека той эпохи, когда создавался сборник, выявить общее, неизменное для всех временных промежутков истории русского человека, а так же различное; ушедшее в прошлое, оставшееся в минувших столетиях, или трансформировавшееся в наше время.

Судьбу смоленский крестьянин понимал как нечто данное и предопределённое свыше. Высшей силой, руководившей судьбами людей, считался Господь Бог. Именно Бог даровал добро и счастье, а также посылал трудности и горести, которые человек должен был мужественно вынести и принять.

Стоит отметить, что такое немного фатальное отношение к судьбе не свойственно людям нашего времени. Люди зачастую верят в то, что творцом своей жизни являются только они сами, судьба человека в его руках. Отсюда, возможно, такие черты современного поколения, как напористость, целеустремлённость, умение получать желаемое любой ценой. Однако доминирование таких качеств

часто провоцируют амбициозность, чѐрствость, неумение и нежелание проходить трудности, этапы в получении результата. Вероятно, нам стоит обратиться к опыту прошлых столетий, поучиться терпению, силе характера людей XIX века.

Христианское понимание Судьбы, а также исторические события, связанные со Смоленской землёй, определили отношение крестьянина к Жизни. Как и человек нашего времени, человек прошлого века признавали сложность, безграничность, необратимость многих моментов, двойственность и непредсказуемость жизни, в которой после плохого должно непременно наступить хорошее, в которой зло соседствует с добром, горе с радостью.

Христианское принятие Жизни и Судьбы объясняли и отношение к Смерти. Если сейчас о смерти говорить боятся, то в XIX веке смерть принимали как данность, как определённую свыше, человек всегда был готов к страданиям, а значит, и к смерти. Считалось, что за все испытания, посылаемые Богом, непременно будет награда в той жизни, которая следует за смертью.

В рассуждениях смоленского крестьянина о Счастье также обнаруживаем идею о его предопределённости Господом Богом и Судьбой. Счастливый человек – это человек, оберегаемый Создателем. Счастливому человеку всегда сопутствует удача, он легко справляется со всеми трудностями.

Следует отметить, что в сознании смоленского человека счастье и богатство (не только материальное) часто сопоставлялись как синонимы. Богатый человек – это счастливый, здоровый и жизнерадостный человек. Много работая, надеясь только на себя, на свои силы, простой народ всегда предостерегал от чужого счастья.

Смоленский крестьянин много трудился, был близок к природе, выполнял сезонные работы. Думать о счастье ему было некогда. Поэтому в сборнике не находим паремию, в которой есть точное определение счастья. Счастье многомерно, счастье человека прошлых столетий – это размеренная и привычная жизнь в гармонии с природой, это ежедневный труд, это здоровье, семья и дети.

В целом следует отметить, что рассуждения смоленского крестьянина о Счастье и Несчастье, Жизни и Смерти, Судьбе дополняют друг друга, подтвер-

ждая многоплановость философских категорий, многомерность человеческого сознания. Можно вывести следующие формулы: счастливая Судьба – это Счастье, тяжёлая – Несчастье; Счастье – это Жизнь, Несчастье – это Смерть.

В жизни человека много закономерностей и общих правил. Такой неизбежной закономерностью является естественная смена Молодости Старостью. Паремии данных тематических групп построены на метафорических контрастах (цветение и краски природы – утрата красок жизни и природы; энергия, буйство – спокойствие и размеренность; сила и здоровье – утрата сил, болезни), с использованием ярких образов.

Существующий в наше время конфликт поколений – проблема не нового времени, существовал он и в XIX веке. В таком непонимании старшими младших мы снова обнаруживаем естественную закономерность жизни. Смена традиций, несовпадение старого и нового всегда будет вызывать критику и осуждение.

Рассуждая о жизни и счастье, человек, конечно же, не может не вспомнить о любви. В «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского данная фразеосемантическая группа представлена небольшим количеством пословиц и поговорок. Физический труд, заботы о семье, родителях, отсутствие времени, природная скромность не позволяли много говорить о любви.

В диалектной паремиологической картине мира смоленского крестьянина любовь представлена как всепоглощающая и великая сила, которая дарит прекрасные и запоминающиеся моменты, нередко ранит и разочаровывает

Дружба понималась как союз двух родственных душ, общность интересов и взглядов. Настоящий друг познаётся в деле, в способности помочь в сложную минуту. Дружба, искренние отношения всегда должны превалировать над расчётом, службой. Паремии, содержащие негативную оценку дружбы, предостерегают от обмана, констатируют случаи предательства среди друзей.

Количественное преобладание паремий с общим значением Семья позволяет делать вывод о том, что семья была главной в жизни смоленского крестьянина. Народ предупреждал о необходимости осознанного выбора спутника жизни, осознанного создания семьи. Тяга человека к свободе от брака осуждалась, была про-

тивоестественна, противоречила христианским убеждениям; свободный и холостой человек вызывал сочувствие и сострадание. В настоящей и крепкой семье всё делили поровну: и счастье, и горести, и хлопоты, и работу. Каждый член семьи чувствовал, что не один, что отвечает за свою семью, своих близких.

Особенно оговаривал смоленский народ необходимость семейной жизни для девушек. Девушкам с детства внушали страх остаться одной и не выйти замуж. Как видим, данные взгляды совершенно отличны от современных представлений о браке. В наше время молодые люди не спешат создавать семью, стремятся к самостоятельности, самодостаточности. Многие девушки достигают не меньших успехов в карьере, чем мужчины, а порой и больших.

Рассуждая о семейной жизни, смоленский народ отмечал, что не редкостью были проблемы во взаимоотношениях между членами семьи (мужем и женой, невесткой и свекровью, родителями и детьми). Женщина XIX века была ограничена в своих правах и возможностях, её главным предназначением считалась семья, забота о семье, детях, создание быта, помощь мужу в сезонных работах. Отсюда и представления людей прошлого столетия о женской красоте, которые не совсем совпадают с современными. Красивая девушка – это здоровая и крепкая девушка, способная родить детей, способная много работать физически. В основе понимания взаимоотношений мужа и жены – христианские заповеди, согласно которым женщина создана после мужчины, а потому сам Бог определил место женщины, её необходимость подчинения мужу.

Полноценная и настоящая семья была немислима без детей. Традицией XIX века были именно многодетные семьи. Дети считались самым большим счастьем в жизни человека, самым большим подарком Бога. Счастье в том доме, где много детей, поэтому проблемы сиротства, брошенных детей практически не существовало.

Уходят в прошлое одни традиции, появляются новые, человек всё больше открывает мир, разгадывает загадки Вселенной, меняется жизнь, одно столетие сменяет другое, но семья, её важность, святость, основанные на христианских традициях, являются неоспоримыми. Человек XIX века, воспитанный по христи-

анским канонам, уважающий традиции прошлого, понимал и признавал ценность семьи, семейных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование позволяет сделать некоторые обобщения и выводы.

В настоящее время возрастает интерес к духовной самобытности культуры, к проблемам национальной идентичности. В выражении этих феноменов велика роль языка, который хранит и передает из поколения в поколение культурное наследие народа, оказывает влияние на формирование языковой личности и национального характера. Признание языка отражением национального представления о жизни, о культурных ценностях, о мире привело к появлению в лингвистике понятия языковой картины мира.

Интерес исследователей к «человеку в языке» способствовал развитию антропологического направления изучения языка в целом, а также его фразеологического уровня. В связи с этим наряду с понятием языковая картина мира целесообразно говорить о фразеологической картине мира.

Территориальный ограничительный параметр формирует один из фрагментов национальной картины мира – региональную картину мира, в которой, в свою очередь, выделяется фрагмент, представляющий диалектную языковую картину мира. Лингвокультурологическое направление в исследовании фразеологии ограниченного региона, интерес к диалектному материалу способствовали появлению необходимого в современной лингвистике направления в изучении диалектной паремиологической (фразеологической) картины мира.

Ценность изучения диалектной паремиологической картины мира закономерна, обусловлена её этнокультурными особенностями. Диалектный паремиологический материал является своего рода исконным началом, выразителем традиционного национального представления о мире.

Исследование диалектной паремиологической картины мира представляет научный интерес также в связи с тем, что анализ диалектного фонда позволяет описать общее (национальное) и региональное, запечатленное в языке, выявить

знания и представления народа, ценностные установки, которые исторически свойственны жителям того или иного региона.

Богатый, национально-специфический и культурно значимый материал «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского позволяет изучить и описать важный фрагмент диалектной паремиологической картины мира Смоленского края, сформировать представление об уникальном русском национальном характере.

Этнографический материал Сборника весьма обширен и разнообразен: пословицы и поговорки, диалоги и короткие стихотворения, различные приметы и диалектные слова, собранные В.Н. Добровольским в Смоленской губернии и на некоторых прилегающих к ней территориях.

Фонетические, морфологические, лексические, словообразовательные черты диалектных паремий определяют их уникальную ритмическую организацию. В связи с этим для современного восприятия звучания пословиц и поговорок были охарактеризованы языковые черты смоленского диалекта, формирующие фонетико-грамматические особенности диалектных паремий.

С целью структурирования описываемого материала в работе были предложены следующие объединения: а) фразеосемантическая группа, б) фразеосемантический блок. Методом сплошной выборки были выделены фразеосемантические группы пословиц и поговорок, относящиеся к макротеме Человек. Проведённый анализ позволил структурировать полученный материал с учётом тематической классификации В.Н. Добровольского и необходимых уточнений. Рассмотрение и описание паремий в рамках разных групп, в групповом составе позволяет раскрыть разные значения, выявить многомерность, многозначность и комплексность семантики многих пословиц и поговорок «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского

Количественная характеристика диалектного материала показала, что ведущим понятием в диалектной паремиологической картине мира Смоленского края является Семья. Жизнь человека XIX века проходила по установленному и всеми принимаемому порядку: рождение – крестины – свадьба – смерть. Все этапы че-

ловека сопровождала семья. Создание семьи считалось естественной необходимостью, обязательным этапом в жизни каждого человека. Святость семьи была неоспорима.

Как и в наше время человек XIX века размышлял о жизни, смерти, счастье и несчастье, о любви и дружбе, о том, какой должна быть семья, как правильно воспитывать детей, как относиться к друзьям, деньгам, работе, к тому, что принадлежит или не принадлежит тебе. Проведённый нами лингвокультурологический анализ паремий способствовал воссозданию типичного портрета смоленского человека XIX века. Определим наиболее доминантные черты.

Человек XIX века – это *религиозный, верующий человек*, его мировоззрение и миропонимание было основано прежде всего на христианских традициях. Важные события жизни, переход из одного этапа в другой, радости и горести, трудности и испытания он всегда пропускал сквозь призму веры. Согласно такому пониманию всё в этом мире дано Богом (жизнь и смерть, любовь и дружба, семья и дети, здоровье, счастье и несчастье). Сама жизнь – это подарок Бога. Человек должен быть ему благодарен за то, что имеет, не жаловаться и не роптать на судьбу, ведь можно прогневить Создателя. Христианское мироощущение сформировало способность русского человека к мирозерцанию и самоанализу, самоконтролю в совершении плохого, за которое непременно последует наказание.

Отсюда вторая черта – *жизнестойкость и сила духа*. Смоленский народ многое пережил испытаний, защищая свою землю от захватчиков. Исторические события сформировали характер народа. Все трудности человек принимал как временные и необходимые, посланные свыше; плохое непременно сменится хорошим.

Мужественное понимание смерти как естественной закономерности, естественного финала всего живого, постоянная готовность к страданиям и испытаниям обусловили другую черту смоленского народа – его *смирность*, также основанную на христианском мировоззрении.

Храбрость и настойчивость в борьбе с врагами закалили такие природные качества, как *терпеливость, неприхотливость, непритязательность*, умение по-

нимать и принимать жизнь такой, какая она есть. Отсюда понимание счастья. Счастье для человека XIX века простое и непритязательное, – это семья, это здоровые дети и родители, это настоящая любовь это красота природы, это ежедневный труд.

Природная *скромность* не позволяли простому человеку много рассуждать о любви, о своих чувствах и переживаниях. Тема любви была достаточно закрытой и личной, для народа любовь – это самое высокое и загадочное чувство. Редко обсуждались с посторонними, были запретной темой проблемы внутрисемейных отношений.

Искренность и чистосердечие, честность и открытость человека проявлялись в настоящей дружбе. Смоленский народ умел дружить, настоящую дружбу всегда ставил выше всех материальных благ.

В XIX веке весьма ощутимо прослеживается традиция почитания старших. Родители, старики с точки зрения молодых людей прошлого века – это люди, которых следует уважать уже за то, что они подарили жизнь, за то, что они делятся своей житейской мудростью. Поэтому определим такое качество, как *беспресловное уважение и почитание старших*. Непререкаемый авторитет в семье имел отец, уважение глава семьи заслуживал личным примером во всех делах и начинаниях, справедливостью суждений, ежедневным трудолюбием.

Рассудительность, благоразумие, обстоятельность и обдуманность не позволяли человеку желать чужого, претендовать на запретное. Окружающий мир в сознании крестьянина XIX века очень понятно и ярко делился на свой и чужой, на тот, который он заслужил сам, получил от Бога, и тот, который ему не принадлежит. Посягнуть на чужое – совершить грех. Отсюда и отношение к деньгам. Люди всегда помнили об их мимолётности и губительной силе, не связывали счастье только с деньгами. Деньгам предпочитали семейное счастье, здоровье близких, душевную гармонию.

Ежедневный труд и хлопоты, жизнь в гармонии с природой, ориентированная на времена года, – это жизнь смоленского крестьянина. Поэтому человеку были свойственны *тонкость восприятия окружающего мира, чуткость, внима-*

тельность. Благодаря такой наблюдательности жизнь человека была богата различными приметам и обычаями, часто связанными с природой.

Таким образом, лингвокультурологический анализ диалектных паремий Сборника В.Н. Добровольского способствовал выделению в каждой фразеосемантической группе ключевых понятий, которые репрезентируют базовые ценности смоленского крестьянина XIX века; определению отношения народа к различным явлениям жизни, воссозданию культурных и нравственных установок диалектоносителей, типизации национальных черт характера жителя Смоленского края.

Проведённый комплексный и многоаспектный лингвокультурологический анализ диалектного паремиологического материала «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, его сопоставление с материалом одноимённых групп в собрании «Пословиц русского народа» В.И. Даля позволяют сделать вывод о том, что смоленская диалектная паремиологическая картина мира, имеющая как общенациональные, так и специфические черты, является элементом общерусской диалектной картины мира, воссоздающей и дополняющей типичные представления русского народа о жизни и мироустройстве. Выделение фразеологического компонента диалектной картины мира Смоленского края правомерно и необходимо, поскольку региональные и общенациональные компоненты семантики смоленской диалектной паремиологии обладают этнокультурным своеобразием и уникальностью.

Считаем, что изучение и сохранение диалектного паремиологического наследия Смоленского края – одна из важных задач современных исследователей языка, истории и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов, С.И. Современный русский литературный язык. – М.:Сов. Наука, 1942. – 184 с.
2. Аверина, С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005, – 159 с.
3. Алахвердиева, Л.К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 242 с.
4. Алефиренко, Н.В. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта. Наука, 2010. – 224 с.
5. Алефиренко, Н.В. Фразеология в свете современных парадигм. – М.: Эллис, 2008. – 270 с.
6. Алимжанова, Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека / Г.М. Алимжанова. – Алматы, 2010. – 300 с.
7. Альдингер, О.П. Фразеологическая картина мира в «Пословицах русского народа» В.И. Даля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2006. – 24 с.
8. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. – Ленинград: Изд-во. Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.
9. Аникин, В.П. Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
10. Аникин, В.П., Круглов, Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. Издание 2. – М.: Высшая школа, 1983. – 356 с.
11. Аничков, И.Е. Труды по языкознанию. – Спб.: Наука, 1997. – 509 с.
12. Аппоев, А.К. Вербализация жизненного опыта социума в паремиях / А.К. Аппоев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 13 (267). – С. 5–7.

13. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды в 2-х тт. Т.2. – М., 1995. – 767 с.
14. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань: Изд-во Ун-та, 1989. – 126 с.
15. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
16. Архангельский, В.Л. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании: 60-е годы XX в. // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов-на-Дону, 1968. с. 75–96.
17. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основа теории и устойчивых фраз и проблем общей фразеологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ун-та, 1964. – 169 с.
18. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957, – 295 с.
19. Бабаева, Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ...д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 438 с.
20. Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М., Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. – 76 с.
21. Бабкин, А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. / АН СССР; Ин-т рус. языка; Отв. Ред. В.В. Виноградов. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
22. Байрамова, Л.К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика: в 2 т. Т. 1. Идиоматика и познание / под ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во Белгор. Гос. Педагог. ун-та, 2008. С. 298–302.
23. Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
24. Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме. // Паремииологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 127–148.

25. Басхва, Т.Ю. Устойчивые сочетания в русских говорах южных районов Красноярского края. Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. – 14 с.

26. Безкоровайная, Г.Т. Семантическое поле как фрагмент национальной языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: Изд-во: Российск. ун-та Дружбы народов, 2017. – Vol. 8, № 2. – С. 413–419.

27. Белякова, С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области) : дис. ... канд. филол. наук / С.М. Белякова. – Екатеринбург, 2005. – 335 с.

28. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

29. Бондаренко, В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. – Тула: Изд-во Тул. Гос. пед. ун-та, 1995. – 151 с.

30. Бондаренко, В.Т. К вопросу о лингвистической сущности пословиц // Лексикология и фразеология: Новый взгляд. Раздел фразеология. – М., 1990. – С. 11–46.

31. Бондарко, А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды. / Бондарко // Вопросы языкознания, 1985. № 1. – С. 14.

32. Бондарко, А.В. Понятие «семантическая категория», «функционально-семантическое поле» и «категориальная ситуация» в аспекте сопоставительных исследований. // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С. 12 – 19.

33. Бредис, М.А., Димогло, М.С., Ломакина, О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 265–284.

34. Брутян, Г.А. Языковая картина мира и её роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1976. С. 56–64.

35. Брутян, Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г. Ереван: Луйс, 1968. – 66 с.

36. Брысина, Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. Наук. – Волгоград, 2003. – 543 с.
37. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Т. 1, – СПб.: Общественная польза, 1861. – 209 с.
38. Буянова, Л.Ю. Национальная фразеология как репрезентация этнокультурной и профессиональной памяти // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. № 4 – С. 1–11.
39. Буянова, Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 184 с.
40. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
41. Вержбицкая, А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека. Вопросы языкознания, 2000. № 6. – С. 33–38.
42. Вержбицкая, А. Язык. Культура. Познание. / А. Вержбицкая. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
43. Вержбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Яз. Рус. культуры, 1999. – 780 с.
44. Вержбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вержбицкая. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 287с.
45. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
46. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.
47. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 2003. – 454 с.
48. Власкова, М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012. – 23 с.

49. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Монография – М.: Гнозис, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 236 с.
50. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: РУДН, 2008. – 340 с.
51. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу для филологов. – Пермь: Изд-во Пермского гос. Пед. Ин-та, 1974. – 254 с.
52. Ганова, С.В. Концептуализация ойконимов в сознании региональной языковой личности. Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово 2013. – 21 с.
53. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Логос, 2010. – 246 с.
54. Гвоздарев, Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 103 с.
55. Георгиева, С. Фразеологическая активность концепта «хлеб» в русском и болгарском языках // Культурные концепты в языке и тексте (Под ред. Н.Ф. Алефриенко), Белгород, выпуск II, 2007. С. 62–68.
56. Гумбольдт, В.Ф. Язык и философия культуры / В.Ф. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451с.
57. Гухман, М.М. Грамматическая категория и структура парадигм. // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – 292 с.
58. Данилевская, А.С. Диалектная фразеология русских говоров Приамурья как средство выражения региональной языковой картины мира. // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. 2014. С. 175–176.
59. Декатова, К.И. Культурные концепты в языке и тексте.: Сб. научн. трудов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 163 с.
60. Демидова, К.И. Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте // Вестник ЮУрГУ, 2011. № 22. – С. 5–6.

61. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. // Вопросы языкознания. – М.: РАН, 1994. № 4. – С. 17–33.
62. Добровольский, Д.О. К проблеме фразеологических универсалий / Д.О. Добровольский // Филологические науки, 1991. № 1. – С. 71–94.
63. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания, 1997. № 6. – С. 37–49.
64. Добровольский, Д.О. Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания, 1996. № 1. – С. 71–94.
65. Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: Монография /Е.А. Добрыднева; М-во образования РФ. Волгогр. Гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 223 с.
66. Дружина, Н.Л. Семантическое поле «Семья» в различных типах дискурса (на материале русского, белорусского, немецкого языков): автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Минск, 2020.
67. Дубровская, О.Г. Русские и английские пословицы как лингвокультурологические единицы. – Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2002. – 163 с.
68. Дьяконов, А.И. Понятие «поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «англицизмы в русском языке» // Сибирский филологический журнал, 2012. № 1. – С. 198 – 210.
69. Жуков, А.В. Фразеологическая переходность в русском языке: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Л., 1991. – 38 с.
70. Жуков, В.П. О семантической целостности фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. 1. – Новгород, 1971б. – 356 с.
71. Жуков, В.П. Русская фразеология: Учеб. Пособие для филолог. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
72. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов: Учеб. пособие для пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
73. Жукова, М.Е. О «новой» русской фразеологии // Очерки по фразеологической семантике. Великий Новгород: НовГУ, 2008. – С. 138–146.

74. Закуткина, Н.А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. – 157 с.
75. Зализняк, Анна А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. (Язык. Семиотика. Культура.).
76. Зимин, В.И. Лексическое значение как объект комплексного описания словаря. Дисс. ... д-ра филол. Наук. – М., 1994. – 546 с.
77. Зиновьева, Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. – СПбГУ, 2005. – 86 с.
78. Зыкова, И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дисс. доктора филол. наук. – Москва, 2014, – 52 с.
79. Зыкова, И.В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения. – М.: URSS, 2015. – 376 с.
80. Иванова, Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). Спб.: Филол. Фак. Санкт-Петерб. Гос. ун-то, 2002, – 153 с.
81. Ивашко, Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 111 с.
82. Ивашко, Л.А. Диалектная фразеология и её формирование на базе лексики народной речи. Автореферат дис. ...доктора филологических наук. – Спб, 1994. – 38 с.
83. Каирова, Р.Б. Отражение категорий культуры в семантике идиом: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009. – 24 с.
84. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии. // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
85. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.

86. Карасик, В.И. Языковая личность: культурные концепты. Сб. научных трудов. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. – 259 с.
87. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
88. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля. // Филологические науки. – М., 1972. № 1. – С. 314.
89. Караулов, Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд, перераб. И доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 721 с.
90. Кипарисова, С.О. Рязанская диалектная фразеология: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2019. – 370 с.
91. Кобелева, И.А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. – В. Новгород, 2012. – 355 с.
92. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
93. Ковалева, Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 39 с.
94. Ковалевская, Л.А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2010. – 21 с.
95. Коваль, В.И. Восточнославянская этнофразеология как отражение «картины мира» // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Тезисы докладов международной научной конференции 5 – 7 октября. В 2 ч. Минск: Універсітэцкае, 1994. Ч. 1. – С. 30–32.
96. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 48 с.

97. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц, поговорок. Антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
98. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: Кн. Дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 453 с.
99. Кодухов, В.И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. – Вологда: Сев.-Зап. книжн. Изд-во, 1967.
100. Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Русская лексикография: учебное пособие. – М.: Дрофа, 2004. – 285 с.
101. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
102. Комова, Д.Д., Ломакина, О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, 2019. № 3(103). Ч. 1. – С. 78–86.
103. Копыленко, М.М., Попова, З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. – 141 с.
104. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
105. Королёва, Е.С. Диалектная фразеология и её истоки (на материале русских говоров Латгалии) // Русское слово в мировой культуре: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. С. – петербург. 30 июня – 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня – Спб.: Политехника, 2003. – С. 546–554.
106. Коурова, О.И. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как лингвокультурная ценность: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – 235 с.

107. Краёва, В.Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 23 с.
108. Кравцов, Н.И, Лазутин, С.Г. Устное народное творчество. Учеб. М.: АСБ, 2003. – 45 с.
109. Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемиология // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – М., 2001. – т. 60. № 5. С. 3–13.
110. Красавский, Н.А концепт «Zorn» в пословично-поговорочном фонде немецкого языка. // теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. С. 78-89//eidos.rsl.ru
111. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
112. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
113. Кругликова, Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения: учеб. пособие. – М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1988. – 86 с.
114. Круглов, Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия по фольклористике: учеб. пособие для педагогических институтов. – М.: Высшая школа, 1986. – 535 с.
115. Крымская, М. Я. Семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи в русском и французском языках : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005, – 334 с.
116. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности язык: Вместо введения // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. Ред. Н.Н.Болдырев. – М.: Инт языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып.IV.
117. Кузнецова, Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989. – 176 с.
118. Кунин, А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. – 342 с.

119. Лавров, Н.И. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы: учеб. пособие к спецкурсу / Новгород. пед. ин-т Новгород: издательство НГПИ, 1992. – 91 с.

120. Лавров, Н.И. Понятийное содержание и категориальное значение диалектных фразеологизмов // Актуальные проблемы русской фразеологии: межведомств. сборник научных трудов / ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1983. – С. 81–97.

121. Ларин, Б.А. О народной фразеологии // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы: учеб. пособие для пед. вузов. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.

122. Ларин, Б.А. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике – книга автора. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 234 с.

123. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка. – СПб.: РАН - СЛЯ, 1993, № 1. – С. 3–9.

124. Лучинина, Е.Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004. – С. 238–243.

125. Макарова, Е.В. Топонимическая языковая личность (на материале топонимии Алтая): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 20 с.

126. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2 ч. – Смоленск: Изд – во СГПУ, 2002. Часть 1. 204 с., Часть 2. – 256 с.

127. Максимчук, Н.А. Словарь Смоленских говоров и современные проблемы изучения диалектной картины мира // Смоленские говоры : коллективная монография. – Смоленск: Свиток, 2016. – С. 361–371.

128. Максимчук, Н.А. Комплексность семантики пословиц как отражение многомерности русского мировосприятия // Русский универсум в условиях глобализации. Сб. стат. участников Всероссийской научно-практич. конф. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 217–223.

129. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 202 с.

130. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
131. Маслова, В.А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Телия В.Н. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 159–163.
132. Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.
133. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
134. Мельниченко, Г.Г. О принципах сопоставления областных словарей // Региональная лексикология и лексикография. Избранные работы. Ярославль: ЯГПУ, 2007. – С. 5–151.
135. Мещерякова, М.А. Литература в таблицах и схемах / Домашний репетитор. – М.: Айрис, 2000. – 60 с.
136. Мокиенко, В.М. О словаре псковских пословиц и поговорок // Словарь псковских пословиц и поговорок. Сост. В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина. СПб., 2001. – 173 с.
137. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.; 2-е изд. М., 1989. – 287 с.
138. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: историко-этимол. и этнолингвист. очерки фразеологии/ В.М. Мокиенко. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 277 с.
139. Мокиенко, В.М. Фразеология и языковая игра: динамика и формы смысла // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Володарского. Серия: Филология. Социальная коммуникация. – 2012. – Т. 25(64). № 2(1). – С. 100–109.

140. Мокиенко, В.М. Предисловие // Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010а. – С. 4–9.
141. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.
142. Морковкин, В.В., Морковкина, А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1997. – 414 с.
143. Мордвилко, А.П. Очерки по русской фразеологии (Именные и глагольные фразеологические обороты). – М., 1964. – 132 с.
144. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993. – 187 с.
145. Никитина, Т.Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. – Псков, 1988. – 203 с.
146. Николаенко, Л.В. Лексикология и фразеология современного русского языка: учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2005. – 140 с.
147. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: автореф. Дис. ... д-ра филол. наук. – Минск, 2016. – 56 с.
148. Новиков, Л. А. Семантика русского языка . – М.: Просвещение, 1987. – 272 с.
149. Новикова, Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. – М., 2002, № 1. – с. 116–125.
150. Опарина, Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия / Е.О. Опарина. Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 183–187.
151. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988. – 240 с.

152. Покровский, М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 61 – 153.
153. Попова, Т.Н. Словообразовательная семантика имён на – ость в русском диалектном словопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 1. – С. 260–267.
154. Попов, Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.
155. Попов, Р.Н. Проблемы изучения диалектной фразеологии // Фразеология – 2000. Материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». Тула: ТГПУ, 2000. – С.295.
156. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с. Изд. 3-е, перераб. и доп.
157. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. Т. I – II/ – 536 с.
158. Продюков, И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учебное пособие. – Пермь, 1991. – 124 с.
159. Прокофьева, Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул. – 21 с.
160. Просвиркина, И.И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. 11 / 2005, – С. 106 – 107.
161. Радченко, О.А., Закуткина, Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. – С. 25–46.
162. Расторгуев П.А. Говоры на территории Смоленщины. Издательство Академии наук СССР. – М., 1960. – с. 207.
163. Ройзензон, Л.И. Русская фразеология: Учебное пособие. Самарканд, 1997. – с. 119.

164. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспект. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. – 239 с.
165. Сепир, Э.И. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс; Издательская группа «Универс2», 1993. – 654 с.
166. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000. – 247 с.
167. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
168. Сметанина, З.В. Фразеология ярославских и костромских говоров, характеризующая человека: автореф. Дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. – Кострома, 1997. – 18 с.
169. Смирнова, Ю.П. Семантическое поле движения // Теория поля в современном языкознании. – Уфа, 1999. – С. 73–76.
170. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). – М., 1985. – 406 с.
171. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: школа «Язык русской культуры». 1997. – 824 с.
172. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения. // Коммуникативное поведение. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000. – 27 с.
173. Тагиев, М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966. – 251 с.
174. Татар, Б. Русская фразеология / Рец.: В.П. Жуков. М., 1986 // *Studia Russica XI*, Budapest, 1987. – 289 с.
175. Татаркевич, В.О. счастье и совершенстве человека. – М.: Прогресс, 1981. – 367 с.
176. Тарланов, З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1993. – 222 с.

177. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Телия В.Н. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

178. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

179. Токарев, Г.В. Дискурсивные лики концепта. – Тула, 2004. – 108 с.

180. Топоров, В.Н. О ритуале. Введение в проблематику / Топоров В.Н. // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – 298 с.

181. Тотрова, Д.Б. О понятиях «лексико-тематическая группа» и «лексико-семантическая группа» // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2011. - № 37. – С. 106–120.

182. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. – М: URSS, 2010. – 239 с.

183. Федоров, А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – XIX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 171 с.

184. Фелицина, В.П., Прохоров, Ю.Е. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческой литературе // Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М.: русский язык, 1988. – С. 3–17.

185. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

186. Филин, Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езикovedские исследования в честь акад. Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523–538.

187. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Избранные труды. В 2 т. – М.: Учпедгиз, 1956 – 1957. – 2 т.

188. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 184 с.

189. Чагишева, В.И. К изучению семантики диалектных фразеологизмов (на материале брянских говоров) // Брянские говоры. – Л., 1975. – С. 48–61.

190. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: URSS, 2010. – 265 с.
191. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 367 с.
192. Шейгал, Е.И., Буряковская, В.А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса. – Волгоград: Перемена, 2002. – 177 с.
193. Ширшаков, Р.В. Типы диалектных слов в пензенских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. – Тамбов, 2011. – 25 с.
194. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие / Д.Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
195. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 286 с.
196. Щерба, Л.В. Опыты общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.
197. Щербо, П.А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков (на материале английской, французской и русской лексики : Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2008. – 26 с.
198. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира// Вопросы языкознания, 1994. №5. – С.73–89.
199. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – М., 1996. № 1–3. – С. 34–48.

Словари и справочники

200. Алексеенко, М.А. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. – М.: ИТИ Технологии, 2004. – 237 с.
201. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 567 с.
202. Бирих, А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межка-

федеральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

203. Добровольский, В.Н. Смоленский областной словарь [Электронный ресурс] / сост. В.Н. Добровольский. – Смоленск, 1914 (2016). – [4], IV, 1022 с.

204. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник в 2 т. Т. 1 / В.И. Даль. – М.: Худож. Литература, 1989. – 431 с.

205. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник в 2 т. Т. 2 / В.И. Даль. – М.: Худож. Литература, 1989. – 447 с.

206. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский яз., 1981. Т. 1. А-З. – 699 с.

207. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский яз., 1981. Т. 2. И-О. – 779 с.

208. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский яз., 1982. Т. 3. П. – 555 с.

209. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский яз., 1982. Т. 4. Р-В. – 683 с.

210. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. – М.: Русский язык, 1981-1982.

211. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. – 1534 с.

212. МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985 – 1988.

213. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

214. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

215. Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. - Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – 264 с.

216. Словарь смоленских говоров. Вып. 1: А – Б. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1974. – 310 с.
217. Словарь смоленских говоров. Вып. 2: В. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1980. – 116 с.
218. Словарь смоленских говоров. Вып. 3: Г – Д. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1982. – 163 с.
219. Словарь смоленских говоров. Вып. 4: Е – И. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1985. – 156 с.
220. Словарь смоленских говоров. Вып. 5: К. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1988. – 146 с.
221. Словарь смоленских говоров. Вып. 6: Лабазина – Надянькаться. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1993. – 155 с.
222. Словарь смоленских говоров. Вып. 7: Наегозиться – Ощупком. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1996. – 215 с.
223. Словарь смоленских говоров. Вып. 8: Пабережье – Пояснить. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. института, 1998. – 202 с.
224. Словарь смоленских говоров. Вып. 9: Правдивец – Сеять. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 195 с.
225. Словарь смоленских говоров. Вып. 10: Сжалеться – Тяточки. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 224 с.
226. Словарь смоленских говоров. Вып. 11: Удабривать – Ящерки; Авторичанка – Тушилка. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 272 с.
227. Словарь русских народных говоров. Вып. 13: Калун – Кобза. – Ленинград: Изд-во «Наука», 1977. – 358 с.
228. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
229. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1993. – 785 с.
230. Шанский, Н.М., Иванов, В.В., Шанская, Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

Список источников
диалектного паремиологического материала

231. Добровольский, В.Н. Смоленский этнографический сборник: Ч. 3.: Пословицы / [Под наблюдением члена-сотрудника Ир.Н. Половинкина] – Ш. – СПб., 1894. – 137 с.

Приложение А (справочное)

Тематические группы пословиц и поговорок

Судьба

Свайго судныга часа ни пириживешъ.
 Какъ Гаспотъ Каму на раду назначиль.
 Якъ Бохъ чилавѢку вѢку пратягнить.
 Якъ ня Ёзди, про судьбу сваю думай: яе канёмъ ни абѢдишь.
 Быть бычку на лычку.
 Кали ня кусь, дакъ съ роту свалитца.
 Кали ни мать, дакъ и ни нять.
 ЛятѢла, якъ хатѢла; ударилаь, якъ Бохъ даў.
 Кто чаво ня любить, то таму пупадаить.

Жизнь

Наша жисть няздуманна, няспытанна, нисказанна.
 Жисть пиряжить – ня поля пиряйти.
 Годъ пражить – ни лукошка сшить.
 На вяку усяго наживёшь – и Кузьму батькой назавёшь.
 Живётъ кошка, живетъ и собака.
 Въ жисти, када харашо, када худа; када мать, када мачеха.
 Тагда чилавѢкъ станить на стипиняхъ жить, когда маткина шкура уся злѢзить ра-
 давая и абрастетъ чиловѢкъ тэю, якою Бохъ пувѢлѢў.
 Въ маткиный шкури ни звякушь: 5, 6 злѢзить.
 Въ адкей шкури ни звякушь.
 ВѢку ни зживёшь бизъ причины.
 Охъ, ты, жила, ты, маё жила, старыя загарись, а новыя завяжись.
 Пить да гулять будимъ; придить смерть – пумирать.
 ЖивѢмъ – ни матаимъ, чужого ни хватаимъ, свайго ни 'тсаўляимъ.
 Стала сирябро, а жить нидабро.

Ни дай Бохъ жить змагаючись, а дай Бохъ жить здикаючись.

Дай Бохъ жить спустя рукавы.

Какая яё жисть? Яё жисть сарочча – якъ сарока на калу.

Паздравствовались = провели добро.

Другей сживеть вѢкъ ни за пасконный мѢхъ.

Живеть да хлѢбъ жветь.

ВѢкъ – добрый чилавѢкъ.

Якоя Яго жила: какъ камаръ на камарницы. Етакыга жила ужу не дай Бохъ.

Што пьёмь, пьянѢимь, а што живёмь, то умиѢмь; праживёмь савершенный путь, то старѢимь.

Устари гады были карачѢй.

Поживи-ка змагаючись, а ни здикаючись. («Какъ кривавыю смагыю губы западуть»).

Живёмь ня хуже людей.

Сжилъ вѢкъ ня такъ, якъ чилавѢкъ.

Смерть

Сколько ни красуйся, усё туды гатуйся.

Смерть причину найдить. Ать смерти никаго ня выличишь.

Гаспотъ бяреть на свае руки и дурныхъ, и харошихъ.

Ать смерти ништо ни збаронить.

Смерть здравѢй за ўсихъ.

Судныга часу ни пириживешъ.

НѢтъ правядливій смерти.

ЧелавѢча, падумай на день ибъ смерти три разы.

Смерть ни кажась ходить.

Якъ пьяный мужикъ, такъ и смерть найдить причину прикапатца.

Дай Бохъ разъ жанитца, разъ кряститца и разъ пумирать.

Два раза ня будимъ пумирать, а разъ.

Нихай сабѢ памёръ: Бохъ яго искаў.

Нихай мруть и намъ дарожку трутъ, – и мы тады па торный дарожки адны па водным уси пайдёмъ.

Сажень земли да чатыри даски усяго намъ нада.

Што ни заслужишь на етымъ свѣти, на тымъ палучишь.

Душа, якъ крѣпка, такъ и квола.

Квалѣй души и крѣпчи души нѣту ничога да судныга часу.

Душа вылитаить мятлушкымъ, птичкый, мухый, пчелкай.

Пришоль умирать на сваю лаўку.

Во зачимъ умирать ни нада: платка, пакрывала нѣтъ.

Жанюся, висялюся; пуминаю сваю кишку набиваю.

Радитиліў пуминаимъ и сами сваю кишку набиваимъ.

Свадьба слаўна пѣсними, хаўтуры вытницами.

Харошій былъ чилавѣкъ – чарствія яму Божія.

Если перевалитца сяредний рубецъ съ ладони, то члавѣкъ скоро акончить жистъ сваю.

Смерть нираўна: иной якъ заснетъ. Пащаабечить, пащабечить – сичасъ душа, якъ птичка, вылитить из тѣла. Другей мучитца – и лумаить Яго и карѣжить, и жалкуитца іонь: «Ти задавилась мая смерть, ти привязана?! И гарюить и мыкаить горя ниўмирующая съ рання и да вечера – и ни даетъ Гаспотъ яму спакою....

Если члавѣкъ хвараить, терпить пирядъ смертью – на тымъ свѣти яму будить легши.

Ни па старысти, а па спѣлысти.

Якъ ни рада Богу, якъ ни рада, – дакъ гатова.

«Землю парить» (О похороненномъ покойникѣ).

Приплачить весь лѣсъ, а па табѣ ни якій бѣсъ.

У запасъ ни наплачисья.

Костычки яго ни тьянущи!

Перушкымъ зямелька.

Колымъ зимля!

Бурыхъ атправіўся щитать.

Чорту барань.

Кастями чужими варочаить.

Чаго мнѢ пумирать? дѢтки с бальной дряни выкапаны.

Земля – матушка усих примаить.

Мертвому хуть варота падапри.

Тэй умиръ. Атчаго? А смерть пришла.

Душа вылитаить мятлушкымъ, птичкый, мухый, пчелкай

Когда душа не отлетаеть оть покойника, покойникъ не пахнить.

Плакать сильно и огорчаться грѢшно.

Счастье

Живеть, якъ у Бога за пазухый.

Даеть Гаспотъ, якъ лѢпить.

Ну, слава Богу, ваша сучка сани вязеть.

Бохъ ни бязъ милысти, а казакъ ни бязъ доли; ти худая, ти харошая – усѣ будить.

Яго Бохъ зайграу у дуды (счастье его пригрѢло, обласкало).

Щастя пу битахъ бьетца – у карманъ ни пупадаить.

Када Бохъ кладъ дасть, и ў акошко падасть.

У карости радіўся – щастліў будить.

Усе нашему козырю масть.

Живеть, якъ золыта важить.

Живеть, якъ у шашки играить.

У чужоя щастя мухью ни ўпасть.

Нидавольныва ничимъ ни удавольствуишь.

Пупаль кусокъ у ротъ, да ни умѢить Ѣсть.

Во лалы пришли (житье пришло, къ житью пришло).

Охъ, ты лала, лала! (счастливая, оттого игривая, веселая, баловница).

А табѢ, слава Богу, а табѢ можна. (такъ говорятъ счастливому и богатому).

Несчастье (горе)

Горе терплють.

Виридуватца чимъ (разводитъ горе = утѢшать).

На серцы тошна.
Серца ни на мѢсти.
Слова гужи за сердца тягнуть.
Пичаль пиріидаить сердца.
Спраўлять рюмзы.
Ни дай Бохъ дурному больку: расчешить.
Руки апускаютца.
Ноги падкашіютца.
МлѢють руки, млѢють ноги.
И губы сатнешь, када горька.
Думушки урозь.
И на свѢтъ бы ни глядѢль.
Ни свѢту, ни радысти.
Горя у чилавѢка атшибаить память.
Страдания облагораживают человека.
И харошій чилавѢкъ ать горя дурнымъ здѢлаитца: іонь и ня смѢль, іонь и ня
ўмѢль.
Залились у гори.
МѢрили горя и набгомъ, и каўшомъ.
Ни пирямѢрить горя, якъ яго пить.
Ни ў поли, ни ў доли, ни ў лѢтихъ, ни ў дѢтихъ.
Беда никогда не ходит одна.
Ни адно, такъ другоя.
Пайдетъ – такъ пайдетъ.
Пашло – паѢхала. Пашло на Малахову галаву.
Беда, якъ воўка, нахратна.
Ни ищи горя, горя тябе сыщить.
То ня терпимъ, што Бохъ ни даетъ.
На ўсякыя бяду ни наплюисьтя.
На ўсякій кусъ ни наздрастуисьтя.

Радь бы цумяреть, да смерть ни бяреть.
 Ать горькыва дѣтца нейди – была бь салодка.
 Къ нашему кусту усѣ пуста.
 Къ нашему беригу ни плыветь дабро – то щепка, то бряўно.
 Парадила мне мама – ни ўзила мне яма.
 Кабы вы, да я, ни знали таго (горя).
 Дай Бохъ вам гористи ни видать и сладысти ни тярпѣть.
 У свѣти ня стольки у польки.
 Съ дабра кудри уютца, са пичали сякутца.
 У харошій жисти животь радаитца работать.
 Луччій жартувать, чѣмь- сягаривать.
 Ня чортъ бѣды табѣ.
 Горя, якъ иметца, такъ и страхъ минетца.
 Якоя маѣ житьте? Якъ коморъ на камарницы.
 Зь горя ня ўбитца и ать хлѣба ни 'тнимитца.
 Глазы ни выплачишь – яны намъ нужны будутъ.
 Чаго намъ плакать якъ будутъ мякать, наплачитца нѣхта абъ насъ.
 Бывають слезы рѣдки, да ѣдки.
 Кали струпь, штобъ ва ўсю голува парши были.
 Во горя дакъ горя – «Якоя?». – Скулка у ж...
 Ни самаму паглядѣть, ни людѣмъ показать.
 Ета ня горя, а то горя, када ж... гола.
 Што ты падѣлаишь? пуплакыла, пуплакыла, дый спрятала.
 Пумыгай горю дыхать!
 Худа яму! Горькыга давольна – была бь салодка.

Молодость / старость

У сваѣ уремя сасна красна; прайдетъ уремя – краска спадеть.
 Маладость – буйность, падъ старысть кайнысть.
 Книзу растеть (начал старѣться).
 А если бь зубы, хлѣбъ будить.

Маладэй пятахъ – и тэй пятахъ.

Ни станить челавѣкъ на стану, што ни къ печи, ни къ сталу (объ неустановившемся характерѣ).

Нынчи народъ ахавый – сядь, памахывай, да гляди на воби стораны (старики о молодыхъ).

Гробъ за нагами волочитца.

Уси хванари пабили на тымъ свѣти, искаўши.

Кашеиль сухой. Кабъ къ етому другей – яво иднаво у волю.

Акалѣя спяшить, а іонъ (кашиль) и смяшить.

На печь лѣзить пирьхаючи, съ печи лѣзить кашляючи.

Къ старысти двѣ радысти.

Стараму чортъ барану падкладаить, а маленькаму Гаспотъ из падушки падкидаить лятѣть.

Старый баби на печки ухабы.

Придить время – и шапка бярема.

Придить время шаткая дяржи при себѣ двѣ шапки.

Старый загорнитца въ анучи – іонъ и тягучи.

Съ чимъ умирать? Ти съ храматою, тис ь слипатою, ти зь ламатою?

Млосна мнѣ!

И слѣпа, и кепа.

Старысть – ни радысть, горбъ – ни карысть.

Стара стала, ракамъ стала (согнулась).

Ямки тыя іость, идѣ вочи были.

Выбраў Бохъ мякать – заставіў адны кости.

Сталь дряхъ: ня хлѣбъ, а крохи.

Падкоўка залѣзная – и тая стирайтца.

Выхадиль и сваё, и чужоя.

Бязъ силы на дай Бохъ жить на бѣлымъ свѣти.

Пожиль на бѣлымъ свѣти.

Пара дать кастямъ спакой.

Приходють дни къ вечиру.

Старый, старый, сяки дровы – старый разстагнаўся; старый, старый, лѣзь на печку – старый раскиваўся.

Сіў волась у боради, а дурь у голови.

Што старѣить, то дурнѣить.

На старысти лѣтъ удивила бѣлый свѣтъ

Старый, слова малый.

Молыдь быў – гряшіў многа; састаріўся, ни спакаіўся – больши пуправіўся.

Нада тога зелья, што паскарѣи у землю.

День мой – вѣкъ мой.

Што день пришоў, то да мене дайшоў – другога дажидаюсь ать Госпада Бога.

Што день прашоў, то слава Богу, – а далій, што Бохъ дасть: пажить, ти умяреть.

Нямного жить, да нейди дажить.

Старь: старій паповыга сабаки.

Старь сабака, да ни батькою яго звать.

Бязь пользы старыхъ карьмить, а малыхъ адивать.

Кали старый у дварѣ: на нада сабаку диржать – іонь усихъ аббрешить.

Старыга хвали да съ двара вали.

Ня смѣйся надъ старымъ: молыдь на будишь, а старь будишь.

Старые люди разбирають и маладымъ повыдъ дають.

Мы са старыхъ людей примѣрь бяремь, и сами такъ живемь.

Старыга чилавѣка пубранка – двару пупраўка.

Старый воўкъ знаить тоўкъ.

Идѣ старый варчить, маладэй пумаўчить.

Идѣ старый варчить, тамъ Бохъ тарчить.

Старый – укора, да при ёмъ работа скоро.

Старый – змуста, да бизь яго у дварѣ пуста.

Быў я молыдь –

Быў харошъ-пригожь,

А падъ старысть стаў

Рябый, виснуватый –
 Атстаўся винуватый.

Любовь

Любоў зла: палюбишь и казла.
 Душу ронить.
 Першая краска луччій твитеть.
 Пчела на любой твѣтъ садитца.
 Млѣить па комъ.
 Во любить яе, якъ соль в очи.
 Што саляно`я хлибать, што-й ня милыва цулувать.
 Када мнѣ друхъ, такъ и лапушка.
 Любить жану болій сердца.
 Жалѣить, якъ сабака палку.
 Чужи жоны бизгалоўя, большой сонъ къ низдароўю.

Надпись, списанная съ раскольничьяго пояска

«Кто ни адинъ живеть на свѣте,
 Имѣя милаю въ предмете
 Въ два емъ и радость и веселья
 И легче намъ терпѣть бѣды
 Въ дваемъ пакой для насъ милѣе,
 Нетакъ намъ тягасны труды.

Въ комъ гусь, какъ снѣгъ, а сердце камень.

Тоть не знаетъ любви пламень.

И такъ вы милѣе Алексей Александровъ».

Такія надписи вышиваются раскольницами своимъ женхамъ на пояскахъ, которыя приносятся в подарокъ съ объясненіями въ любви.

Дружба

Ня мѣй сто рублёў, а мѣй сто другоў: сто рублей патопнють, а сто друзей выру-
 чуть.
 Ня ў службу, а ў дружбу.

Мы съ табою якъ рыбка съ вадою (о неразлучныхъ друзьяхъ).

Хуть мае прападетъ, учиню дружбу.

При винный чари дружьёу многа, при худэй жа гадине нѣту никагоа.

Пили да гуляли, товарищымъ называли, пристали пить да гулять: «Пращай, шу-
лудякъ.

Пращай, шулудякъ.

Таварыша вади, каминь за пазухый наси.

Ни разу друхъ а дружки ни пагадають.

Мужчина

Мужикъ глупъ па самый пупъ.

Мужикъ сѣрь, да ня чортъ яво вумъ зѣль.

Мужикъ ѣсть ни патуль, пакуль пайдаить, а пакуль усё.

Мужикъ ни сярдить: ни за што ни станить дратца – только плюнь у глотку.

Мужикъ глазамъ ня вѣрить, а захочить руками перва пащупать.

Семь лѣтъ вари у катлѣ, вынь крючкомъ – и усе пахнить мужичкомъ.

Мужикъ милыстиў, а пань у сваимъ слови вѣринь.

Женщина

Бохъ сатваріу два зла: бабу и казла.

Ать бабы утикай, какъ ать чорта.

Куды чортъ ни паспѣить, туды бабу пашлетъ.

Баба хитрѣй чорта.

Ать чорта абаронисья хрястомъ, Богымъ, мальтвыю; – ать бабы и дубиный ни'т-
баронисья.

Баба увесь свѣтъ пиривярну ла бѣ, взяўши за кальцо, када бѣ яе сила.

Бабья хамутина увесь свѣтъ памутила.

Ня вѣрь лошади у дарози а баби у дварѣ.

Баба съ возу – возу лекши.

Када три бабы, четвертый жидъ, да цыганъ – дакъ ярмарка.

Бабы шкурлепы – к обѣдни слѣпы.

У бабскимъ хвасту нѣтъ пасту.

У распутный бабки двѣ ухватки.

У бабѣ 72-ухъ – адинъ казиный духъ.

На што прясть, када салдаты дасть (о бабѣ дурного поведенія).

Идѣ бабы гладки, там нѣту вады у кадки.

Зачапи хто бабу, дакъ ина языкомъ паганя карыта уложить (или: зъ грязью змѣсить).

Ни ткаха, ни пряха, а языкъ, якъ плаха.

Бабскія забабоны.

Баби ни варагуши дѣлать.

Старую бабу ни ў саху ни ў барану запречь.

Бабскія сѣни нйдѣ ни стыять.

Дворъ бабыю наживаитца и зживаитца.

Баба гадитца ни сянни, такъ у чатверьхъ.

Баби грошъ, а ли мушцини духъ яе харошъ.

Баба зависна на грошъ, а ли мушцини духъ яе харошъ.

Баба тада людьми завуть, якъ у поля идуть.

Якъ начнуть рожъ жать, тада бабѣ людьми звать.

Семья – один

У мяне только радни, што лапти адны.

Обмершій (родственники котораго умерли = superstes).

Застался адинъ, якъ персть, якъ памятникъ.

Адна душа сто душъ кормить.

Адна душа сто душъ морить.

Адна душа пракорьмить и угалодить.

Аднаму харашо кашу кулупать.

Аднаму дарожка торна да дарожка ня спорна.

Адинъ ни себѣ слуга, ни Богу раба.

Адинокому мужику, якъ курицы: идѣ ни капануў, дакъ и уклюнуў.

Халостый – парнишка простый: якъ сокыль у поля лятить, а жинатый – молыдиць
 праклятый: за имъ жонычка смотреть, дробны дѣтушки бижать. Двухъ варонь
 стоишь; а женишься – ни аднэй ня будишь стоить.

Сидить халостый, якъ песь бязхвостый; сядить жинатый, якъ пань багатый.

Идна галаўня ни гарить и ни гаснить: стукни яе – ина пыхъ, пыхъ – и пагасла.

Идна галава ни бидна: лехъ – сагнуўся, устаў – стрипянуўся.

Адинъ зѣбшь хуть вала – усё одна хвала.

Съ сямейкый ать Бога украдишь.

Съ сямейкый и Богу памолишься.

Адна рада хараша, двѣ, три – луччій.

Лишний чилавѣкъ у сямѣ – ня згуба.

На адно кусало семь сербалыў.

Персть лизни адинъ, а другому дай.

Што аднаму, то и другому.

У трехъ больши брѣхъ.

Када хто ать сямьи ѣсть асобинна, чортъ стаить надъ тымъ съ разинутый пастью.

Хуть малинькую крошичку, хуть арѣхавыю зярёнышку, да useю сямейкыю –

Гаспоть и спарить.

Хуть душу загуби, а изъ сваей сямьи ни выноси.

Лишний чилавѣкъ у сямѣ – ня згуба.

Адинокому мужику, якъ курицы: идѣ ни капануў, дакъ и уклюнуў.

Адна рада хараша, двѣ, три – луччій.

У трехъ больши брѣхъ.

Братцы, братцы, зѣ ваўкомъ двадцать, усё бирюки.

Адинъ зѣбшь хуть вала – усё одна хвала.

За Пристолымъ Гасподнимъ useю сямейкыю хуть па разочку, укусить.

Нихто ни знаить, чія душа поить, чія кормить, на чію душу Гасподь пасылаить.

Гаспоть знаить, чіею чашечкыю мы живы: адна душа поить, адна душа корьмить,
 адна душа зѣ голыду морить.

Брак

Дай Бохъ разъ жанитца, разъ крястится и разъ умирать.

Атдали замужъ-се гала, се мала, се цыцокъ нѢту.

Када изъ андарака дѢўка выскачить, то и знаить, што замужъ нада идить.

Када дѢўка у парѢ, ни дяржи яе у дварѢ.

Хуть за казла да запаўзла.

Хуть съ худымъ мужимъ, а бязъ мужа хужѢй дужа.

Жисть бязъ мужа – паганая лужа.

Хуть за плута, дакъ тута.

Замужъ кали хочишь – тады и скочишь.

НядѢлю свякры. НядѢлю снашны.

Свату либо первая чарка, либо первая палка.

Сваты кали ноги касматы, а кали гладки, то забирайтись падъ грядки.

Ноничи свадьба, заўтри свадьба – свадьбы жить ни дадутъ.

Три года маладыхъ кароста точить, три года на маладыхъ сабаки брешуть, три го-
да люди судють.

По истеченіи девяти лѢтъ женихъ и невѢста становятся супоўные люди.

Якъ ни трипячись баба, жисть бязъ мужа – паганая лужа.

Мужичекъ хуть съ кулачекъ, дакъ мужикова жонка: за яго завалюсь, никога ни
баюсь.

Бабскія сѢни нїдѢ ни стыять.

Не завязывай сваю галаву!

Кала гары, гары, пупадай у тэя жа двары (о несчастливыхъ бракахъ).

Жни пашаничку зазелена, атдавай дѢўку замалада.

Дявоцкїй вѢкъ карочи: замужимъ даўжей вѢкъ.

Сжаўши пышаничку зиланѢй, ина мушнѢй, дѢўку атдаўши малажей, ина
вумнѢй.

Жанитьба ни лапыть: зъ наги ня скинишь.

Вышла замужъ, штобъ пакрыть галаву.

Інь у виру, а анна на калу (Объ супругахъ, находящихся въ расходѢ).

Году ни пажили (объ неудачной свадьбѣ).

На первымъ схаду быки дярутца (время ссоры молодыхъ скоро слѣдуетъ послѣ свадьбы).

Плахимъ лычкымъ звязана да звязана.

За Яго (Плахова жиниха) идить – день тратить – тога дня велій парабо-татъ.

Зайца ни'ткидай – будишь жонку аткидать.

Всеѣдная крутила – усѣ свадьбы крутить.

Посли свадьбы дружкоу многа.

Свадьба бизъ драки ни приходить.

Якъ завядетца на свадьби ссора – суцій кул'ешъ.

Свадьба слауна пѣсними, хаўт'уры – вытн'ицами.

Хто лѣтымъ женитца ня быть дабру.

Ионъ ажаниўся тады, якъ люди сѣна касили (о несчастной свадьбѣ).

Дождь во время свадьбы – хорошая примѣта.

Вѣнчалъ Бохъ и развѣнчалъ Бохъ. (Расходы совершаются, какъ и свадьба, по определению судьбы).

Пашла бѣ замужъ, да субботы баюсь: суббота грязна.

За три нядѣли конь чуить свадьбу.

Када свадебѣ нѣту, камары заѣдають; свадьбы сильныя – камары смирныя.

Невеста

Во дѣўка – такъ дѣўка: якъ рѣпка падласая*.

Дѣўчуга слаўная: хуть таўкачомъ*, дакъ іость на чомъ.

Дѣўка и ў кола, и мяла.

Красату ни лизать, а ума ни привизать: дай Бохъ, штобъ свой былъ.

Была бѣ у ляди*, а ни ў наряди.

Ни рячей, ни вачей.

Дѣвычка паплешница.

Дявочча, якъ сарочча.

Ни къ столу, ни къ полу.

Ни на рѣпки натинка, ни пу парню дяўчинка.

Што бабыльская дачка, што прудницкая свинья.

Ни зь кожи, ни зь рожи.

Ни ткаха, ни пряха, а языкъ якъ плаха.

Замужъ, якъ у дымъ, а работать ни знаить.

Бохъ блюди нявѣсту къ свекрыру да къ свякрови атдавать: усё свае.

Ближій кума – болій гриха, далій кума – меній гриха (говорится и объ заму-
жествѣ: дальше отдать дочку, хоть не видишься съ нею, меньше ссоръ съ новой
родней; въ собственномъ смыслѣ говорить пословица: «Съ ближней кумой
скорѣй поругаешься, дойдешь до грѣха» – а съ кумой браниться грѣшно.

«Расти, каса, да паиса,

Ня вырани ни валаса;

Табѣ женишекъ;

Табѣ Иванька,

А мнѣ баранька».

Невестка

У чужихъ людяхъ жить – чужимъ людямъ наравит.

Ни дай Бохъ зятній хлѣбъ ѣсть.

Зять любить с приносимъ, а ня с голымъ носымъ.

Свякрови ни упякешъ, ни уваришъ.

Ета ни свякрова, што за пличами скрипитъ, а то свякрова; што у грудяхъ хрипит.

Слава табѣ, Божа, што свякрова пумирла: буду вирятенцы напридать и свякро-
вушку пуминать.

Нявѣстка нявѣстки плахей друхъ

Адна нявѣстка сведина съ барку, а другая съ вирку: у ихъ плахоя сагласія.

Свекрырь – ня родный батька.

Муж / жена

Мужъ да жена – идна сатана.

Глава на церькви хараша, а хрѣсть луччій.

Ясли къ лашадямъ ня ходють, а лошади къ яслямъ – такъ и мужъ къ жанѣ ня хо-
дить.

Слушай, дуброва, што лѣсь шумить.

Мужичекъ съ кулачекъ, дакъ мужикова жонка.

Святиль бы ясень мѣсиць, а звѣзды хуть бы и пупадали.

Святиль бы ясень мѣсиць, а звѣзды трипитать будуть.

Хуть лышная пуга, а атарветца, дакъ пахужіить.

Худа и птушки бязь дружки.

Бязь мужа тyani жилы, пакуль живы.

Выши ўба глаза ня ходють.

Мая жонычка Божжія пчолычка (такъ мужикъ называеть, «када у добрымъ сагласіи шутить»).

Мужикъ съ жаной бись – дярись, а родный прамезь ихъ ни ўступайся.

Мужикъ купиль мыла и памыль рыла, штобъ жонка любила.

Мужикъ Жану любить здаровую, а братъ сестру багатыю.

Люби Жану какъ душу, а тряси, какъ грушу.

Хто жаны ня бьетъ – тэй и домымъ ни живеть.

Тылян`о, тылян`о, будь саяян`о! Приѣдить мужикъ съ торгу, набьетъ баби морду.

Соли нѣтъ! А ты клечикымъ изъ барана пасали. Приѣхаль мужикъ съ торгу и набьетъ баби морду.

Мужъ Жану ударить – яго черти ударють, а жана мужа ударить – Бохъ здароўя прибавить.

Сустрѣла мяне худая доля сяредь чистыга поля – ни дай Бохъ няпутный дружки.

Ня стольки зъ мужимъ нагастилась, што накастилась. Мая-то дура вѣшная!

Паслушанникъ жанѣ (съ укоромъ = подь башмакомъ жены, с. Дудкино, Бѣльск. уѣзда, раскольничье выраженіе).

Харошая дружка – первыя щастя ать Госпада Бога.

Была Жана, да карова сажвала.

Атдаси жонку, а самъ у саломку.

Мая жонка – ни ткаха, ни пряха: ляжить, якъ плаха.

Ня умѣй ни ткать, ни варить, а умѣй са мной гаварить.

Ховра, чаму ты ни плачеш? Замужь атдають. Наплачитца и тэй, хто Ховру замужь вазьметь.

Я свайму дѣду здѣлаю бѣду: запряжа санычки, прочки паѣду.

А кышь, вирябейка, я одна ў даму.

Пушка – жигушка, аживи жанушку! (Мужикъ засѣкъ сварливую жену и потомъ обращается съ просьбой къ кнуту своему).

Мой верхъ будить! Тады твой верхъ будить, якъ сарока пубялѣвить (споръ мужа с женой).

Іонъ падъ макушку, а ина падъ кам`ель (перевѣсь на сторонѣ жены).

Госпыди Госпыди, убій таго да смерти, чей мужикъ харошъ.

Убій таго да смерти, чія жонка лиха.

За пьянымъ мужимъ на Христоў день цибулькый разгавѣсься.

Чортъ лапытки стаптаў, пакаль ету парычку сабраў.

Бядовая Жана: вывадить па зарямъ.

Харошава мужика ни затѣишь, дурнова ни унимишь.

Што глянуў, такъ и грянуў.

Ни выпускай зъ рукъ Байда.

«Пришла матка къ дачкѣ:

- Дачушичка мая, няйди ать мужа! –

- «Мамачка мая, якъ жа мнѣ ня йтти? Утирка макренька». –

- Я тябе, дачушка, научу – Тольки няйди прочь: устань ранинька – утирачка будить сухинька. –

- «Нѣ, усѣтаки, пайду!» -

- Ня йди! Съ нямымъ пагаворишь: дасть Бохъ табѣ дитёнычка, ты зъ имъ пагаворишь, усѣ горя забудишь».

Дитя

– «Дяржи рябенка у пушку, якъ у трибушку!» -

У старинныя увремя мать нядѣль да шасти ни показывала дитенка свѣту и людыамъ:

– «Што сматрѣть на красныя мяса?» –

Такъ іонь ляжить спакоинь да сваяго уремени.

Таперь нядѣль двухъ, трѣхъ рабеныкъ, – matka яго пестуитъ прида ўсѣми, на ви-
лачки ставить».

«Таперь писни рабеныкъ, и matka кидаетъ усѣ дѣла, кидаетъ и спяшитъ къ дитен-
ку: – дапрежди такой чести не была: макрень іонь (рабеныкъ) – дажидайся сваиго
ряди, кричи, пирярвися, хуть синіи жилы напругутца: матки и дѣўки панцины
занимались, кросны ткали...».

Дудоли зикку мекку дудолить (ребенок грудь сосеть).

На мази слезки.

Грибы распустиль, развѣсилъ.

Нюни распустиль (сло-жилъ губки, чтобы плакать).

Плачить рабёнычикъ усею щирью праўдыю.

Ни крику, ни выку (тихія дѣти).

Цытѣтя, цытѣтя, дѣтки! Усимъ будить па цыцки, а каму и двѣ.

Малинькыва пригишають, а ни большинкава.

Ни праси рана ѣсть: попь уха атрѣжить и на лисицу узсодить.

Ни бряши сабачею губою: а то падсяку язычекъ.

Рабеныкъ, якъ апекушь, якъ изъ тѣста злѣплинь (о толстомъ ребенкѣ).

Мышка вочки зѣла (приговоръ, когда ребенокъ съ трудомъ раскрываетъ глаза
послѣ сна).

Клади рябенка у люльку: іонь тухнуть (спать) хочить.

Ища іонь ня вытыхся.

Іонь ба затухъ, якъ ба яго пакалыхаў.

Вяликъ расти, щастліў будь (пожеланіе ребенку).

Будить рабёныкъ хуть день скагатать, а нада баранька хлапатать.

Ни буди горя, кали спить.

Усихъ дятей жалка, каторыя по пылю, а ня тэя дѣти, што по пылу.

Тэя дѣти, што по пылю, а ня тэя дѣти, што по пылу.

Ни дай Бохъ на чужихъ дятей ийти.

Ни дай Бохъ, штобъ сваи дѣти заставались людёмъ.

Хвостъ длиненъ (дѣтей много).

У каго дѣти, у таго щастя.

Дятей много, жить ничога.

Четвира дятей сиротъ – чатыри гори.

Када бѣ ня дѣти, Маскву бѣ матушку аминули.

Адинъ рукаў – и тѣй падяру ли сваихъ дятей.

Чужей вѣкъ узраститъ – свайго пріўкратить.

Дасть Бохъ дятей, дасть Бохъ и долю.

Пять пальціў на рукѣ – и усѣхъ жалка.

Птушка-звярушка, ни якій пользы ать свайго дитѣнка ня мѣить – и то жалѣить.

У каго дѣтки, у таго ягадки.

На што тѣй кладѣ, када дѣтки идуть у ладѣ.

Ласкывая дитятка двухъ матыкѣ высасать.

Чужихъ дятей учить – худую славу пулучить.

Свайго дитенка хуть торчма, хуть бутырѣмъ, іонѣ ни пажалитца.

Што за пичаль чужихъ дятей качать? Хто народить дятей, тѣй и выха-дить.

Абсялился дѣтками, какѣ у жука кала лапыкѣ.

У нынишній гады авечки котють па аднаму, а бабы па троя.

Аднѣй матки дѣти, да ня роўны.

Чѣе мруть, а наши якѣ изъ вады идуть.

Рабеныкѣ, ни ударіўшись, ни выраститъ.

Пакуль жанитца, заживеть и загаритца.

Ни плачь, што убіўся: да свадѣбы заживеть.

Мать

И у кошки катя – то жа самыи дитя.

Сваимъ дитѣмъ matka. Matka сваимъ дитямъ пріять.

Ма'ла то'льки да'ла мама».

Каму гадка свайму дитѣнку matka.

Маткины слезы ни падуть на землю дарымъ.

Кѣ матки такѣ дѣти ня кидаютца. (О лицѣ, которое въ особенности любятъ дѣти).

Прежда рдилася нянька, а потомъ лялька.

Ни лижи: ня ты мяне тялила.

Якая я табѢ матка? Ни зави мяне маткыю: табе кабыла жирябила.

Забыла чимъ матку завуть (о дочери).

Бохъ блюди радная матка, а ни мачеха.

Матка галоўку мыить – приглажїить, а мачиха мыить – прискубаить, кашулю да-
еть – праклинаить.

Луччїй (велїй) скородьба, чѢмся наральля, луччїй первая жина, чѢмся другая: са
первыю жаною дѢтычикъ нажилъ, са ўтарою жаною дѢтычикъ распустилъ.

Мать /жена

Нашная какушка дянную усѣ пирикуковываить.

- «Хто, пани, варїў? Я бѣ таму вочи залїў!... Матка?!»

- Жонка, пани, твья». –

- «Яси пасаля». –

- «Хто ста хату мѣў? Сурна! Ти ни матка?»

- Жонка, пани, твья! –

- «Да якая чистыя». –

- «Хто ста такей пасикушь напяў? Даўжно, матка?»

- Да, нѢ, ста твья жонка. –

- «Ого-го, якей букатикъ».

Родители

На томъ свѢти, на загнети.

Якѣ хто знаить, такѣ пра свайго тату плачить (справляетъ похороны).

Мертвый живого Ѣсть.

Я пакойнику ни пажалѢю: хуть первая карова прапади.

Што вялить, то ни жалѢй для радитиля.

Ни дай-то Бохъ радитиля прагнавить, а кстины было бѣ у хрящоную вѢру увести.

Ня рѢдичка – такѣ няўзойдить и такѣ ни усодишь («родителей» слѢдуетъ хоро-
нить и поминать честно).

Пакойникъ у варахъ ни стаить, а свае бярьеть.

Ни умирай у насъ: съ нашими радитилями ни паладишь.

Не былъ житиль, а памёръ ни радитиль.

Радитель свае узяль.

Родители / дети

Ня дѣти батьку нажили, а батька нажилъ дятей.

Дочка – гарючая слезка.

У муцини (сына) идна слиза пакатилась – и тая назадъ варатилась.

У каго двѣ дочки, тѣй носить лаплиныя сарочки.

Дочь – чужая крупеня. Дочь – чужая работница (С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Малышка, ляжь у камушку (про сына).

Сыночикъ, радись на камушку.

Ради Бохъ сына, а не дочь (С. Шоптово, Бѣльск. у.).

Табѣ, мой сыночикъ, у поля ни ганять, лустучку ни брать и лычикъ ни драть и лаптыкыѣ ня плестъ и двару ня несть (сожалѣніе о смерти сына).

Адинъ сынъ – не сынъ, два сына – полсына; кабы ихъ три сына – поўныя хазяйства; а кали шесть сыноў – три царю, три батьки.

Сына вырысь да вуха бирягись, батька зъ маткый, абуха.

Съ зятимъ бранись – на порохъ грябись; съ сынымъ бранись – на печку грябись.

Адными знизамы знизуть дочки.

И съ сынами трясуть сумами.

Кали семь дѣвыкъ – ни нажива, а сжива.

На дачокъ matka батрачка, пакуль руки сащ`епить.

Съ сынымъ туды-сюды махнусь, уси гори размахну; а якъ бязъ сына туды-сюды шатаюсь – усѣ горя варочаитца.

Тамъ капуста у качаны ня ўетца, идѣ дачка зъ маткый ни дяретца.

Тамъ хлѣбушка ня родить, идѣ сынъ батьку за бараду ня водить.

Атцоўській сынъ ничимъ сыть.

Дочки тянуть за душу, какъ іўца галодная.

Какушка – ня птушка, нявѣстка – ни дачушка.

Радись, мушинка, на камышки: идѣ мушинка, тамъ кусокъ хлѣба; дочки навялютца – жить ни дадутъ.

Ни радіуши, ни дитя (объ невѣсткѣ); ни ўскармѣвши, ни слуга (о пріёмшахъ).

Ни на вадѣ, ни на игнѣ радила тябѣ, сыночикъ, а на зямли.

Сына жанить, нада Бога хвалить.

Дачушку атдать, начушку ни спать.

Атдала дачушку, а сама буду, якъ гаюшка: ни дярюжки, ни падушки.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, въ с. Лубенскѣ, дѣвушки привязываютъ къ косамъ косточки изъ крыльевъ въ знакъ того, что уйдуть или улетятъ из отцовскаго дома.

- Дѣтичка, ня пей вина! –

- «Матушка, мнѣ ня первина». –

(Мать совѣтаетъ сыну не пить вина, а онъ уже давно съ нимъ знакомъ).

Нада дѣтямъ парядакъ давать, штобъ звали атцоў-матярей батьками-матками.

Батькинъ богъ на дятей батрокъ.

Хто атца ни забываить, тэй на мори ни патапаить.

Хто атца зъ матирью пачитаить, тэй вѣкъ па прастори плутаить.

На сынний лаўки сабирайся умирать.

Атцоўская благаславенія са дна моря вынимать.

Сына вырысь да вуха, бирягись, батька зъ маткый, абуха.

Съ зятимъ бранись – на порохъ грябись; съ сынымъ бранись – на печку грябись.

Тамъ хлѣбушка ня родить, идѣ сынъ батьку за бараду ня водить.

Тамъ капуста у качаны ня ўетца, идѣ дачка зъ маткый ни дяретца.

На батькинъ дворъ напакастиль дай вонь.

Якъ былъ батька хазяинымъ – соль іостъ, хлѣба нима; а якъ самъ сын стаў хазяйства вадить – нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли, нѣтъ ни кислыхъ щей.

Ни асудить Бохъ и люди тиризь сыннію дурость (отказъ платить долги. Бѣльск. у.).

Иди на каминь и живи; вабью коликъ – иди туда и вей себѣ гнѣздо! - (Отець прогоняетъ со двора непокорнаго сына и лишаетъ его наслѣдства).

Када ты мяне карміў, дакь у мне ротикъ былъ вирябьиный, а накарми-ка жь тябе, якъ у тябе ротъ ваўчиный: табѢ парасѣнка у ротъ усодь – и тѣй ни павернитца. (Укорь старику-отцу взрослога сына).

Я луччи сабаку вазьму у дворь, чѢмь-ся батьку.

Увесь тата (по отцу).

Батька идеть па хати, слоўна конь; ляпечить, якъ сабака.

Своё – чужое

У сваимъ доми и вуглы помогають.

На чужей старонки и старушка – божій дарь.

На чужей старанѢ и жук мяса.

Чужая старана – темный лѣс.

Живѣмь – ни матаимъ, чужого ни хватаимъ, свайго ни 'тсаўляимъ.

На чужая щастя мухью ни ўпасть.

За сваё добрыя усякь прагаворить.

Усякий къ сабѢ дабра ни жилаить.

На чужоя добрая ни разивай рта па самыя вуши.

Атсохни таму рука па локать, хто сабѢ дабра ни жилаить.

Пиридь табою твае дабро капою: ни нада мнѢ твайго ничога.

Што бальнѢй: ти кабата ай кашуля? Да, кашудя бальнѢй.

На чужей ба шкури вала спекъ – на сваей и воши ни забьешь.

Маё дѢла: гаў! И падъ печь.

Какъ ни шатайся, за чужоя ни хватайся – живи сваимъ.

На чужой ротъ ни надѣлаисься варотъ; свайго, дурнова, ни хвали, – чужова, хорошива, ня губь.

Свая грязь и ў лужинки знатна.

Усё бирюки на чужое добрая.

Свая рука владыка; ею ня выдасисьти.

Свая рука владыка тянить на усё лыка.

Чужоя дабро падпираить падъ рябро.

У чужомъ приходи свячей ни пупраўляють.

За свое добрыя усякъ прагаворить.

Усякый къ сабѣ памекчи горнить мякушикъ.

На етымъ виташку каждый тянить ки свайму мяшку.

Хто чужога (дятенка, скатину) нинавидить – свайго вѣкъу глаза ня ўвидить.

У сваймъ доми и вуглы пумагають.

Чужая старана – темный лѣс.

На чужей старонки и старушка – божій даръ.

На чужей старанѣ и жук мяса.

Деньги

Усѣхъ денихъ на свѣти ни забярешъ.

Деньги нажіўноя дѣла: кала живэй касты мяса абрастаить.

Прападай тоя сирябро, якъ жить нидабро.

У натури усѣ раўны, а у шкатули нѣ.

Свой своимъ, а денюжки ни радня.

Кали рубѣ – тады вумъ; два рубли – два и вумы.

За свой грошъ усюдыхъ харошъ.

Были денюжки – любили Сеню дѣвушки; а ни стала денюжикъ – забыли Сеню дѣвушки.

Якъ у Сенюшки да были денюжки, тады Яго виличали – «Ожъ ты, Сенюшка, Сямёнъ».

А якъ ни стала у Сенюшки у кармани денюжикъ, тады: - «Ахъ, и ну-ка ты, Сеня, убирайся атселя!».

Хлѣбу мѣра, деньгамъ щотъ.

Деньги что вода. Богатство – вода: пришла и ушла.

Деньги ай агонь: багать или бѣдинъ.

На симъ двароў адинъ тапоръ.

Бизъ абуха драва рубить.

Унасъ у дяреўни стрыгачи: съ чаго Саха – съ таго т рычаги.

Хуть лышная пуга, а хужѣй тога, якъ нѣту ничога.

Жиль Нестирка, была у яво лошадей шестирка: адна, ни уставая, дворъ выиздила.

Хлѣба ни стала, калатоўщики стали.

Зъ макыва зярно ни видали хлѣба.

Дня безъ хлѣба ни сядѣли.

По нашиму – хлѣб съ кашію.

У нашига брата – када хлѣба зъ душу, такъ и денигъ зъ нужду.

Ни ў гаршку, ни ў мяшку.

Адна хата – и тая бязъ крышки.

Якоя яго хазяйства? и куръ ни пьетъ.

На христоў день ни размьяестья.

Уси харужи наружу.

Сжіўся: сабаки нечимъ выгнать.

Божа нашъ, што у насъ ничога нима? Каму наша добрая дастанитца? Некаму и нечига.

Съ-подъ печи выгнать некияга.

Адну рубашку падъ пашку.

Адинъ блинъ – и тэй на рѣшети.

Пища / одежда / работа

Што спиў, да зѣў да знасіў, то и слава Богу.

Хлѣбъ-соль да вада – маладецкая ида.

Што русьскому здарова, то нѣмцу смерть.

Недасоль на сталѣ, пирясоль на спинѣ.

На рубѣ sprawy, а на капѣйку приправы (соли – бязъ соли крива).

Хуть кисла, назадъ ни пирявисла.

Пей сольна и ѣшь горька: умрешь – ни згніешь.

Ѣшь горька умрешь, ни згніешь.

Сладысть – слабысть.

Сахарнымъ кускомъ сытъ. И сахарный кусокъ дехтимъ абарачаитца.

Ѣла бѣ салодка, да морда каротка.

Бязъ хлѣбу нѣту абѣду.

Када у каво хлѣба край, такъ и падъ кустымъ рай.

Пакуль съ хлѣбамъ, патль с цѣнамъ.

Сала бизь хлѣба ни зьяси, а хлѣбъ зьяси бизь сала.

Хто хлѣба-соли ни ўважаить, таго Бохъ за нявольника считаить.

Хлѣбъ ядуть чистый.

Хлѣбъ на сталѣ, руки свае.

Щи хуть галаву палащи.

Бязь капусты живаты пусты.

Капуста хуть сѣра да смѣла.

Была бь капуста да ржаная луста.

Капуста якъ малина – хуть ты губами ѣшь.

Дай Бохъ, штобъ мая капуста удалась: сахарный укусь, малиновый пахъ.

Ни карай Бохъ ничимъ, кали капуста ни съ чимъ.

Ни карай Бохъ ничимъ, када капуста ни съ чимъ: вада да либида.

Худа капуста бизь свиньи.

Наѣлись рѣдьки, хуть тапоръ павѣсь.

Рѣпка на животь крѣпка.

Рѣпа ня медь.

Рѣдька хвалилась: я съ мѣдымъ хараша. Мѣдь: на што ты мнѣ? Ты мнѣ ни тава-
рышка: бизь тябе харошь.

Падъ часъ и бураки бывають ни дураки.

Да буракоў ни такоў – какба кисель зь малакомъ.

Да буракоў ни такоў, а на кашу самый старшій.

Пираги пра ўпяредъ биряги.

Идѣ пирохъ, тамъ и лѣхъ; идѣ кисель, тамъ и сѣў.

Киселева ѣда – да парога хада.

Кисель да сыта – падвигай, сила, сюда!

Кисель ни жуёшь, а глатаишь – животь, какъ хлопъимъ, абаткаишь.

Квасъ, какъ малина, да вада абманила.

Спякуть и дѣти, кали іосьть у клѣти.

Напрядеть и сука, кали іосьть у клѣти мука.

Кушання хорошія хуть ты выпій, а худоя хуть ты на сабаку вылій.

Хуть ты на сабаку лей (плохое кушанье).

Харашо была да близка дно.

Я за ету кашу да пупляшу.

Што спіў, да зьў да знасіў, то и слава Богу.

Хуть сабачина, было бь – вока на бачила.

Кислая, прѣсная тѣста – варати въ одно мѣста. (Када учорашній супь кисловать...

А што дѣлать? Ни разбирай: кислая, прѣсная тѣста варати у одно мѣста).

Што у поли радитца, то усё дома гадитца, – гадитца ни сянни, дакъ у чатверьхъ.

Чаго ни яси, таго у ротъ ни наси.

Мая душа ни пирибярushка: рѣдьки ина ня хочить, а мѣдь жреть.

Клечикъ, клечикъ, пасали гарщечикъ.

Приговоръ, когда хлѣбъ мѣсятъ: - Спорынья у дяжу! – «Сто рублей у машну».

ѣсть хачу. Разинь ротъ: я ўскачу.

Кушайтя да хазяина слушайтя.

Скакни да неба: тада дамъ хлѣба.

Губи ня вѣрь, только къ роту примѣрь.

Чарычка катокъ, варашися у ратокъ.

Важинь ня нужинь, а дорагъ абѣдъ.

Хлѣбъ-соль! Просимъ пакушати.

Хлѣбъ-соль! Спасибо за добрыя слова, добрый чилавѣкъ.

Просимъ ѣсть да! Да нейди сѣсть.

Спарина вамъ у чарку.

Благодарю за угащѣнія.

Благодарю панамарю, што ва ўси пазваниіў.

Дай Бохъ мѣравую сыть: сахару кусь, а саломы возь.

Спасиба сталу и скамейки и усей сямейки.

Спасиба усей гурьби и хазяину.

Хлѣбъ-соль кушай, да хазяина слушай.

Хлѣбъ-соль ѣшь, да праўду рѣжь.

Садитись, дѣтки у рядѣ, штобѣ Бохѣ былѣ радѣ.

Уставай съ застолья, када хазяйка хвартукамѣ триханеть.

Кагда молодые у харошимѣ сагласіи: Куда ты лѣзишь? Ища хазяйка хвартукамѣ ни триханула.

Усимѣ на семь, хазяину 8, хазяйки 9, што роўна дѣлить.

Ѣли панамі – аташли свиньями. (Когда послѣ обѣда лѣнятся столѣ убирать).

Ни патуль ядимѣ, пакуль сыты, а пакуль усѣ.

Ни лумать, а ножикамѣ разрѣзать. Бохѣ лумаў и намѣ даваў.

Хто послі абѣда сна ни уживаить, таго Бохѣ за нявольника щитаить. Силязѣнки, мальчикѣ, ни ѣшь: съ каня звалисьтя.

Дѣўка, ѣшь силязѣнку: касса вялика будить.

Хуть черна хади, да пираги пяки.

Цапохѣ скрипить, а у катлѣ трясца кипить.

Када бѣ ня дирька у роти – хадили бѣ мы у злоти.

Пушной хлѣбѣ – ня голыдѣ, пасканная рубашка – ни нагата».

Галодный поля пирябьгить, а голый нѣ.

Касцамѣ первыя кушанья.

Робѣ ни линясь, ѣшь ни баясь.

Работать ни линясь, – ѣсть ни баясь.

Паработай да поту и ѣшь у вѣ ахоту.

Работали да пату, ѣли сухату.

За то сабаку корьмють, штобѣ ина брихала.

На работу мальчики, на яду маладцы.

Ни работаишь, такѣ даляжишь.

Паѣсть любить, а на работу глядить, якѣ конь скрозѣ дугу.

Што мнѣ тая ида смашная, якѣ работа страшная.

Велій я зѣмѣ хлѣбѣ да ваду да паляжу.

Што стопаишь, то и злопаишь.

Абмочишь ножку, памочишь и ложку.